Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова
И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Научный редактор
доктор социологических наук, доцент *Е. В. Петрова*

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2021

УДК 316.4(571.54)
ББК 60.5(2Р54)
М43

Авторский коллектив:
д-р социол. наук, доц. *Е. В. Петрова*
канд. социол. наук *А. В. Бильтрикова*
канд. филос. наук *И. Н. Дашибалова*
канд. социол. наук, доц. *В. Г. Жалсанова*

Рецензенты:
д-р полит. наук *Т. Б. Бадмацыренов*
д-р ист. наук *М. М. Содномпилова*
канд. социол. наук *А. В. Винокурова*

М43 **Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях** / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 182 с.

ISBN 978-5-7925-0606-0

В монографии рассматриваются проблемы межэтнических отношений в республике, обусловленные социально-экономическим и политическим развитием региона, историческим взаимодействием контактирующих этносов. Анализ ведется на основе эмпирического материала, полученного авторами в ходе социологического исследования (2018–2019 гг.).

Рассчитана на специалистов гуманитарной сферы: социологов, политологов, историков, а также представителей органов государственной и муниципальной власти, НКО, СМИ и широкий круг читателей, интересующихся современными процессами в обществе.

УДК 316.4 (571.54)
ББК 60.5 (2Р54)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования и науки Республики Бурятия, проект № 18-411-030010

© ИМБТ СО РАН, 2021
© Кол. авт., 2021
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2021

ISBN 978-5-7925-0606-0

Оглавление

Введение (Е. В. Петрова, И. Н. Дашибалова)…… 4

Глава 1. Современное развитие Республики Бурятия в оценках ее жителей

1.1. Социально-экономическая ситуация (И. Н. Дашибалова) …… 16

1.2. Ключевые социальные проблемы (И. Н. Дашибалова).. 28

1.3. Социальное неравенство в республике (И. Н. Дашибалова) …..... 40

1.4. Социальное самочувствие населения (Е. В. Петрова)… 45

Глава 2. Межэтническая стабильность в республике и перспективы ее сохранения

2.1. Состояние межэтнических отношений (В. Г. Жалсанова) …… 55

2.2. Доверие как индикатор межнационального согласия (Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова) ……. 75

2.3. Идентификационные общности и интеграционные установки (И. Н. Дашибалова) ……..……... 89

2.4. Социальная дистанция этнических групп (А. В. Бильтрикова)……..…..... 110

2.5. Этническая идентичность граждан (А. В. Бильтрикова)……. 126

2.6. Воспитание патриотизма как фактор сохранения межэтнической стабильности (Е. В. Петрова В. Г. Жалсанова)….. 139

Заключение (Е. В. Петрова, И. Н. Дашибалова)…….. 165

Источники и литература……... 167

Введение

Исторически Россия – страна с многовековым опытом межэтнического взаимодействия и этнокультурных контактов. К настоящему времени на ее территории постоянно проживают более 190 народов. Поэтому важнейшей государственной задачей является сохранение стабильных и бесконфликтных межэтнических отношений, создание равных условий для развития культуры и традиций всех этносов.

В Стратегии государственной национальной политики РФ содержатся основные цели, направления, задачи и механизмы реализации национальной политики страны, которые связаны с обеспечением межнационального мира и согласия, гармонизацией межнациональных (межэтнических) отношений, сохранением этнокультурного многообразия народов. Обязанность по их реализации возлагается на институты государства и общества. Однако очень востребованными становятся и социологические исследования, изучающие факторы поддержания межнационального согласия и его ресурса, степень консолидации общества, наиболее эффективные профилактические меры для предупреждения межнациональной или межконфессиональной напряженности [2–3].

Социологическая группа Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) в 2018–2019 гг. в рамках реализации регионального гранта РФФИ и Министерства образования и науки Республики Бурятия № 18-411-030010 «Межнациональное согласие в Республике Бурятия в изменяющихся социально-политических условиях» провела социологическое исследование. Методом анкетирования (самозаполнение) было опрошено 900 чел. (2018 г. – 500 чел. в городах Улан-Удэ, Северобайкальск, Кяхта; 2019 г. – 400 чел. в Баргузинском, Еравнинском, Заиграевском, Кабанском, Тарбагатайском и Хоринском сельских районах республики), взято 24 глубинных интервью. Выборка многоступенчатая, на последней степени отбора квотная (пол, возраст, образование, национальность). При определении генеральной совокупности и разработке выборки опирались на Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.

Цель исследования – изучение межнационального согласия. Нас интересовало, как население понимает согласие и в чем оно проявля-

ется. Что объединяет или разъединяет людей, принадлежащих к разным социальным и этническим группам. Насколько представители разных социальных и этнических групп доверяют или не доверяют другим людям и какими принципами при этом руководствуются. В чем соглашаются люди, принадлежащие к разным этническим группам, и каковы могут быть последствия разной степени межнационального согласия. Проект представлял собой исследование источников и ресурсов межнационального согласия, обусловленных этническими установками, ценностями этнических культур, социально-экономическим и политическим развитием региона.

Исходя из объекта изучения – этносоциальные группы, проживающие на территории Республики Бурятия, акцент в исследовании сделан на определении позитивных и негативных межэтнических установок, ресурсов и ценностей межнационального согласия, способствующих интеграции общества, степени обобщенного и межличностного доверия.

Новизна работы состояла в получении сравнительной картины внутрирегиональных особенностей консолидации этнических групп, а также определялась локализованностью исследования и возможностью учета специфики этносоциальных процессов в регионе. Итоговые результаты позволили проанализировать ресурсы интеграции этнических групп республики. На основе анализа эмпирических данных выработаны подходы к минимизации рисков и угроз социально-политической стабильности в регионе.

Оригинальность заключалась в том, что впервые за постсоветский период в Республике Бурятия инициирован масштабный анализ межнациональных отношений и межнационального согласия с использованием комплекса различных исследовательских процедур качественного и количественного характера, таких как массовый опрос, глубинные интервью, анализ статистических показателей. Полученные результаты позволили верифицировать оценку межнациональных отношений как позитивных и в то же время обнаружить факторы возможной напряженности.

Было рассмотрено влияние территориального фактора на состояние межэтнических отношений в республике – сравнение оценок городского и сельского населения. Необходимость проведения исследования не только среди городских жителей, но и сельских, обусловлена

тем, что доля сельских жителей по состоянию на 1 января 2020 г. равнялась 41,8 %, т. е. практически половина жителей республики проживает в менее благоприятных условиях по уровню развития инфраструктуры, обеспеченности работой, медициной, доступности получения образования. Известно, что социально-экономический уровень развития территории, где живет респондент, напрямую влияет на его социальное самочувствие, которое, в свою очередь, формирует степень доверия как на институциональном, так и межличностном уровнях, а также определяет характер и уровень межнационального согласия.

Межэтнические отношения в Республике Бурятия изучались социологами на протяжении последних десятилетий в различных аспектах. Однако проведенное нами исследование опиралось на комплексный анализ в изучении межнационального согласия в регионе. Полученная информация позволила обнаружить противоречия и латентные формы дестабилизации межэтнических отношений, определить специфику межэтнического взаимодействия и факторы консолидации этнических сообществ на современном этапе.

Предварительные результаты изучения межэтнического взаимодействия в республике в формате экспертного опроса и фокус-групповых дискуссий в 2016–2017 гг., полученные коллективом авторов, выявили факторы межэтнической напряженности, определили индикаторы социокультурного потенциала этнических культур Бурятии, а также важнейшие направления работы по стабилизации межнациональных отношений в специфических условиях полиэтнического региона [124].

Поэтому в реализованном проекте было запланировано расширить базу эмпирического исследования на основе массового социологического опроса, охватывающего городское и сельское население республики, и анализа статистических данных. Полученный материал дал оценку состояния межэтнических отношений в республике, уровня доверия населения, внутрирегиональных особенностей межэтнического взаимодействия, факторов, способствующих укреплению межнационального согласия, и его возможной дестабилизации с учетом социально-экономических изменений, вызванных снижением уровня жизни населения в условиях мирового кризиса и санкций, внутренними миграциями, особенностями внешней миграции в Республику Бурятия.

Массовый опрос (анкетирование) как метод получения необходимой научной информации позволил выявить ценности, интересы, ориентации и установки, которые определяют жизненные позиции и объединяют людей разных национальностей в республике, а также факторы, способствующие гармонизации или дестабилизации межэтнических отношений. Глубинные интервью экспертов добавили информации для анализа полученных в ходе массового опроса данных.

Важным направлением анализа являлось изучение образовательно-воспитательной работы с детьми и молодежью для культивирования ценностей межнационального согласия, патриотизма и навыков межэтнического взаимодействия, выявления наиболее эффективных и удачных форм и направлений работы. Исследование было нацелено на определение ресурса межэтнического согласия в республике, разработку по итогам исследования рекомендаций и мер для органов государственной и муниципальной власти региона, которые будут способствовать укреплению потенциала межэтнического согласия, снижению рисков роста социальной и межнациональной напряженности в регионе, повышению уровня доверия населения.

На первом этапе реализации проекта в 2018–2019 гг. объектом изучения было городское население республики. Поставленная цель достигнута путем последовательного решения следующих задач: выявления ценностей, интересов, ориентаций и установок, которые определяют жизненные позиции и объединяют людей разных национальностей в городах республики; определения факторов гармонизации и возможной дестабилизации межэтнических отношений; выявления уровней обобщенного и межличностного доверия; анализа возможных и существующих рисков, вызовов, угроз общественной и личной безопасности в сфере межнациональных отношений и мер (мероприятий, способов) их профилактики и предотвращения; исследования социального самочувствия городского населения.

В рамках работы по гранту разработаны программа социологического исследования, выборочная совокупность, инструментарий исследования (анкета, гайд-интервью, инструкции анкетерам и интервьюерам), растиражирован инструментарий, организован и проведен сбор социологической информации – массовый опрос (анкетирование) городского населения, осуществлен ввод анкет в программу обработки данных и анализ полученных данных, опубликованы 2 статьи в журналах из перечня ВАК.

В 2019–2020 гг. (второй этап реализации проекта) растиражирован инструментарий, организован и проведен сбор социологической информации сельского населения республики, осуществлен ввод анкет в программу обработки данных, сделан их анализ. Подготовлены и опубликованы 6 статей в рецензируемых журналах из списка ВАК, сделан доклад на всероссийской конференции, который опубликован в сборнике.

Задачи проекта в 2020–2021 гг. – исследовать формы и направления работы в области воспитания межнационального согласия, патриотизма и навыков межэтнического взаимодействия в образовательно-воспитательной сфере; разработать научно-практические рекомендации для органов государственной и муниципальной власти, в том числе в области регулирования образовательной, воспитательной деятельности в образовательных учреждениях республики; провести круглый стол с презентацией результатов исследования совместно с органами государственной и муниципальной власти; издать коллективную монографию по итогам исследования; выступить с презентацией результатов исследования на отчетной онлайн-конференции по выполненным проектам конкурса РФФИ (2018–2021 гг.), организованной Министерством образования и науки Республики Бурятия. Все поставленные в проекте эмпирические цели были достигнуты, задачи выполнены.

В ходе реализации проекта мы ориентировались на базовые методологические подходы исследования межэтнических отношений.

В связи с нарастающими угрозами и рисками в результате «взрыва этничности», активными миграционными процессами парадигмы современного национализма получили расширительное толкование этничности. Концепты этнического конструктивизма, воображаемых сообществ, реэтнизации, этнической мобилизации, идеологии политизации этничности были разработаны Б. Андерсоном, Э. Геллнером, Э. Гидденсом, Э. Смитом, Ю. Хабермасом, Э. Хобсбаумом, Р. Брубейкером.

Российскими социологами и этнологами многие десятилетия проводятся социологические исследования, направленные на изучение кардинальных этносоциальных изменений в отдельных регионах и в РФ в целом. Проблема межэтнического согласия в контексте российской гражданской идентичности на постсоветском пространстве про-

анализирована в трудах, экспертных докладах, информационных бюллетенях Л. М. Дробижевой, Ю. В. Арутюняна, В. М. Воронкова, Е. М. Арутюновой, Г. У. Солдатовой, В. В. Коротеевой, В. И. Мукомеля, В. А. Тишкова и др. Вопросы консолидации этносов, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации, рассматриваются в работах С. В. Рыжовой, Р. М. Валиахметова, А. Д. Бравина, В. А. Авксентьева, У. А. Винокуровой.

Исследовательский коллектив ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л. М. Дробижевой на протяжении 1998–2021 гг. осуществляет мониторинг этнической идентичности и ресурса межнационального согласия в российских регионах, в том числе в республиках. Были заданы методологические и концептуальные основы изучения межэтнических отношений, определены ключевые понятия, раскрывающие термин «межнациональное согласие»: социальные факторы стабильности межэтнического взаимодействия, баланс согласия и нетерпимости, гражданская консолидация, возможности интеграции общества, соотношение государственной и этнической идентичности, межэтнические установки этнических групп. Разработан и апробирован инструментарий, который активно используется в этносоциологических исследованиях по всей стране. В ходе подготовки и проведения данной работы мы в том числе опирались на методологические, методические подходы и наработки ИС ФНИСЦ РАН [20–21; 36–37; 40; 68–69; 103–108; 122–123; 127].

Изучением этносоциального развития народов Сибири и межэтнических отношений длительное время успешно занимаются сотрудники Института философии и права СО РАН (М. А. Абрамова, В. И. Бойко, Г. С. Гончарова, С. Н. Еремин, Е. А. Ерохина, М.Р. Зазулина, В. Г. Костюк, С. Г. Ларченко, В. В. Мархинин, С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков, О. А. Персидская, В. В. Самсонов, Е. А. Тюгашев, И. В. Удалова и др.). По итогам исследований опубликованы монографии, результаты обсуждаются на семинарах «Этносоциальные процессы в Сибири» [145–146; 149; 156–158; 169–170].

Проблемы межэтнического взаимодействия и этнической идентичности в Республике Бурятия на современном этапе рассматривались Д. Д. Амоголоновой, Д. Д. Бадараевым, Б. В. Базаровым, М. Н. Балдано, А. В. Бильтриковой, Ц. Б. Будаевой, О. В. Бураевой, Э. Д. Дагбаевым, И. Н. Дашибаловой, Г. А. Дырхеевой, А. А. Елаевым,

И. Э. Елаевой, В. Г. Жалсановой, С. Г. Жамбаловой, В. И. Затеевым, Л. В. Кальминой, А. Д. Карнышевым, А. В. Комбаевым Л. В. Курасом, И. И. Осинским, Е. В. Петровой, Ю. Б. Рандаловым, С. Ю. Лепеховым и др.

Социологическая группа ИМБТ СО РАН на протяжении многих лет проводит социологические исследования проблем межнациональных отношений в республике и факторов их гармонизации; ценностей традиционных этнических культур и способах их популяризации; этносоциальной стратификации; этнической обусловленности шансов на социальное и культурное продвижение; политизации этничности; отношения населения к мигрантам; образовательно-воспитательной работы с детьми и молодежью, способствующей культивированию ценностей межнационального согласия, патриотизма, интеграции и консолидации общества [52; 100; 111–112; 134–139; 141–144].

Однако работ, связанных с изучением латентных факторов дестабилизации межэтнического равновесия в Республике Бурятия в изменяющихся социально-политических условиях: влияния Интернет-среды, этнической клановости, этнической сегментации в социокультурной и образовательной сфере, как и социологических исследований, посвященных изучению особенностей консолидации этнических групп в Республике Бурятия, проблем межнационального согласия и доверия, было недостаточно, чем и вызвана актуальность реализации данного проекта.

В современных исследованиях, так или иначе связанных с понятием этнического феномена, сложилось 3 основных подхода к его пониманию и трактовке – примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Признавая значимость каждой из существующих теорий, исходим из возможности их синтеза и опираемся на полипарадигмальный подход, который представляется более перспективным при изучении современного общества и процессов, протекающих в нем (Л. М. Дробижева, М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка, В. Ядов).

Различные типы идентичности (этническая, гражданская, государственная) и их соотношение, межэтнические установки, ценностные ориентации, социальная дифференциация этнических групп и этнические особенности адаптации к изменениям современной жизни, регулирование миграционных процессов, действия этнических лидеров различных элитных групп и восприятие декларируемых ими идей и

политических решений в социальных группах проанализированы с точки зрения конструктивистской и инструменталистской концепций.

Анализ межэтнических отношений опирался на синтез институционального и субстанционального, а также структурного и функционального подходов.

Межнациональное (межэтническое) согласие мы рассматривали как благоприятные, доброжелательные межэтнические отношения на личностном и институциональном уровне, как готовность взаимодействовать с людьми иной культуры в деловой и неформальной сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости [122, с. 9].

Термин «межнациональное согласие» являлся ключевым в исследовании, исходя из определения которого были сформулированы основные показатели и индикаторы оценки межнациональных отношений в республике, измеряемые с помощью количественных и качественных методов сбора эмпирической информации.

Конфликтологический подход учитывал то, что в полиэтническом обществе всегда сохраняется пространство разобщенности интересов этносоциальных групп и проявляются противоречия и конфликтные ситуации.

Также мы опирались и на социокультурный подход, который позволил использовать в качестве индикатора межнационального согласия понятие «доверие», которое является одним из ресурсов межэтнической интеграции и может проявляться как на межличностном, так и групповом уровнях. Этот термин анализировали как необходимое основание устойчивого социального развития с учетом этнокультурной специфики региона.

Концепт доверия имеет сложившуюся теоретическую традицию в зарубежных и отечественных исследованиях. Существуют социально-психологические, философские, политологические ракурсы описания понятия «доверие», в том числе в теориях социального порядка, социального риска, гражданского общества, социального капитала.

Феномен доверия исследовался Г. Зиммелем, П. Бурдье, Э. Гидденсом, Р. Инглхартом, Дж. Коулманом, Н. Луманом, Р. Патнэмом

Ф. Фукуямой, П. Штомпкой. В российских исследованиях доверие и недоверие в обществе изучали А. М. Алмакаева, Л. Д. Гудков, В. В. Кривопусков, П. М. Козырева, И. В. Мерсиянова, В. И. Мукомель, Г. И. Осадчая, С. В. Рыжова, А. А. Сычев и др.

«Доверие как важнейший элемент социального капитала и опора социального согласия, в том числе в сфере межэтнических отношений, участвует в упрочении социальных связей, играющих особую роль в поддержании социальной стабильности этнокультурно разнообразных обществ, к числу которых относится и Россия. Как свойство длительных и благополучных социальных отношений доверие формируется на основе определенных норм и правил, относительно которых сложился социальный консенсус. Культура доверия необходима для успешной политической самоорганизации общества, а обобщенное, межличностное, институциональное доверие выступает основополагающими факторами социальной консолидации и межнационального согласия» [69, с. 36; 68, с.28].

Доверие является заложенным ожиданием предсказуемых действий по отношению к другим членам сообщества, уверенности в надежности других, поведение которых согласуется с морально-этическими нормами данного сообщества. Доверие как социологическая категория рассматривается в данном случае не на индивидуальном уровне, а как длительно исторически формирующееся, и поэтому мало подверженное текущим изменениям социальное явление. В сложных кризисных условиях доверие – фактор сглаживания противоречий, и наоборот, взаимное недоверие в межгрупповых отношениях выступает причиной социальных конфликтов [45].

Доверие в полиэтническом регионе выступает важнейшим фактором сохранения межнационального согласия. В современных социально-политических условиях проблема доверия и различных форм проявления недоверия в межличностных и межгрупповых отношениях принимает особую остроту. Процессы атомизации российского общества, проявления элементов социальной аномии и недостаток доверия граждан к социальным институтам формируют запрос на необходимость социологического анализа типов доверия на разных уровнях. В контексте этнорегионального развития укрепление доверия как базовой связующей социальных отношений между этническими группами является условием стабильности и культурной це-

лостности. Изучение доверия как интеграционного фактора и компонента культуры жителей Республики Бурятия, имеющей традиционное историческое взаимодействие этносов, позволило получить конкретный срез культуры доверия среди населения.

При исследовании социального самочувствия населения рассматривали его как «интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, которая складывается из соотношения между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта» [140, с. 50], «комплексный показатель состояния комфортности в окружающей среде» [125, с. 41]. Индикаторами социального самочувствия выступали «удовлетворенность индивидуальными и социальными условиями жизнедеятельности, наличие и специфика субъективно переживаемой неопределенности жизненной ситуации» [116, с. 94; 117, с. 135].

В монографии проанализированы оценки респондентами социально-экономической ситуации в России и Бурятии и выявлен рейтинг основных проблем в этой сфере. Методология исследования социально-экономического развития в контексте межнациональных отношений на примере отдельных российских регионов разработана в трудах О. В. Васильевой, Н. А. Беловой, С. А. Липиной, Ю. С. Бойченко, А. А. Торгашина, В. В. Трубина, П. И. Куконкова.

Социально-экономическая политика напрямую связана с политическими процессами, происходящими в России, и направлена, прежде всего, на обеспечение государственных национальных интересов, укрепление социальной сферы, сглаживание диспропорций развития и сохранение стабильности в обществе. Уровень социально-экономического развития российских регионов демонстрирует в настоящее время сохранение диспропорций и нарастающих неравенств, что, в свою очередь, предопределяет нарастание социального напряжения в обществе. А в полиэтничном регионе резкая социальная дифференциация населения и ухудшение качества жизни могут влиять на латентную конкуренцию между этническими группами и способствовать углублению этносоциальной стратификации.

Концепт социального равенства и неравенства в представлениях российских этносов как базовый компонент обеспечения консолидации и социальной справедливости в обществе измеряется ведущими российскими этносоциологами. Многолетние изыскания в данном

направлении осуществлены В. В. Амелиным, А. Д. Бравиным, Д. В. Брагиной, Р. М. Валиахметовым, Э. М. Виноградовой, В. В. Коротеевой, С. В. Рыжовой и др. В российских регионах восприятие социального неравенства этническими группами зависит от соотношения титульных и нетитульных этносов в исполнительных органах власти, ведущих секторах экономики. Как полагает О. В. Белова, «доминирование в республиканских органах власти титульных этносов воспринимается ими как возмещение их недостаточной представленности в федеральных органах. В то же время русские в республиках часто не получают достаточного представительства, что в свою очередь вызывает неудовлетворение. Таким образом, политическая сфера – главное поле, где и русские в республиках, и титульные этносы в РФ ощущают свое неравенство» [86, с. 74].

В теоретических и эмпирических социологических исследованиях, посвященных изучению содержания и структуры идентификационных процессов, на протяжении нескольких десятилетий сохраняется неослабевающее внимание к социальной идентичности и современным идентификационным характеристикам россиян [102; 104–105; 131; 162].

Социологическое объяснение идентичности исходит из толкования обладания индивидом конкретными социальными ролями и включения в референтные группы. Как считает С. Г. Климова: «Социальные идентичности и контридентичности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида. Такая идентичность – это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться» [114, с. 14].

Сама типология и уровни идентичностей достаточно разнообразны по основаниям: индивидуальная и групповая; позитивная, успешная, негативная, кризисная; Я-идентичность, социальная идентичность; формирующаяся, незавершенная, достигнутая; статусная, ролевая, профессиональная, корпоративная, политическая, культурная, этническая, историческая, национальная, гражданская, патриотическая, территориальная, религиозная, виртуальная, сетевая, возрастная, гендер-

ная, половая, расовая; ускоренная, запаздывающая, ситуационная, демонстративная; формальная и неформальная; несформированная, утраченная и др. [115, с. 89–103].

Как видим, идентичности представляют множественный феномен, так как индивид включен в самые различные социальные группы, институции и общности. В связи с исследовательским проектом нас в большей степени интересовала социальная идентичность и ее типы: гражданская, региональная и этническая.

Исходя из анализа текущей политики Российского государства и смены идентификационных матриц социальных групп, важно, как происходит процесс перехода от актуальной локальной идентичности к общероссийской в массовом сознании россиян. С начала 2000-х гг. гражданская российская идентичность стала основой консолидации россиян, происходит ее становление и закрепление [153].

Социологами справедливо отмечается, что в результате проводимой государственной политики по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., принятой в 2012 г., а также опираясь на исторический опыт взаимодействия этнических общностей, формируется национальная гражданская идентичность.

Глава 1

Современное развитие Республики Бурятия в оценках ее жителей

1.1. Социально-экономическая ситуация

Значительную диспропорцию в административно-территориальном, производственном, инфраструктурном развитии представляют субъекты федерации, включающие наряду с областями, краями и городами федерального значения, республики и округа. Обусловленность межэтнических отношений экономическими факторами определяется совокупностью дифференцирующих признаков: снижение реальных денежных доходов, низкий уровень оплаты труда, высокий уровень бедности и безработицы. Таким образом, падение уровня и качества жизни способно обострять социальную напряженность в обществе, опосредованно влияющую на межэтническое взаимодействие. Важно отметить, что особую роль в восприятии социальных проблем играет разница в их оценке этническими группами.

В условиях экономических обременений, высокой зависимости от импорта и падения мировых цен на нефть, повлекших за собой рост цен на значимые товары потребления и услуги, социальное положение россиян после экономического кризиса конца 2014 – начала 2015 г. значительно ухудшилось, произошло реальное падение доходов населения и увеличение налоговой нагрузки. Поэтому в анкету был включен блок вопросов об основных проблемах и перспективах социально-экономического развития России и Бурятии.

При оценке респондентами современной ситуации в России полученные эмпирические данные свидетельствуют о сохранении социальных неравенств и соответствующих представлениях о них населения республики. Варианты ответов позволили выделить полярные группы, составляющие относительное меньшинство: это «*благополучный сегмент*», который считает, что «*все идет хорошо*» (6,33 %), и те, которые выбрали вариант «*все очень плохо, терпеть уже невозможно*» (15,44 %).

Данные ответы отражают крайние позитивные и негативные оценки действительности и отчасти коррелируют с изменившейся в 2000–2014 гг. социальной структурой российского общества, превратившегося из «общества массовой бедности в общество массовой малообеспеченности» [121, с. 43].

Результаты опроса свидетельствуют о том, что более трети населения (37,33 %) достаточно терпимо воспринимает современную ситуацию в стране – «*все не так плохо, жить можно*» и примерно столько же приемлемо оценивают происходящие социальные процессы, несмотря на трудности (36,67 %) – «*жить трудно, но терпеть можно*». Невелика доля «молчащих» респондентов, т. е. тех, кто затруднился с ответом (4,22 %).

Проанализируем оценки опрошенных на этот вопрос в зависимости от образовательного статуса респондентов. Если рассмотреть ответы на вопрос внутри образовательных групп, то здесь особых различий не обнаруживается, и оценки практически соответствуют общим итогам по всей выборке. Вместе с тем респонденты с высшим образованием чуть более терпимо воспринимали современную ситуацию, по сравнению с другими образовательными группами и с выборкой в целом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какое из высказываний соответствует современной ситуации в России?» в зависимости от образования, % опрошенных

Вариант ответа	Основное/ср. общее	Начальное проф./ср. специальное	Высшее	Все население
Все идет хорошо	6,98	6,27	5,38	6,33
Все не так плохо, жить можно	38,55	38,24	34,08	37,33
Жить трудно, но можно терпеть	34,64	35,11	42,15	36,67
Все очень плохо, терпеть уже невозможно	16,20	15,36	14,35	15,44
Затрудняюсь ответить	3,63	5,02	4,04	4,23
Всего	100	100	100	100

Выявлена также некоторая разница в позитивном восприятии социальной ситуации в РФ по территориальному признаку и типу поселения. Сельские жители несколько лучше оценивали ситуацию, чем городские, и, по сравнению с ними, сельские немного чаще выбирали вариант «*все идет хорошо*» (7,5 против 5,4 %). Соответственно, пессимистично настроенных респондентов, считающих, что «*терпеть уже невозможно*», среди жителей города чуть больше, чем среди сельских (16,71 против 13,75 %).

Через призму гендерных и возрастных различий осознание происходящих социальных процессов в российском обществе жителями республики выглядит следующим образом. Женщины позитивнее рассматривали современную ситуацию в России, чем мужчины, и чаще выбирали вариант «*все идет хорошо*». Среди тех, кто выбрал этот вариант (в целом по выборке таких 6,33 %), женщин почти в 2 раза больше (64,91 %), чем мужчин (35,09 %). Других более значимых гендерных различий при ответах на этот вопрос обнаружено не было.

Рассмотрим, как повлиял возраст на оценки ситуации в России. Среди тех, кто, отвечая на вопрос, выбрал вариант «*все идет хорошо*» больше всего 30-летних (33,33 %), по сравнению с другими возрастными группами. Среди выбравших варианты «*все не так плохо, жить можно*», «*жить трудно, но можно терпеть*», «*все очень плохо, терпеть уже невозможно*» предпочтения высказаны молодыми 18–29 лет (31,85; 25,76; 35,25 % соответственно).

Если рассмотреть различия внутри каждой возрастной группы (табл. 2), то мы увидим, что все группы чаще выбирали более оптимистичные оценки ситуации в России – «*все не так плохо, жить можно*» и «*жить трудно, но можно терпеть*», что соответствует оценкам в целом по выборке. Старшее поколение больше готово преодолевать трудности и терпеть, по сравнению с молодыми. В несколько меньшей степени удовлетворена современной ситуацией в России молодежь 18–29 лет, среди которой вариант *«все очень плохо, терпеть невозможно*» выбрали 18,92 % опрошенных, в то время как среди 30-летних – 15,57, 40-летних – 17,11, 50-летних – 16,27, пожилых – 7,05 %.

Результаты исследования позволяют говорить о некоторых различиях в оценке современной ситуации в России в зависимости от национальности. Если в целом рассмотреть различия внутри каждой

этнической группы, то мы увидим, что все национальности чаще выбирали более оптимистичные оценки ситуации в России – «*все не так плохо, жить можно*» и «*жить трудно, но можно терпеть*», что соответствует оценкам по всей выборке. Внутри своих этнических групп вариант «*все идет хорошо*» чаще выбирали представители других национальностей (11,63 %), чем русские (7,14 %) и буряты (3,1 %), так же, как и вариант «*все не так плохо, жить можно*» (44,19 %), в отличие от русских (36,83 %) и бурят (37,61 %). В большей мере критически оценивали ситуацию в России («*все очень плохо, терпеть уже невозможно*») буряты (19,91 %) и представители других национальностей (18,6 %), по сравнению с русскими (13,65 %) (табл. 3).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какое из высказываний соответствует современной ситуации в России?» в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Все идет хорошо	4,63	11,38	5,26	5,42	5,77	6,33
Все не так плохо, жить можно	41,31	31,14	40,79	28,92	42,95	37,33
Жить трудно, но можно терпеть	32,82	34,73	33,55	43,98	40,38	36,67
Все очень плохо, терпеть уже невозможно	18,92	15,57	17,11	16,27	7,05	15,44
Затрудняюсь ответить	2,32	7,19	3,28	5,41	3,85	4,22
Всего	100	100	100	100	100	100

Для конкретизации представлений этот же вопрос нас заинтересовал с позиций распределения групп по профессиональному статусу. По сравнению с другими группами опрошенных, внутри представленных профессиональных групп вариант «*все идет хорошо*» чаще выбирали предприниматели и фермеры (9,68 %), пенсионеры (9,16 %), служащие (8,09 %), чем безработные (3,85 %), студенты (4,13 %) и рабочие (4,26 %), что несколько выше или ниже средних значений по выборке, но вполне соответствует общей картине по выборке (6,33 %).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какое из высказываний соответствует современной ситуации в России?» в зависимости от национальности, % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нации	Все население
Все идет хорошо	7,14	3,1	11,63	6,33
Все не так плохо, жить можно	36,83	37,61	44,19	37,33
Жить трудно, но можно терпеть	38,41	34,07	23,26	36,67
Все очень плохо, терпеть уже невозможно	13,65	19,91	18,6	15,44
Затрудняюсь ответить	3,97	5,31	2,32	4,23
Всего	100	100	100	100

Вариант «*все не так плохо, жить можно*» наибольшее количество выборов получил у военнослужащих (61,54 %), предпринимателей и фермеров (48,39 %), домохозяек (48,0 %), у безработных (46,15 %), студентов (43,8 %), ИТР (40,91 %).

Готовы терпеть, несмотря на трудности, в большей степени рабочие (43,09 %) и социально-гуманитарная интеллигенция (42,67 %), в отличие от безработных (23,08 %), предпринимателей и фермеров (25,81 %).

Достаточно критически оценивали ситуацию в России («*все очень плохо, терпеть уже невозможно*») респонденты из групп безработных (23,08 %), рабочих (22,34 %), руководителей предприятий и организаций (19,05 %), по сравнению с домохозяйками (8,0 %), социально-гуманитарной интеллигенцией (12,0 %), служащими (12,72 %), пенсионерами (11,5 %), предпринимателями и фермерами (12,9 %).

Рассмотрим, что в совокупности представляет из себя группа респондентов, которая при оценке ситуации в России выбирала вариант «*все очень плохо, терпеть уже невозможно*» и которая в общем массиве опрошенных составила 15,44 %. Треть этой группы составляют рабочие промышленных предприятий (30,22 %), а также служащие (15,38%), студенты (15,11%) и пенсионеры (10,79 %) (ранжированный ряд 1).

Таким образом, анализ поведенческих установок жителей региона в отношении восприятия современной ситуации в России приводит к

выводу, что население вполне адекватно в своих оценках. В целом можно констатировать, что в охваченных опросом группах по разным критериям доминирует спокойное, сдержанное ожидание позитивных изменений социально-экономического положения в стране.

Ранжированный ряд 1

Профессиональная группа	%
Рабочие промышленных предприятий	30,22
Служащие	15,38
Студенты	15,11
Пенсионеры	10,79
Социально-гуманитарная интеллигенция	6,47
Предприниматели	5,76
Безработные	4,32
Руководители предприятий, организаций и их отделов	2,88
Инженерно-технические работники	2,88
Сельскохозяйственные рабочие	2,16
Всего	100

В Республике Бурятия, имеющей уникальные природные ресурсы, богатые этнокультурные традиции народов Забайкалья, на протяжении последних десятилетий сложилась неблагоприятная социально-экономическая конъюнктура, связанная с ликвидацией крупных промышленных предприятий, со стагнацией агропромышленного комплекса. Усугубляет общероссийскую ситуацию социальной нестабильности нарастание экологических проблем в регионе [1].

По материалам Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия «среднемесячная заработная плата, начисленная за 2020 год, в организациях, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, включая средние предприятия, микро- и малые предприятия (с учетом дорасчета), по предварительной оценке, составила 41724,2» [56].

Низкий уровень оплаты труда в республике имеет значительную дифференциацию в зависимости от видов экономической деятельности. В частности, разрыв в размерах начисленной заработной платы фиксируется между работниками, занятыми в сфере добычи полезных ископаемых, финансовой и страховой деятельности, государственного управления и обеспечения военной безопасности, и работниками бюджетных организаций (образование, здравоохранение, социальная

защита населения), занятыми в сфере предприятий общественного питания, торговли, на 35,3–45,8% [33].

Величина минимального прожиточного минимума в Бурятии в 2019 г. составила на душу населения 11377 руб., для трудоспособного населения – 11715, пенсионеров – 9012, детей – 11868 руб. [72]. В настоящее время численность бедных увеличилась. За чертой бедности, т. е. с доходами ниже прожиточного минимума, в Бурятии в 2019 г. находилось 197,5 тыс. чел., т. е. каждый пятый житель. Данную категорию составили матери-одиночки, многодетные семьи, пенсионеры, сельские жители. Таким образом, динамика уровня бедности в регионе растет [12].

Ухудшают низкие позиции социального положения населения Бурятии рост уровня безработицы, высокая закредитованность населения РФ [61], сокращение доли оплаты труда, низкая покупательская способность, рост числа семей, ориентированных преимущественно на покупку продовольственных товаров.

В феврале 2017 г. в республике назначен новый руководитель субъекта. Главой стал временно исполняющий обязанности и спустя 8 месяцев официально избранный после выборов А. С. Цыденов, пришедший на смену В. В. Наговицыну, который управлял регионом 10 лет. За 4 года деятельности на посту Главы республика получила значительный объем трансфертов на модернизацию автомобильных дорог и мостов по федеральному проекту «Безопасные и качественные дороги» с общим объемом финансирования в 2017–2018 гг. 2,5 млрд руб. [4, с. 11]. Кроме того, увеличилось финансирование и было реализовано строительство новых социально значимых объектов – школ, библиотек, домов культуры, спортивных центров, больниц и т. д., постепенно решаются вопросы с обманутыми при строительстве жилых многоэтажных домов дольщиками.

В связи с субсидированными авиабилетами увеличился пассажиропоток на межрегиональных авиарейсах: в 2017 г. было 270 тыс. пассажиров, в 2018 г. – 377 тыс. В данном случае сказалось влияние предыдущей деятельности А. С. Цыденова на посту заместителя министра транспорта РФ. Что касается инфраструктурных объектов, то введены в строй новые учреждения здравоохранения: поликлиника онкологического диспансера, перинатальный центр, хирургический корпус детской республиканской клинической больницы, 11 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 врачебные амбулатории, 2 детские

поликлиники в селах Бичура и Кырен, модульные конструкции 5 фельдшерских пунктов, 12 ФАПов, 2 офиса врачей общей практики в с. Татаурово и мкрн Тулунжа. Подписано соглашение о создании центра ядерной медицины в рамках государственно-частного партнерства (2,6 млрд руб.), ввод в эксплуатацию планируется в 2021 г. В г. Улан-Удэ и сельских районах введены в эксплуатацию 14 новых школ (в том числе корпуса и пристрои) [22].

В 2017 г. население Республики Бурятия, по данным Росстата, составляло 984,5 тыс., из них в трудоспособном возрасте – 544,8 тыс. К 2019 г. (за 2 года) произошло сокращение численности на 861 чел. Сохранялся невысокий уровень социально-экономического развития региона. Промышленные предприятия представляли 1200 организаций, на которых занятость составляла 17,0 % общей численности занятых в экономике республики. Актуальное значение имеет дотационное положение Бурятии, наличие меж- и внутрирегиональной диспропорций, отсутствие значимых инвестиций в экономику [49].

С целью выравнивания территориальных диспропорций и создания территории опережающего развития, согласно Указу Президента РФ от 3 ноября 2018 г., Бурятия (наряду с Забайкальским краем) перешла из Сибирского федерального округа в состав Дальневосточного. Преференции включают создание ТОР на территории 7 сельских районов и г. Улан-Удэ, дополнительные дальневосточные субсидии из федерального бюджета на государственные программы, в частности программу «Дальневосточный гектар» с бесплатным выделением земельного участка. Федеральные средства в рамках дальневосточной субсидии направлены на создание центра ядерной медицины, строительство и реконструкцию учреждений образования, здравоохранения, культуры. С целью привлечения кадров общеобразовательных школ в сельские районы РБ увеличена вдвое выплата участникам программы «Земский учитель» – 2 млн руб. Стимулирующей мерой улучшения демографической ситуации стало назначение дополнительного пособия при рождении ребенка в размере двух прожиточных минимумов и дальневосточный материнский капитал. Драйвером в оживлении доступности жилья явилась дальневосточная ипотека для молодых семей со ставкой 2,0 % годовых [33].

Несмотря на предпринятые меры, демографические показатели за анализируемый период несколько снизились. К 1 января 2020 г. численность постоянного населения РБ составила 985937 чел. Рождае-

мость за 2 года упала с 14296 до 12471 чел. Число родившихся в 2019 г. превзошло число умерших всего на 1627 чел. Тем самым, в сравнении с предыдущими годами, 2019-й показал самый низкий естественный прирост на 1 тыс. чел. населения за десятилетие – 1,7 [44] (табл. 4).

Таблица 4

Естественный прирост населения в Республике Бурятия за 2009–2019 гг.

Год	Всего, чел.			На 1 тыс. чел.		
	родив-шихся	умер-ших	естествен-ный прирост (+), убыль (-)	родив-шихся	умер-ших	естествен-ный при-рост (+), убыль (-)
2009	16729	12466	4263	17,3	12,9	4,4
2010	16506	12361	4145	17,0	12,7	4,3
2011	16507	12299	4208	17,0	12,7	4,3
2012	17006	12064	4942	17,5	12,4	5,1
2013	17108	11479	5629	17,6	11,8	5,8
2014	17093	11182	5911	17,5	11,5	6,0
2015	16937	11142	5795	17,3	11,4	5,9
2016	16109	11046	5063	16,4	11,2	5,2
2017	14296	10493	3803	14,5	10,7	3,8
2018	13909	10570	3339	14,1	10,7	3,4
2019	12471	10844	1627	12,7	11,0	1,7

Источник: [44].

На преодоление проблем, связанных с территориальной дифференциацией регионов России, направлены федеральные государственные программы развития. Также известны разработки ученых, которые обращали внимание на серьезность таких факторов для Бурятии, как усиливающиеся процессы внутренней миграции и трансграничность развития местной экономики [82; 97; 99].

Вместе с тем изучение мнения местного населения о серьезности социальных проблем, включая оценки основных этнических групп, были исследованы недостаточно. Поэтому рассмотрим результаты проведенного опроса в разрезе оценок текущей ситуации.

Результаты ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, которые произошли в Бурятии за последний год?» показали, что почти половина респондентов не заметила никаких перемен (48,33 %), треть жителей считала, что «*ситуация стала меняться к лучшему*» (27,22 %), и 17,0 % были уверены, что «*ситуация только ухудшилась*», затруднились с ответом 7,44 %.

Если определять с точки зрения возрастных различий, то анализ внутри возрастных групп (табл. 5) показывает, что более оптимистично настроено старшее поколение, чаще других выбиравшее вариант «*ситуация стала меняться к лучшему*» (34,62 %). Критические оценки («*за последний год ситуация только ухудшалась*») чаще отмечало поколение 50-летних (22,29 %). В большей мере уверены, что «*практически ничего не изменилось*» 40-летние (51,32 %) и молодежь (49,03 %). Хотя следует отметить, что распределение внутри всех возрастных групп практически соответствует средним показателям по выборке в целом.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, которые произошли в Бурятии за последний год?» в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40-49	50–59	60 и старше	
Ситуация стала меняться к лучшему	26,64	27,54	23,68	24,1	34,62	27,22
Практически ничего не изменилось	49,03	46,71	51,32	48,8	45,51	48,3
За последний год ситуация только ухудшалась	15,06	19,16	16,45	22,29	12,82	17
Затрудняюсь ответить	9,27	6,59	8,55	4,81	7,05	7,48
Всего	100	100	100	100	100	100

Анализ по сферам, к которым относят себя респонденты, показал, что представители учреждений культуры (37,29 %), страхования, банков, налоговых органов (36,36 %) и торговли (30,43 %) чаще выбира-

ли вариант «*ситуация стала меняться к лучшему*». Представители других сфер в меньшей степени заметили улучшения, которые произошли в республике (до 30,0 %). Наиболее критично были настроены представители спорта и туризма, образования и науки, муниципального управления, бизнеса и торговли, которые чаще выбирали вариант *«за последний год ситуация только ухудшалась»* (табл. 6).

Респонденты из числа работников транспорта, промышленности, энергетики, связи в наибольшей степени обратили внимание на то, что ничего не меняется (64,52 %). Также значительна доля лиц, представляющих силовые структуры и таможню (61,5 4%), НКО (60,0 %), спорт и туризм (57,14 %), сельское хозяйство (56,1 %), убежденных в отсутствии каких-либо перемен и составивших внутри своих групп большинство. Среди представителей СМИ по четверти респондентов (25,0%) считает, что «*за последний год ситуация только ухудшалась*» и что «*ситуация стала меняться к лучшему*», в то время как для половины опрошенных практически ничего не изменилось.

Кроме того, среди тех, кто выбирал вариант «*за последний год ситуация только ухудшалась*», большинство составили жители сельских районов республики (56,21 %), в то время как значительной частью выбравших вариант «*ситуация стала меняться к лучшему*» (56,73 %) оказались городские жители.

Анализ выборов внутри профессиональных групп свидетельствует, что во всех группах чаще выбор был сделан в пользу варианта «*практически ничего не изменилось*», по сравнению с другими вариантами, что соответствует оценкам респондентов в целом по всей выборке (48,33 %). Однако больше всех этот вариант выбирали военнослужащие (61,54 %), домохозяйки (56,0 %), предприниматели и фермеры (54,88 %), ИТР (54,55 %), рабочие (53,19 %). Были уверены, что «*ситуация стала меняться к лучшему*» в большей степени рабочие сельского хозяйства (35,71 %), пенсионеры (35,11 %), ИТР (31,82 %). И наиболее критично настроенными (*«ситуация только ухудшалась»*) оказались безработные (42,31 %), руководители предприятий и организаций (33,33 %).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили изменения, которые произошли в Бурятии за последний год?», % опрошенных

Вариант ответа	Гос. управление	Мунипальное управление	Культура	Наука и образование	Спорт и туризм	СМИ	НКО
Ситуация стала меняться к лучшему	28,12	29,17	37,29	25,89	14,29	25	26,67
Практически ничего не изменилось	46,88	39,58	44,07	42,64	57,14	50	60,0
За последний год ситуация только ухудшалась	15,63	18,75	11,86	21,83	23,81	25	11,11
Затрудняюсь ответить	9,37	12,5	6,78	9,64	4,76	0	2,22
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Окончание табл. 6

Вариант ответа	Сельское хозяйство	Силовые структуры	Страхование и банки	Торговля	Транспорт	Все население
Ситуация стала меняться к лучшему	24,39	23,08	36,36	30,43	25,81	27,22
Практически ничего не изменилось	56,1	61,54	45,45	39,13	64,52	48,33
За последний год ситуация только ухудшалась	14,63	15,38	9,09	17,39	3,23	17,0
Затрудняюсь ответить	4,88	0	9,1	13,05	6,44	7,45
Всего	100	100	100	100	100	100

1.2. Ключевые социальные проблемы

В складывающихся социально-экономических условиях представления этнических групп республики о социальной нестабильности в обществе детерминированы внешней ситуацией, которая влияет и на оценку межэтнического взаимодействия.

Социологический сбор информации путем репрезентативного массового опроса, посвященного изучению представлений этнических групп о наиболее острых социальных проблемах, косвенно раскрывает картину оценок о социальной нестабильности в регионе и актуальный рейтинг социальных рисков.

Исходя из определения Н. П. Гончаровой, социальная нестабильность интерпретируется «совокупностью целого ряда характеристик, главными из которых являются уменьшение доли позитивных результатов функционирования общества (падение темпов экономического роста, благосостояния граждан и т. д.) и увеличение степени негативных “выбросов” (рост безработицы, инфляции, активности теневых и криминальных структур, девиантного поведения и пр.)» [93, с. 178].

Согласно социологическому подходу, к социальным представлениям относится «особая форма социального знания, возникающая в результате соотнесения индивидуального и коллективного сознания с реальностью и одновременно являющаяся важным фактором конструирования социальной реальности» [133, с. 33]. С. Московичи считает, что социальные представления динамичны, появляются и функционируют именно в современном обществе, в отличие от коллективных представлений, описанных Э. Дюркгеймом: «сегодняшние представления более не выполняют функцию социальной интеграции, не гарантируют солидарности тем, кто их разделяет» (цит. по: [88, с. 8]). Социальные представления формируются на основе воздействия современных источников информации и служат основой социального поведения.

В нашем исследовании респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, представляют ли проблему для республики указанные ниже явления?» Для выявления масштаба представлений населения об указанных проблемах была использована 4-уровневая шкала: «*очень большая проблема», «большая», «небольшая проблема», «не представляет проблемы*».

Группы социальных проблем, отношение к которым необходимо было изучить, образовали блоки: 1) экономический: уровень жизни, безработица, перспективы для молодежи; 2) социально-институциональный: качество здравоохранения, получаемого среднего и высшего образования, безопасность граждан; 3) экологический, в том числе проблемы, связанные с охраной оз. Байкал; 4) процесс оформления земли в собственность; 5) политический: коррупция, произвол, кумовство во власти; 6) отношения с мигрантами: между местным населением и мигрантами (людьми, которые недавно приехали из других стран или других регионов России); 7) межэтнические отношения; 8) межконфессиональные отношения.

Среди явлений, представляющих проблемы для развития республики, были определены наиболее серьезные. Самая многочисленная категория респондентов, показавшая суммарные доли утвердительных ответов («*очень большая проблема*»+«*большая проблема*») – 84,55 % по общей выборке, определила главную проблему и возможную угрозу социальной нестабильности в регионе – безработицу.

Рейтинг регионов по уровню безработицы на основании данных Росстата подтверждает отрицательную динамику положения субъекта среди остальных, превышающую средние показатели по РФ: в 2016 г. – 9,6 % (71-е место из 84); 2017 г. – 9,5 (74-е) [58]; 2018 г. – 8,9 (75-е); 2019 г. – 8,8 % (75-е место) [31].

По мнению Д. Б. Дугаржаповой, проблема безработицы в Бурятии «оказалась обусловленной сохранением значительной территориальной дифференциации в сфере занятости, напряженной ситуацией на рынке труда в отдельных населенных пунктах; дефицитом квалифицированных специалистов в сельской местности; низкой востребованностью на рынке отдельных категорий граждан (молодежи без опыта работы, женщин, имеющих малолетних детей, инвалидов, лиц предпенсионного возраста и др.)» [110, с. 89].

Если проанализировать отношение основных этнических групп к разным явлениям, то мы увидим, что оценки безработицы как серьезной проблемы для республики очень близки у русских (84,61 %) и бурят (87,17 %), что соответствует средним значениям по выборке (84,55 %), и чуть ниже у представителей других национальностей – 69,76 % (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, представляет ли проблему для республики безработица?», % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Очень большую	44,13	56,64	39,53	47,11
Большую	40,48	30,53	30,23	37,44
Небольшую	8,73	7,08	16,28	8,67
Не представляет проблемы	0,95	0,44	-	0,78
Затрудняюсь ответить	3,97	3,54	9,3	4,11
Нет ответа	1,74	1,77	4,66	1,89
Всего	100	100	100	100

Большинство опрошенных (84,11 %) выделили еще одну проблему – связанный с безработицей «*дефицит жизненных перспектив в республике для молодежи*». Фиксация параметра «национальность» показывает отсутствие различий по данному фактору у русских (84,13 %), бурят (84,51 %) и представителей других национальностей (84,39 %).

Серьезную обеспокоенность экологическими проблемами выражает 82,45 % населения Республики Бурятия и это третий ранг в рейтинге явлений, представляющих проблему для республики. Ожидаемо, получены сходные корреляции по этническому признаку в понимании экологической ситуации русскими, бурятами и другими национальностями, живущими в Бурятии, – 81,11; 85,84 и 83,72 % соответственно, так как среда жизнедеятельности одинакова у всех групп.

На основании показателей природоохранного, промышленно-экологического и социально-экологического индексов Бурятия в 2019 г. входила в аутсайдеры антирейтинга общественной организации «Зеленый патруль», занимая 78-е место из 85 [26]. По данным Минприроды, за 2018 г. в городах Улан-Удэ, Гусиноозерск, пгт Селенгинск вырос показатель выброса загрязняющих веществ, в том числе вызывающих возникновение заболевания сердечно-сосудистой, дыхательной систем, злокачественных опухолей, рост врожденных аномалий на 30,3 % [27]. Не снята с повестки дня наболевшая проблема загрязнения оз. Байкал, вызванная техногенным и антропогенным воздействием.

Одной из значимых проблем, влияющих на трансформацию этносоциального поля в республике, респондентами была обозначена такая, как «*коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников*» (81,45 %), и она стоит на 4-м месте по значимости из предложенных в анкете вариантов. Для всех этнических групп, проживающих в республике, эта проблема значима почти в равной степени – русских (81,43 %), бурят (83,19 %), других национальностей (72,09 %).

Указанная проблема в ходе проводимых глубинных интервью также была признана как наиболее деструктивная для современного состояния межнациональных отношений в Бурятии. Поскольку она является специфической, остановимся на ее раскрытии более подробно. Эксперты признают, что в распределении ведущих властных позиций между этническими группами в республиканских органах исполнительной и законодательной властей существует дестабилизирующий потенциал: *«Если есть этнические интересы при нашем устройстве, в том числе и по этнической структуре … значит, существует негласное распределение постов, существуют традиции. Собственно говоря, на этом-то и держалась стабильность, определенные … правила игры. Речь-то идет же о ключевых фигурах. В Народном Хурале последний заместитель председателя Павлов прямо же сказал, что он не будет участвовать в выдвижении кандидатуры на пост спикера, потому что это должен быть бурят. Все знали, что этот пост в силу распределения, если Глава – русский, то спикер должен быть бурят, и там была уже внутренняя борьба. Как это минимизировать? Только справедливым распределением постов. Справедливое – это баланс, это традиции… Раньше было, если руководитель одной национальности, то зам, извини, другой тогда…»* (д. социол. н., проф. кафедры БГУ).

Данная экспертная оценка акцентирует внимание на представительстве основных этнических групп в структурах управления Бурятии – русских и бурят и апеллирует к советскому опыту межэтнического взаимодействия, обеспечивавшего в свое время определенные гарантии в распределении ведущих позиций в системе власти.

Как указывают политологи П. В. Панов и Е. Ю. Филиппова, в сложившемся порядке «возможна “неформальная институционализация”, когда более или менее устойчивые практики возникают вследствие неких договоренностей (конвенций), которым политические акторы

следуют в реальности» [130, с. 36]. В частности, при подборе ключевых должностей высшего партийного и советского руководства республики учитывался этнический состав.

Отражение этнической сегментации, при которой доля русского населения составляет большинство, демонстрируется на примере Главы Республики Бурятия и руководителя местного парламента. В течение 33 лет (до 2017 г.) негласно сохранялось положение: первое лицо республики – русский, вторую важную по значимости должность в органах управления замещал бурят. С 2017 г. картина изменилась наоборот: исполнительную власть представляет этнический бурят, законодательную – этнический русский. Так сложилось, что в позднесоветский период (с 1984 по 1990 г.) руководителем республики был назначен А. М. Беляков (являлся первым секретарем Бурятского обкома КПСС), сменивший А. У. Модогоева, этнического бурята. Вторую по значению высшую позицию в системе управления – должность председателя Президиума Верховного совета Бурятской АССР в то время занимали представители титульной национальности – А. А. Бадиев (1984–1987), К. К. Шомоев (1987–1990).

В постсоветскую эпоху конвенционализм в подборе кадров политико-административной элиты в соответствии с этнической структурой населения закрепился. С 1994 по 2007 г. на протяжении трех сроков избирался президентом Республики Бурятия Л. В. Потапов. Затем республикой в течение двух сроков руководил В. В. Наговицын, утвержденный Президентом РФ в должности Главы. С 2017 и по настоящее время назначен, а затем избран А. С. Цыденов. В эти годы ведущий пост председателя Народного Хурала РБ – представительного органа государственной власти занимали всегда буряты: М. И. Семенов (1994–2002), А. Г. Лубсанов (2002–2007), М. М. Гершевич (2007–2015), Ц.-Д. Э. Доржиев (2015–2018). В 2018 г. председателем Народного Хурала был избран русский – В. А. Павлов.

Устойчивая модель в назначении властных позиций и принятии политических решений между двумя основными этническим группами – русскими и бурятами длительное время являлась, по мнению экспертов, оптимальным условием гармонизации межнациональных отношений в Бурятии: *«….Соблюдение межэтнического баланса в высшем эшелоне власти… Вообще-то я считаю, что людей надо подбирать исключительно по деловым качествам, но практика постсоветских лет показывает, что это необходимо, и опыт совет-*

ской кадровой политики, где этот баланс соблюдался неукоснительно, игнорировать не стоит…» (д. и. н., в. н. с. ИМБТ СО РАН).

Вместе с тем изменение социально-политического контекста и появление социальных групп, выдвигающих требования значимости этничности в современном политическом процессе, раскрывают такую черту, как наличествующий конфликт местных элит, который носит полузакрытый характер. Экспертами указаны такие характеристики бурятского неотрадиционализма, как клановость, родо-земляческие сети, этническое предпринимательство, династийность, «блат». С одной стороны, данный фактор имеет, очевидно, архаические характеристики и влечет за собой издержки в справедливом распределении руководящих постов и конкуренции за рабочие места. С другой – является свидетельством латентных «подковерных» игр как своеобразной характеристики политического процесса Бурятии. Клановость в текущей политике руководства республики понижает эффективность управленческого потенциала республики, формирует его негативный имидж у населения.

Использование этнического ресурса в борьбе за политическое лидерство уже отмечали исследователи: «Для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице по-прежнему характерно применение неформальных механизмов, где решающую роль играют социальное происхождение, родство, территориальная общность, отношения личной преданности и покровительства и другие факторы. Успех сегодня во многом обеспечивается принадлежностью к команде, работающей на влиятельного лидера, обретением покровителя, то есть вступлением в патрон-клиентарные отношения. Это предопределяет клановый принцип формирования элиты, для которого характерны отношения личной преданности, корпоративная ориентация, закрытость. Внутри данной социальной группы, как правило, доминирует клановый характер взаимоотношений: стремление обособиться, негативные ожидания от рекрутирования новых лиц, которые рассматриваются, прежде всего, как конкуренты в борьбе за влияние на патрона и лишь затем только как возможные партнеры по политической деятельности и т. п.» [50, с. 149].

Если рассматривать оценки феномена клановости в экспертных высказываниях, то несправедливое распределение этнических групп в структурах управления артикулируется как «*доминирование некото-*

рых этнических групп в государственных органах: полиции, налоговой, судебных органах, судебных приставов, Пенсионном фонде», опрошенные эксперты критично полагают, что произошло «*увеличение доли мононациональных трудовых коллективов*» и признают факт открытости вопроса об этнической принадлежности первых лиц. В то время как для представителей других национальностей существует проблема количественной представленности в руководящих структурах, так как «*…они изначально находятся в неравных условиях, поскольку не защищены кланами и землячествами…*» Таким образом, исходя из мнений экспертов, озвученных в глубинных интервью, подтверждаемых результатами массового опроса, можно говорить о присутствии этнического характера клановых связей в политическом и этносоциальном поле Бурятии, который затрагивает властную вертикаль, государственные учреждения и бизнес.

Стоит отметить, что сам феномен клановых связей имеет неоднозначные толкования и под ним имеются в виду различные определения в современных социологических теориях. В одних случаях клановость традиционно определяется родоплеменными, семейными связями [92, с. 370], в других основывается на земляческих и территориальных отношениях [154, с. 52]. Наконец, модернизированное, социально-политическое описание термина клановые отношения включает в себя экономический аспект: «клановые группы взаимопомощи являются межинституционными неформальными общностями, существующими параллельно с формальными иерархизированными группами» [118, с. 83].

Имеет ли клановость сугубо региональные характеристики или является универсальным и повсеместным явлением? В силу сохраняющегося актуального характера и даже расцвета клановости в Бурятии, обозначенного частью экспертов и журналистским сообществом [76], имеет смысл раскрыть ее связь с российским контекстом. Как считает тувинский исследователь Ч. К. Ламажаа, «клановые корпорации и клановость можно наблюдать в тех регионах, где более всего сохранены патриархальные устои, сильны родоплеменные связи и отношения, – в национальных республиках, общественный и политический облик которых в значительной мере определяет этнокультурный фактор. Феномен клановости отмечается, например, в Калмыкии, Башкирии, Татарстане, Бурятии, Дагестане, Туве» [119, с. 140].

Таким образом, клановость в Бурятии можно обозначить, прежде всего, как родственно-экономический конгломерат. Поскольку в чистом виде такие корпорации встретить можно довольно редко, то чаще мы имеем дело с синтетическими образованиями, включающими родо-земляческие группы с примыкающими к ним лицами, связанными взаимными обязательствами. Итак, можно сделать вывод об определенной путанице понятий, которая возникает в связи с тем, что в СМИ корпоративные отношения в социальных группах, связанные с российской политической культурой, включающей вертикальные отношения патронажа, также именуют «клановыми».

Как и во многих республиках РФ, в Бурятии кооптация этнической элиты во властные структуры происходила начиная с 1990-х гг. Межэтнический баланс в законодательной и исполнительной власти, особенно на ключевых постах в правительстве и Народном Хурале, сопровождался внутренней борьбой между отдельными группами, в частности по земляческому принципу. Исходя из данного соотношения, очередные выборы или назначение в органы исполнительной власти конкретной фигуры формируют взаимодействие кланов. И тогда, собственно, межэтнические отношения в структуре власти перестают быть доминирующими, а играет роль принадлежность к определенному клану, который может быть как русским, так и бурятским или смешанным.

Изменило этнополитическую обстановку введение новых правил игры со стороны федерального центра – замена выборов высших должных лиц субъектов Российской Федерации утверждением их в должности решениями законодательных органов по предложению Президента РФ в 2004–2011 гг.

Кроме того, клановые отношения являются одной из форм мобилизации современных этнических процессов и, как указывал автор работы «Этнополитика» Дж. Ротшильд, этничность превращается «в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп. При этом следует различать политическую мобилизацию этничности и огосударствление этничности, хотя политическая сущность обоих процессов очевидна» (цит. по: [161, с. 107]).

Поскольку политизация проникает в ключевые сферы социальной жизни, становится инструментом конкуренции групп, соответственно, мы можем наблюдать ее присутствие в сфере образования, науке, ме-

диасреде, культуре. В показательных случаях политической мобилизации этничности в Республике Бурятия, происходивших в последние годы, экспертами выдвигается версия влияния фактора конкурентности этнических групп**:** *«Появляется конкурентность. А в этом поле конкурентности, естественно, одной из тех социальных групп, которые борются наряду с политическими и иными, появляются, назовем это этнонациональные группы. Хотя они никогда в чистом виде не борются, а борются какие-то этнотерриториальные или этноотраслевые, скажем так… Ну а борьба на уровне руководителей университетов разве не была? Была она. Почему? Потому что университеты – ресурсная вещь»* (д. социол. н., проф. кафедры БГУ).

Таким образом, клановость в структуре государственного и муниципального управления республики признается населением и экспертами. Но ее замкнутый, закрытый характер не позволяет до конца раскрыть противоречивую роль в современных политических процессах, происходящих в Бурятии.

Замыкает пятерку проблемных явлений для Бурятии «*снижение уровня жизни населения*» (78,78 %), при этом количество выборов у этнических групп выглядит так: у русских – 79,21 %, бурят – 79,64 и несколько ниже у представителей других национальностей – 67,44 %.

Следующий блок явлений, которые были обозначены опрошенными как проблемные, идут в рейтинге на 6–8-х местах, и в определенной степени могут способствовать росту социальной напряженности в регионе.

Мнение о *«низком качестве оказываемых услуг медицинскими учреждениями»* выразили 77,0 % жителей Бурятии. «*Неудовлетворительным качеством получаемого высшего образования в вузах республики»* встревожены более половины населения – 55,67 % респондентов. Система среднего образования, включающая основное, общее и профессиональное, также невысоко была оценена половиной жителей республики (49,56 %).

Девятое место в рейтинге социальных проблем занимает проблема *«безопасности граждан»,* выделенная почти каждым вторым респондентом (48,0 %). Также результаты опроса показали, что для почти трети населения (31,55 %) «*процесс оформления земли в собственность»* стоит в приоритете жизненных тем и является проблемным.

Как подтверждают исследования прошлых лет, Бурятия отличается стабильным межэтническим взаимодействием [124]. Вместе с тем

пятая часть населения (21,34 %) допускает «*ухудшение взаимоотношений между людьми разных национальностей*». Несколько меньше доля лиц, считающих, что существует «*нарастание враждебности между местным населением и мигрантами из других стран*» (17,78 %) и из других регионов России (15,22 %). Наконец, проблемой, которая стоит на последнем месте в ранжированном ряду, является потенциальная враждебность между религиозными течениями, которую отметили 13,44 % респондентов, что позволяет говорить о достаточном спокойствии в сфере межконфессиональных отношений в республике.

Респонденты, обозначая основные проблемы для республики, непосредственно сталкивались с ними и решали, используя разные ресурсы. Поэтому нам важно было узнать мнение населения о том, на кого они будут рассчитывать в сложных ситуациях (табл. 8).

Как видим из таблицы 8, обращает на себя внимание разница в использовании этническими группами способов поиска помощи в затруднительном положении – буряты несколько чаще (80,09 %), чем русские (77,46 %), обращаются к родным, близким и друзьям, хотя и у тех, и у других этот ресурс стоит на первом месте. Также чуть ниже доля горизонтальной солидарности у представителей других национальностей – 67,44 %. Способность полагаться на свои силы демонстрируют все этнические группы, она характеризует почти в равной мере русских и бурят (соответственно 76,67 и 74,78 %), но в меньшей мере другие национальности (62,79 %). Отличается отношение групп к использованию ресурса помощи от государства. Четверть русских обратится за помощью к государственным органам (25,87 %), пятая часть представителей других национальностей (20,93 %) и лишь 18,14 % бурят поступят аналогичным образом.

22,11 % респондентов допускали возможность обращения к священнослужителям для решения своих проблем. Причем среди представителей других национальностей таких оказалось больше (32,56 %), чем среди бурят (27,43 %) и русских (19,37 %). Нижний ранг в определении способов выхода из сложной ситуации занимает обращение к руководству предприятия, на котором работает сотрудник, что свидетельствует о невысоком доверии всех этнических групп к вертикальным связям в обществе.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «В решении насущных проблем на кого будете рассчитывать в первую очередь?», % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Другие нац-ти	Все население	Ранг
Буду решать все самостоятельно	76,67	74,78	62,79	75,56	2
Обращусь к помощи родных, близких, друзей	77,46	80,09	67,44	77,67	1
Обращусь к помощи государственных органов	25,87	18,14	20,93	23,67	3
Обращусь к руководству предприятия, в котором работаю	15,08	14,6	11,63	14,78	6
Буду надеяться на чудо, удачу	20	15,04	4,65	18	5
Буду молиться, обращусь к священнослужителям (ламам, православным священникам и т. д.)	19,37	27,43	32,56	22,11	4
Обращусь к экстрасенсам, магам, гадалкам, шаманам	1,75	5,31	2,33	2,67	7
Нет ответа	1,43	0,88	-	1,22	8

Примечание: можно было выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

В Бурятии уже длительное время существует сложная социально-экономическая ситуация, маркерами которой являются закрытие многих градообразующих предприятий, снижение экономической активности населения, растущий уровень безработицы в сравнении с другими российскими регионами, рост миграционных настроений. Массовый опрос населения подтвердил, что длительное взаимодействие этнических групп – русских и бурят, имеющих сходные условия жизнеобеспечения, влияет на близкие установки о проблемности и серьезности некоторых явлений для развития республики. Вместе с тем снижение уровня и качества жизни населения может отразиться на росте латентной межэтнической напряженности, снижение степени межличностного доверия и межнационального согласия в регионе.

Безработица и негативные изменения на региональном рынке труда, по мнению респондентов, являются основной социальной проблемой на фоне других, поскольку с ней связаны сокращение жизненно важных потребностей, отток молодежи в другие регионы, вымывание человеческого капитала.

Системным явлением, касающимся государственной и личной безопасности граждан, можно считать негативное влияние экономического кризиса на главные социальные институты, в целом на социальную сферу, введение платных государственных услуг и роста их стоимости. Институциональные изменения произошли в учреждениях здравоохранения и образования в связи с реструктуризацией и ростом частного сектора. Но ухудшение качества и сокращение объема бесплатных оказываемых услуг к накопившимся социальным рискам ложатся дополнительным бременем на личностные расходы и побуждают к поиску резервов выживания. Тем самым увеличивается социальная дифференциация между платежеспособными группами и малоимущими в удовлетворении базовых потребностей в медицинских и образовательных услугах. Проведенное исследование зафиксировало более половины населения, включая разрез по параметру «национальность», неудовлетворенных системой здравоохранения, деятельностью учреждений среднего и высшего образования в республике.

В сложившихся условиях, как показывают результаты социологического исследования, наблюдается разница в понимании необходимых ресурсов к разрешению личных социальных проблем этническими группами Бурятии. Русское население несколько чаще склонно в случае возникновения критической ситуации использовать обращение в государственные органы, чем буряты и представители других национальностей. Представители других национальностей так же, как и буряты чаще, чем русские, адресуют свои просьбы о помощи к священнослужителям (ламам) или шаманам. Показателем низкого социального доверия является редкий выбор респондентами возможности обращения за помощью к руководству предприятий, на которых работают граждане. Свидетельством дальнейшей атомизации общества является ситуация «один на один» с проблемой, траектории действий становятся все более индивидуальными, особенно у русских и бурят. Большая часть бурят и русских чаще используют традиционные социальные связи (родственники, близкие, друзья) в разрешении имеющихся проблем, чем другие национальности.

1.3. Социальное неравенство в республике

Исследование предполагало выяснение процессов, определяющих структуру доходов и текущие потребительские установки жителей региона. Эмпирическая картина позволяет отследить распределение доходов в семейном бюджете, субъективную оценку материального положения, являющуюся фактором социального неравенства в Бурятии по уровню материальной обеспеченности. Для изучения потребительских бюджетов населения разработано множество методик (ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ, Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН и др.) [87, с. 23; 126; 165].

Социально-экономическую дифференциацию населения мы выясняли с помощью стандартного вопроса: «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы отнести свою семью?», ответы на который позволили определить субъективную оценку респондентами разных этнических групп своего материального положения и условно разделить их на 6 групп по типу потребительского бюджета: ниже прожиточного минимума, минимальный и приемлемый потребительский бюджет, потребительский бюджет среднего достатка, потребительский бюджет высокого достатка и бюджет состоятельных граждан. Изучение самооценки материального статуса вычленяло сегменты, составляющие полярные друг другу группы – «бедные» и «богатые» (табл. 9).

Из таблицы 9 видны существенные различия между слоями «необеспеченных» и «обеспеченных». Доля ответивших, которым *«хватает только на питание и одежду»*, составляет практически половину населения (49,78 %). Тех, кому приходится очень трудно и кто не может позволить себе купить даже одежду, оказалось более четверти (26,67 %). Лишь каждый седьмой респондент признал, что может покупать вещи длительного пользования, следовательно, является «обеспеченным» (13,67 %). Интересно, что из всех категорий респондентов признали себя «зажиточными» только 3,44 % респондентов. Полученные субъективные оценки свидетельствуют о том, что уровень жизни в республике не очень высокий и для того чтобы поддерживать семейный бюджет, подавляющая часть населения вынуждена брать кредиты, что подтверждают данные статистики, согласно которым Бурятия по закредитованности стоит на одном из первых мест среди субъектов РФ [10; 13].

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы отнести свою семью?», % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население	Категория
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание	5,87	3,1	2,33	5,0	Бедные (нуждающиеся)
Денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения	26,35	29,2	16,28	26,67	Околобедные (уязвимые)
Доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит	49,05	50,88	55,81	49,78	Средние (среднедоходные)
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей	14,13	12,39	13,95	13,67	Обеспеченные
Мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости	3,33	3,1	6,98	3,44	Зажиточные, состоятельные
Ни в чем себе не отказываем	1,11	1,33	2,33	1,22	Богатые
Нет ответа	0,16	0	2,32	0,22	
Всего	100	100	100	100	

Рассмотрим корреляцию между самооценкой материального положения и национальностью респондента. Как видим из таблицы 9, среди русских (5,87 %) в 2 раза чаще встречаются респонденты, которых мы условно относим к бедным, чем среди бурят (3,1 %) и представителей других национальностей (2,33 %). Среди представителей

других национальностей меньше всего респондентов, которым «*денег хватает только на питание*» (16,28 %), в отличие от русских (26,35 %) и бурят (29,2 %). Также зажиточные слои, те, кто могут позволить себе купить автомобиль или ни в чем себе не отказывать, значительно больше представлены неосновными этническими группами (6,98 и 2,33 % соответственно), что суммарно (9,31 %) и в 2 раза больше, чем у русских и бурят. По другим показателям материального положения особого различия по национальному признаку обнаружено не было и данные соответствуют средним показателям по выборке.

Одним из факторов, который обостряет проблему социальной справедливости в обществе и усугубляет социальное неравенство в республике, является сужение легитимных механизмов восходящей мобильности населения, в результате чего ограничиваются возможности использования формальных ресурсов для своего продвижения и приходится использовать неформальные практики или инструменты так называемого «блата»: «*Потому что у нас нет четкого понимания социального лифта. И даже наши студенты, выпускники, молодежь, они говорят, что если у тебя не будет резюме от "дяди Баира" условного, то ты никогда не будешь сидеть вот там, в правительстве. А какие-то национальные вещи, они второстепенные. Там не зависит от того, какой национальности твой дядя Баир*» (к. полит. н., зав. кафедрой БГУ).

Дополнительной иллюстрацией социального неравенства в Бурятии является эмпирическая картина субъективных представлений о распределении доходов по сферам деятельности.

Среди тех, кто выбрал вариант «*мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание*», т. е. условно «бедных», вдвое больше, чем в целом по выборке (5,0 %), работников сельского хозяйства (12,2 %). Среди околобедных, или уязвимых *(«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»)*, больше всего представителей торговли (39,13 %), сельского хозяйства (36,59 %), транспорта, промышленности, энергетики и связи (32,26 %). Самый высокий процент выбравших ответ «*доходов хватает только на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит*» у работающих в средствах массовой информации (75,0 %), страховании, банках, налоговых органах (63,64 %), силовых структурах (61,54 %).

Среди зажиточных и состоятельных *(«можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости»*) лидировали предприниматели и бизнесмены (10,7 %), представители органов госуправления (9,37 %), транспорта, промышленности, энергетики и связи (3,23 %), органов муниципального управления (2,08 %), науки, образования и здравоохранения (2,03 %), НКО (2,22 %). Среди условно «богатых» («*ни в чем себе не отказываем»*) самыми доходными группами оказались работники транспорта, промышленности, энергетики (6,45 %), торговли (4,35 %), органов госуправления (3,12 %).

Наиболее значительный сегмент едва сводящих концы с концами («*мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание»)* образует группа безработных, самооценка которых превышает представления о своей обездоленности в 4 раза (19,23%), чем в целом по выборке (5,0%). Социальная проблема безработицы в Бурятии является одной из самых злободневных. Причем она касается не только неквалифицированных кадров, но и молодых специалистов, окончивших вузы, опытных специалистов, ищущих достойную оплату труда, адекватную полученным навыкам и знаниям.

Экспертами признается острота ситуации, в которой трудоспособное население республики не имеет возможности для самореализации и материальной поддержки семьи: «*Я сам только помню порядка трех миграций, в 90-е годы, начало нулевых, потом 2010 год, и сейчас еще, наверное, четвертая волна в Южную Корею происходит. Так вот, люди, конечно, которые мигрируют, уезжают, они, естественно, автоматически недовольны Бурятией. Бурятией и всем тем, что творится. Сейчас происходит волна возвращенцев, этих людей, которые вернулись обратно отовсюду. Так эти люди вдвойне и втройне подогреты недовольством. Потому что они уехали, у них еще там не получилось, приезжают, а тут ничего не изменилось. И этот конфликт, и недовольство возрастает многократно. А еще созревает некое сообщество возвращенцев. И естественно, эти люди имеют менеджерские навыки другого уровня. Они поработали в федеральных структурах, может быть, не на первых ступенях, не на самых высших, но тем не менее они имеют опыт. Но здесь они не могут также себя реализовать, люди, которые вернулись с федеральным, с международным опытом*» (руководитель НКО).

Подтверждают представления о себе как об условно бедных («нуждающихся») и сельскохозяйственные рабочие (7,14 %), которым

«*денег не хватает даже на питание»,* также среди них больше всего респондентов (42,86 %), считающих, что «*денег им хватает только на питание и даже покупка одежды вызывает затруднения».* Условно бедные представлены рабочими (37,77 %), безработными (34,62 %), пенсионерами (33,59 %).

Из всех профессиональных групп, опрошенных в исследовании, наиболее кредитоспособными («*доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит»*) оказались руководители предприятий и организаций (66,67 %), ИТР (63,64 %), представители социально-гуманитарной интеллигенции (61,33 %), военнослужащие (53,85 %), пенсионеры (53,44 %), служащие (50,87 %).

Среди предпринимателей и фермеров (24,19 %), военнослужащих (23,08 %) и студентов (22,31 %) наибольшее число тех, кто «*может без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей».* Могут позволить «*купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости»* предприниматели и фермеры (11,2 %), ИТР (9,09 %), студенты (8,26 %). Наконец, среди тех, кого можно отнести к группе условно богатых («*ни в чем себе не отказываем»*), выделяются группы руководителей предприятий и организаций (4,76 %), ИТР (4,55 %), социально-гуманитарной интеллигенции (4,0 %).

Если рассмотреть уровень материального достатка респондентов в зависимости от возраста, то видно, что число причисляющих себя к бедным (бедные+околобедные, уязвимые) среди всех возрастных групп достаточно велико – в возрасте 50–59 лет их 37,96 % (6,63+ 31,33 %), 60 лет и старше – 37,82 (3,85+33,97 %), 40–49 лет – 33,55 (6,58+26,97 %), 30–39 лет – 31,13 (3,59+27,54 %), 18–29 лет – 23,16 % (4,63+18,53 %).

Обеспеченных и состоятельных больше всего среди молодых 18–29 лет – 28,57 % (22,78+5,79 %), в то время как среди других возрастных групп их немного – от 8,33 (60 лет и старше) до 15,4 % (30- и 40-летние). Богатых – по 1,0 % среди молодых, 30-, 40-летних и пожилых. В целом можно констатировать, что в охваченных опросом группах иных заметных различий по гендерному, образовательному, территориальному признакам обнаружено не было.

1.4. Социальное самочувствие населения

Трансформация социальной структуры современной России, а также кризисные явления в экономике и продолжающиеся реформы в социальной сфере привели к снижению уровня жизни и дифференциации населения, углублению социального неравенства, что непосредственно повлияло на социальное самочувствие населения, которое характеризует оценку социальных изменений в обществе и государстве, а также отражает уровень адаптации к новым условиям. То есть социальное самочувствие является одним из значимых индикаторов развития страны и качества жизни.

На социальное самочувствие влияют объективные и субъективные факторы, к которым можно отнести уровень социально-экономического и пространственного развития региона, образование, возраст, сферу занятости человека или группы. Территориально-поселенческая неоднородность страны и разный уровень качества жизни в регионах заметно дифференцировали возможности жителей разных населенных пунктов для конвертации своих активов в ресурсы или капиталы. Чем более высокими показателями развития и качества инфраструктуры отличается населенный пункт, тем шире возможностей у его жителей для выстраивания стратегий восходящей мобильности и формирования более позитивных социальных настроений.

Исследование межнационального согласия невозможно без изучения социального самочувствия, состояние которого определяет во многом и характер межэтнических отношений. Поэтому мы проанализируем некоторые параметры удовлетворенностью жизнью населения республики, вопросы о которых были включены в нашу анкету.

Республика Бурятия является полиэтническим регионом, в котором по Итогам последней переписи населения 2010 г. проживают более 160 наций и народностей, из них русские составляют 66,0 %, буряты – 30,0, представители других национальностей – 3,9 % и общий фон межэтнических отношений (являющийся благополучным) влияет на социальное самочувствие населения. Общее число постоянного населения республики по состоянию на 1 января 2021 г. составило 985431 чел. При этом городское население – 582643, сельское – 402844, из них в г. Улан-Удэ проживает большинство – 404450 чел. [75].

Кроме того, республика – приграничный регион, имеющий ближайшими соседями Монголию и Китай, хотя с КНР государственной границы, в отличие от Монголии, у Бурятии нет. После открытия в 2014 г. безвизового режима с Монголией в республику увеличился поток туристов, приезжающих, как правило, в шоп-туры или на отдых на побережье Байкала, но критическим его пока назвать нельзя.

Что касается социально-экономического развития, то для республики так же, как и для других регионов России, характерны проблемы, связанные с несбалансированным пространственным развитием крупных городских агломераций, прежде всего столицы республики – г. Улан-Удэ. Недостаточно скоординированное планирование пространственного развития Улан-Удэ привело к избыточной застройке пригородных территорий жильем без необходимой транспортной и социальной инфраструктуры, высокой концентрации мест приложения труда в центральной части города и их дефициту в пригородах. Также результатом этих процессов стало нарастание экологических и транспортных проблем, когда вновь возведенные частные дома отапливаются углем и дровами, и теперь столица Бурятии входит в десятку экологически грязных городов РФ, что влечет за собой рост заболеваний системы органов дыхания, в первую очередь среди детей [16–17].

По многим показателям рейтинга социально-экономического развития субъектов РФ Республика Бурятия находится внизу шкалы по качеству жизни, уровню доходов, работе транспорта, медицинского обслуживания и т. д. [15].

Кроме того, наблюдается ограничение социально-экономического развития малых и средних населенных пунктов, которое порождает не только отток населения из сельских районов Бурятии, но и отъезд из региона. Так, за последние десятилетия происходит постоянное снижение численности населения в Бурятии, сохраняется отрицательное сальдо миграции, причем в основном уезжает молодое трудоспособное поколение [43–44; 48].

По результатам исследования, которое проводит РИА «Новости», Республика Бурятия входит в десятку аутсайдеров в рейтинге регионов России по качеству жизни, что является одной из основных причин миграционных настроений жителей республики. Так, в 2015 г. это было 75-е место, 2016 – 77-е, 2017 – 76-е, 2018 – 77-е места. В 2019 г. в последней десятке также присутствовала Бурятия наряду с Север-

ной Осетией, Калмыкией, Ингушетией, Республикой Алтай, Курганской областью, Забайкальским краем, Еврейской автономной областью, Карачаево-Черкесией и Тувой. По итогам 2020 г. Бурятия опустилась на 81-е, Забайкальский край занял 82-е места, Иркутская область поднялась с 63-го на 5-е место [41–42].

По рейтингу эффективности управления регионов за 2020 г. Бурятия оказалась на предпоследнем месте и заняла 84-ю строчку рейтинга – к такому выводу пришли эксперты Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК) [14].

Рейтинг качества жизни городов за 2020 г., проводимый Финансовым университетом при Правительстве РФ, поставил Улан-Удэ на 71-е место из 75, соседний Иркутск – на 64-е, Чита заняла последнее 75-е место [41].

По данным Счетной палаты РФ, «несмотря на инвестиции в Байкальский регион, предусмотренные на период 2018–2020 годов в размере 491,3 млрд рублей, система управления опережающим развитием Бурятии, Забайкальского края и Иркутской области не сформирована, существует проблема несбалансированности доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов. Так, за прошедшие три года рост их расходов опережал рост доходов на 8 млрд рублей, с 2015 года по Республике Бурятия и Забайкальскому краю отмечались значительные отклонения ВРП от установленных плановых значений, остались нерешенными проблемы с расселением аварийного жилищного фонда, рынком труда и оттоком населения в Байкальском регионе. С 2016 года по 1 ноября 2018 года миграционная убыль населения в Байкальском регионе (Иркутская область, Бурятия, Забайкальский край) составила 37,1 тысяч человек» [44].

Низкий уровень качества жизни, безработица и холодный климат формируют миграционные стратегии жителей Бурятии. В последние годы резко ухудшилась экологическая обстановка и выросло число онкологических заболеваний, что также повлияло на рост миграции из республики. Уезжают, как правило, в Москву, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Новосибирск, Иркутск. Популярными направлениями становятся зарубежные страны – США, Южная Корея, Монголия, куда едут не только на постоянное место жительства, но и на заработки. В основном мигрируют молодые, амбициозные и образованные люди, часто с семьями, чтобы у детей были более широкие возможности для получения образования [16; 23; 27; 43].

В 2018 г. миграционная убыль населения Бурятии составила 4577 чел. – этот показатель примерно на треть (33,6 %) выше, чем в 2017-м. Приехавших в республику было меньше (13277), чем тех, кто ее покинул (17854) [25]. В 2019 г. динамика сохранилась – 30,5 % составила межрегиональная миграция. В другие регионы России уехали 1172 чел., в основном в Центральный (838 чел.), Северо-Западный (599) и Южный (308) федеральные округа, меньше – в Сибирский (164) и Приволжский (91 чел.) [34]. В 2020 г. основная часть мигрантов (94,1 %) перемещалась в пределах РФ. Межрегиональный миграционный отток населения наблюдался в Южный (308), Северо-Западный (188), Центральный (153), Северо-Кавказский (38) федеральные округа [57].

Однако, несмотря на укоренившийся статус депрессивного региона, изменившуюся в худшую сторону экологическую обстановку и высокую миграцию населения, на момент проведения исследования большинство (63,0 %,) жителей республики были удовлетворены своей жизнью, каждый третий (32,0 %) – нет, затруднились ответить – 5,0 %. Считали себя счастливыми также большинство (66,0 %), несчастными – 5,4% и треть не задумывались об этом.

При этом только 26,22 % респондентов не испытывали тревогу за безопасность своей семьи от преступных посягательств, в то время как большинство (65,45 %) об этом задумывались. Более всего опрошенных беспокоили такие обстоятельства, как будущее своих детей (59,89 %), возможность потери своей семьи (53,44 %), перспектива заболеть неизлечимой болезнью (42,78 %), стать безработным (41,33 %), получить тяжкие увечья, погибнуть от рук преступников (22,0 %), стать бедным (20,56 %), рост алкоголизма и наркомании (31,44 %). При этом значительная часть респондентов (77,67 %) в решении насущных проблем будут рассчитывать на себя или родственников (75,56 %).

В меньшей степени были удовлетворены жизнью жители в предпенсионном возрасте 50–59 лет (53,5 %), по сравнению с другими возрастами (соответственно 18–29 лет – 62,0 %, 30–39 – 61,1, 40–49 – 64,5, 60 и старше – 75,0 %), неверующие (57,4 %), по сравнению с верующими (65,6 %). По полу, образованию и национальности различий не было обнаружено.

Если посмотреть на оценку социального самочувствия, то с небольшой разницей в большей мере удовлетворены жизнью были представители других национальностей (67,44 %), чуть меньше буря-

ты (65,93 %) и русские (61,59 %). Хотя практически в равной степени представители разных этнических групп чувствовали себя счастливыми (русские – 65,24 %, буряты – 66,81, представители других национальностей – 67,44 %).

В думах о будущем респонденты чаще испытывали положительные эмоции – надежду (46,1 %), оптимизм, уверенность в будущем, (32,0 %), спокойствие, но без особых надежд (30,0 %), реже негативные – тревогу, опасения, (28,3 %), раздражение (8,0 %), безысходность (9,0 %), страх, отчаяние (6,0 %).

Мужчины более оптимистичнее смотрели в будущее (36,0 %), чем женщины (28,5 %), так же, как и более спокойнее (соответственно 32,0 и 28,0 %), в то время как женщины чаще испытывали тревогу и опасения (35,1 %), по сравнению с мужчинами (20,5 %). Городские жители были настроены более позитивно, чем сельские.

Чем выше уровень образования у респондентов, тем меньше у них прослеживалось оптимизма и уверенности в будущем. Так, респонденты с высшим образованием были менее всего уверены в будущем (28,0 %), в отличие от тех, кто имел среднее профессиональное (32,0 %) или среднее образование (34,0 %). Также они продемонстрировали меньше спокойствия (соответственно 23,3; 31,0 и 33,0 %) и больше тревоги (35,0; 31,0; 22,0 %).

Данную закономерность подтверждают и опросы экспертов, проведенные нами в ходе мониторинга межнациональных отношений в республике в 2016–2019 гг. (анкетирование, фокус-групповые дискуссии, глубинные интервью), среди которых были преимущественно высокообразованные и статусные респонденты (политическая и научная элита), значительная часть которых была настроена весьма критично, оценивая собственный уровень жизни в республике и пессимистично смотря в будущее [124].

Возвращаясь к результатам массового опроса, можно сказать о разном видении будущего этносоциальными группами. Так, буряты и представители других национальностей несколько оптимистичнее, с большей надеждой и спокойнее смотрят вперед, чем русские. Представители других национальностей совсем не испытывали страх и отчаяние, в отличие от русских и бурят, так же, как и реже раздражались, чем русские и буряты. А вот чувство безысходности почти в равной степени посещало респондентов из разных этнических групп (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы испытываете, когда думаете о будущем?», % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Оптимизм, уверенность в будущем	31,59	33,19	32,56	32,0
Надежду	43,49	51,77	55,81	46,11
Спокойствие, но без особых надежд	28,25	31,42	46,51	29,89
Тревогу, опасения	28,89	29,20	13,95	28,33
Страх, отчаяние	4,60	5,31	-	4,56
Раздражение	7,94	8,41	4,65	8,0
Безысходность	9,21	7,08	9,30	8,78
Ничего	3,81	6,19	2,33	4,33
Затрудняюсь ответить	5,4	2,21	9,30	4,78

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Для нас важно было выяснить, какие предпочтения имеют представители разных этнических групп, на что ориентируются в своих жизненных стратегиях. Как видим из таблицы 11, существуют некоторые различия в рейтинге успешности в жизни в зависимости от этнической принадлежности респондентов.

Так, для представителей других национальностей менее значимо иметь хорошую интересную работу (44,19 %), чем для русских (57,46 %) и бурят (60,62 %). В то время как для бурят важнее чувствовать себя свободным человеком (53,54 %), в отличие от представителей других национальностей (44,19 %) и русских (41,43 %), для которых также несколько менее значима стратегия «*жить обеспеченно, в достатке*» (соответственно 53,49 и 65,08 %), чем для бурят (73,45 %). Одинаково важно и значимо для всех иметь семью.

Мнения респондентов относительно уровня жизни в Бурятии разделись примерно поровну – 35,0 % опрошенных посчитали, что «*все не так плохо и жить можно*», почти столько же – что *«жить трудно, но можно терпеть*» (36,6 %), 18,0 % – *«все очень плохо и терпеть невозможно»* и только 6,4 % заявили, что *«все идет хорошо».* Опрошенные в целом позитивно оценили существующий уровень жизни в России – 6,3 % посчитали, что *«все идет хорошо»,* 37,3 %

были уверены, что *«все не так уж и плохо и жить можно»*, почти столько же были «*готовы терпеть*» (36,6 %) и для 15,4 % оказалось *«все очень плохо, терпеть уже невозможно».* При этом половина респондентов нашего исследования (50,0 %) отмечала, что практически все получаемые доходы идут на питание, оплату коммунальных платежей и одежду, а чтобы приобрести вещи или бытовые приборы длительного пользования необходимо брать кредиты. И это подтверждают данные статистики – Бурятия входит в число лидеров в РФ по закредитованности населения и слабой платежеспособности [10;13].

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Люди по разному понимают, что такое “жить хорошо”, “быть счастливым”, что Вы для себя считаете самым важным?» % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Пользоваться уважением людей	45,24	51,77	48,84	47,11
Иметь хорошую интересную работу	57,46	60,62	44,19	57,67
Иметь хорошую семью	74,6	76,11	74,42	75,0
Чувствовать себя свободным человеком	41,43	53,54	44,19	44,67
Жить обеспеченно, в достатке	65,08	73,45	53,49	66,56

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Средняя заработная плата по республике в 2017 г., согласно статистическим данным, составила 33400 руб., в 2018 г. – 36396, в 2019 г. – 37832, в 2020 г. – 39115 руб. Но лишь треть жителей (29,1 %) реально в 2017 г. имела средний доход в диапазоне от 30 до 40 тыс. руб., еще одна треть (29,1 %) располагала средним доходом в 71615 руб. на 1 чел. и наиболее многочисленной (41,8 %) оказалась группа с доходами меньше средних по республике с разбросом от 5183 до 24998 руб. В 2019 г. ситуация несколько изменилась: увеличилась до 43,8 % группа с наименьшими доходами (6021–26121 руб.) и уменьшилась группа с более высокими доходами (в среднем 69125 руб. на 1 чел.) – до 27,3 %. В 2019 г. численность населения с доходами ниже

прожиточного минимума составила 197,5 тыс. чел. [32; 74]. По данным службы исследований компании «Head Hunter», почти 70,0 % жителей Дальнего Востока недовольны своей зарплатой, а зарплатные предложения в Бурятии самые низкие среди регионов ДФО (опрос проводился в сентябре 2020 г.) [29].

Также для республики характерна значительная дифференциация уровней заработной платы по видам экономической деятельности. Наиболее высокооплачиваемые должности имеются в сфере добычи полезных ископаемых, транспортировки и хранения, финансовой и страховой деятельности, обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения. Наименее высокие – в сфере гостиниц и предприятий общественного питания, торговли оптовой и розничной, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов, операций с недвижимым имуществом, административной деятельности и сопутствующих дополнительных услуг, сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства [72].

Что касается расходов на питание, то, по данным статистики, «среднедушевое потребление населением республики основных продуктов в 2019 г. составило: по мясу – 63 кг (рекомендованные рациональные нормы – 73 кг), молоку – 195 (325), яйцу – 204 (260), картофелю 84 (90), овощам и продовольственным бахчевым культурам – 64 (140), фруктам и ягодам – 36 (100), хлебным продуктам – 113 (96)» [55]. Как видим, существует разница в рекомендованных Минздравом РФ рациональных нормах потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [65] и реальным потреблением продуктов жителями Бурятии, среди которых наиболее доступными оказались хлеб и картофель.

Исследование показало, что, несмотря на существующие проблемы социально-экономического развития республики, респонденты не отчаивались и старались получить дополнительные заработки. Те, кто преимущественно проживал в сельской местности – «*выращивали овощи, ягоды на дачном участке, огороде»* (29,4 %) или «*собирали дикоросы»* (11,0 %). Также опрошенные отмечали, что «*постоянно или периодически подрабатывают»* (29,0 %); «*работают на второй работе или одновременно в нескольких местах»* (23,1 %); некоторые пытались найти новую работу и более высокие заработки (16,0 %), кому-то помогали родственники (16,6 %), кто-то занимал деньги

(14,0 %); 10,0 % «*получают дополнительное образование*»; 7,0 % «*уже получили новую квалификацию*» и лишь 6,4 % респондентов «*ничего не предпринимают, так как ничего не могу сделать*».

Таким образом, полученные эмпирические результаты, с одной стороны, свидетельствовали об удовлетворительном социальном самочувствии жителей Бурятии на время проведения исследования (2018–2019 гг.), большинство из которых были настроены вполне оптимистично, с другой – статистические показатели отражали невысокий уровень социально-экономического развития Бурятии, который, по сравнению с центральными регионами России и даже с соседней Иркутской областью, отличался не в лучшую сторону, что обусловливало также и рост миграционных настроений жителей республики.

Выявленное в ходе исследования в Бурятии противоречие соответствовало общероссийским тенденциям и коррелировало с результатами исследований ВЦИОМ и «Левада-центр». Руководитель социологического агентства «Левада-центр» Лев Гудков отмечал на основе данных исследований 2019 г. «изменение характера людей: они стали все реже жаловаться на жизнь при опросах… В общем, люди храбрятся и не желают говорить о своих проблемах» [35].

«Причина такого противоречия, возможно, кроется в невысоком уровне притязаний опрошенных, их нежеланием признавать какие-либо проблемы в качестве серьезных, а также традиционной российской терпеливостью» [141]. Кроме того, большинство населения республики (особенно возрастное) вряд ли когда-нибудь решится поменять место жительства и выехать из Бурятии (в том числе по причине отсутствия денег на переезд и смутные, неясные после переезда перспективы), а потому старается акцентировать внимание большей частью на повседневных и позитивных моментах жизни, оставаясь патриотами своей малой Родины и, может быть, проявляя так называемый «сибирский характер» в решении каких-то проблем. Как сказал один из наших экспертов на фокус-групповой дискуссии в г. Улан-Удэ (2018 г.), озвучивая причину низкой привлекательности республики для иностранных мигрантов: «*Нас спасает наша бедность*».

В 2017 г. информационная служба Общественного телевидения России провела опрос среди зрителей, результаты которого позволили сделать вывод, что зрители, живущие в Бурятии, оказались самыми непритязательными в плане желаемой заработной платы, получая которую они могли бы не чувствовать себя нищими. Эта сумма соста-

вила от 15 до 20 тыс. руб., в то время как, например, в соседних Иркутской области – от 20 до 30, а в Забайкалье – от 40 до 50 тыс. руб. Служба информации ОТР попросила зрителей написать, сколько надо получать в их регионе, чтобы не быть нищим. В среднем получилось 27991 руб. в месяц на 1 чел. [24].

Таким образом, анализ результатов проведенного в Бурятии исследования показал, что улучшение социального самочувствия жителей, повышение уровня и качества жизни населения, уменьшение социального неравенства и миграционных настроений среди молодежи, создание новых рабочих мест с достойной заработной платой связано с социально-экономическим развитием региона, уменьшением отставания от наиболее развитых субъектов РФ. Важное значение имеют усилия и действия местного населения, направленные на позитивные преобразования в регионе и привлечение для этого финансирования. А включение республики в ноябре 2018 г. в состав Дальневосточного федерального округа и в феврале 2019 г. в Дальневосточный макрорегион следует рассматривать как фактор, направленный на экономический рост, процессы технологического, производственного и социального развития, сокращение межрегиональных различий, сбалансированное пространственное развитие территории, строительство инфраструктурных объектов.

Рост социально-экономических показателей развития республики, несомненно, позитивно повлияет на сохранение межнационального согласия и поддержание его ресурса.

Глава 2

Межэтническая стабильность в республике и перспективы ее сохранения

2.1. Состояние межэтнических отношений

Исследования межнациональных отношений никогда не теряют своей актуальности и продолжают оставаться востребованными в современном мире. Это обусловлено тем, что контакт между народами в полиэтничном, поликонфессиональном и поликультурном пространстве подвергается разным угрозам. Кроме того, всегда существует объективная потребность нахождения в любом обществе новых форм позитивной адаптации этого взаимодействия. В наше время вследствие невероятной скорости социальных изменений трансформируется природа этничности. Она актуализируется как в связи с динамизмом социальных процессов, ведущих к глубоким изменениям в характере межгрупповых связей, в том числе между этническими группами, так и с проявлениями заинтересованности к ней.

«Двадцатый век стал временем так называемого “этнического парадокса”. Индустриальное развитие цивилизации, интернационализация мировых хозяйственных и социально-экономических отношений способствовали политизации сознания “малых” народов, возрастанию их интереса к прошлому, к своей этнической истории, мифологии, религии, культуре. Парадоксально, но распространение в мире культуры, цивилизованности вкупе с изменениями в его геополитической и социально-этнической картине вместо роста толерантности привело в ряде стран и регионов к росту ксенофобии, расизма и национализма. Начиная с эпохи древних цивилизаций и античности, естественным образом происходили великие переселения народов, непрерывно трансформировалась этническая картина мира, однако только в современную эпоху проблемы межэтнических и межнациональных отношений стали приобретать глобальный и наиболее драматический, даже трагический характер» [98, с. 70].

Глобализация, о которой много пишут современные исследователи, таким образом, стала одним из основных факторов трансформации этничности и изменения содержательных аспектов этнических процессов. А. Л. Андреев, описывая феномен этнической дифференциации, пишет, что он возникает из территориального разделения общностей и «изначально определенным образом связан с социальными и социокультурными характеристиками географического пространства. Трансформация пространства – только не “пустого”, чисто геометрического, а “заполненного” социальными взаимодействиями – является, в самом общем виде, основой этнической истории. И здесь она неразрывно переплетается с перипетиями главного социально-исторического процесса последних столетий – процесса глобализации» [80, с. 26].

Влияние глобализации проявилось в том, что рост межстрановых и международных контактов не сгладил контрастность этнической картины. Наоборот, несмотря на наличие интеграционного вектора, наблюдается этническое возрождение, усиление этнонационалистических установок в практике политических элит и в массовом сознании. Исследователь этносоциальных процессов Ю. В. Попков отмечает, что «реальное противоречие состоит в том, что в ответ на унифицирующие тенденции глобального монополизма повсеместно растет стремление представителей этнокультурных сообществ возрождать традиции и поддерживать их своеобразие. Происходит сближение, но одновременно сохраняются различия – расово-антропологические, языковые, этнокультурные» [54, с. 11].

В связи с этим актуализируются вопросы этнической идентичности. На первый взгляд, идентичность представляется статичным фактом, определяющим принадлежность индивида к определенной этнической общности по рождению. Однако современность демонстрирует сложность ее структуры, подвижность в условиях постоянных социальных изменений.

Один из известных на сегодняшний день подходов к пониманию природы этничности представил Р. Брубейкер, который подчеркивает, что она, наряду с расой и национальностью, является способом некоего восприятия, интерпретации и представления социального мира. «Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоми-

нания (и забвения). Они включают этнически ориентированные фреймы, схемы и нарративы, а также приводящие их в действие ситуативные сигналы, и не в последнюю очередь – те, что доставляются средствами массовой информации. Они включают системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные. И они включают подразумеваемое, само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди опознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые» [89, с. 42].

Этничность как сложное по своей сути явление обладает множеством граней и ее исчезновение «в условиях глобализации – скорее “миф”, чем реальность. Не только социальная реальность корректирует его. Очевидно, что сама глобализация может стимулировать этничность. Ведь именно с ней связано свободное перемещение капитала, а за ним и рабочей силы, которая в значительной мере культурно разнообразна и рождает сопоставление “мы и другие”» [108, с. 431].

Этничность, таким образом, становится важным фактором, определяющим социальные особенности любого общества, особенно характеризующегося полиэтничным и поликонфессиональным составом. «Существующие социальные практики настолько разнообразны, что надеяться на все решающую “выработанную этнополитику” было бы просто наивно. Мультикультурная политика не только в странах, стремящихся к демократии, но и в давно действующих демократиях не способна раз и навсегда решить этнонациональные проблемы. Этнополитика является эффективной, если она гибкая, оперативно отвечает на вызовы практик, если законы действуют и их используют в случае нарушения прав человека и группы» [101, с. 179].

В России, с ее многонациональным составом населения, проблема развития межнациональных отношений остается всегда острой и требующей постоянного внимания. Как отмечала Л. М. Дробижева, произошло расширение сферы изучения социальной реальности. «К сложившимся направлениям изучения динамики социальной структуры, социальной обусловленности культуры, социальных аспектов языкового поведения, межэтнических отношений и этнической идентичности в поле изучения в 90-е гг. вошли новые темы – роли социальных и политических факторов в межэтнических конфликтах, причины национализмов и их следствия, роли элит в этнической мобилизации, эт-

нократии, соотношения гражданской и этнической, религиозной идентичности, проблемы социального неравенства, влияния постконфликтных ситуаций на межэтнические отношения, этнических аспектов безопасности, социальные проблемы и культурная дистанция, проблемы мигрантов, беженцев, адаптации и интеграции мигрантов, этнических меньшинств, русской диаспоры» [106, с. 78].

Основным консолидирующим фактором, обеспечивающим гармоничные взаимодействия между этническими группами, должно стать межнациональное (межэтническое) согласие. Большинство отечественных исследователей подразумевают под ним не просто сохранение благоприятных межнациональных отношений на личностном и институциональном уровне. Согласие должно обеспечиваться на уровне «готовности взаимодействовать с людьми иной культуры в деловой и неформальной сферах общения, регулировать противоречия в диалоговой форме. Это также межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, способность людей жить в сложном, дифференцированном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равноправия и справедливости» [122, с. 9].

На сегодняшний день одним из основополагающих документов, декларирующих основные направления регуляции жизнедеятельности российского общества в области национальных отношений и консолидации разных народов, является Стратегия государственной национальной политики РФ, в которой в качестве одной из важнейших задач государственной национальной политики Российской Федерации определена необходимость объединения усилий государственных и муниципальных органов и институтов гражданского общества для укрепления единства российского народа, достижения межнационального мира и согласия. Реализация государственной национальной политики должна проходить во взаимосвязи «с построением в России правого, демократического государства, поскольку его обязательным признаком является реальное обеспечение прав не только каждого лица, но и отдельных этнических общностей, обеспечение равноправия граждан – представителей разных национальностей, создание условий взаимного уважения, доверия, терпимости и сотрудничества между ними» [2; 3, с. 10].

Особого внимания требует изучение состояния межнациональных отношений в регионах, представленных в виде республик и автоном-

ных округов, где этнический фактор большое влияет на состояние всех сфер общественной жизни, прежде всего культурной и общественно-политической. В постсоветский период на это состояние значительно повлияли 2 основных фактора:

1. Распад Советского государства и отказ от социалистических парадигм в идеологической сфере, которые способствовали росту этнического самосознания у многих народов, интенсификации этничности как основного идентифицирующего маркера. В период становления нового государственного образования в лице Российской Федерации мобилизация этничности сыграла как позитивную роль, выраженную в процессах национально-культурного возрождения народов, так и отрицательную, когда возникла напряженность в межнациональных отношениях, а в некоторых регионах стали явными конфликты на национальной почве.

2. Переход к рыночной экономике, сопровождавшийся ухудшением социально-экономического положения большинства населения, негативно сказался на социальном самочувствии и актуализации запроса на справедливость. Наряду с этнической мобилизацией данный запрос выразился в повышении уровня тревожности, формулировании чувства *обиды* и *обделенности*, и более радикально проявился в требованиях сепаратистского характера.

Таким образом, как отмечает Ю. В. Попков, 1990-е гг. стали периодом, когда трансформационные процессы в обществе изменили характер этносоциальных процессов. «Известный призыв Б. Н. Ельцина “Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить” спровоцировал волну “парада суверенитетов” автономных республик и положил начало национальной политике, модель которой можно назвать моделью федерализации. Во многих автономиях, когда их статус повысился до статуса республик, были приняты законы, противоречившие федеральному законодательству (например, о верховенстве законов республиканских над российскими, государственном суверенитете республик, привилегиях для титульных национальностей, собственном гражданстве и др.). По целому ряду параметров возникло очевидное неравенство между субъектами Федерации» [53, с. 347].

Основным фоном межнациональных отношений в этих регионах продолжают оставаться взаимоотношения между наиболее крупными этническими группами, как правило, между так называемыми титульными этносами и русскими. В качестве дополнительного фона, особен-

но в сибирских и дальневосточных регионах, можно выделить процессы национального развития коренных и малочисленных народов.

Также в современный период наблюдается нарастание миграционных процессов, сопровождающихся притоком иноэтничных мигрантов и требующих усилий по интеграции последних в принимающих сообществах и превращающихся тем самым в новый фон межнациональных отношений. По мере увеличения численности мигрантов мигрантский фактор в сфере этнических взаимодействий становится значимым по силе своего влияния. В обществе даже при отсутствии видимых межэтнических конфликтов укореняются ксенофобные настроения по отношению не только к внешним, но и внутренним иноэтничным мигрантам, что отмечается в публикациях российских исследователей [127]. Подобные настроения чреваты ростом количества этнических конфликтов и перерастания их в плоскость этнополитических конфликтов. Об этом пишет Э. А. Паин, отмечая возможность перехода *ксенофобии идей* в *ксенофобию действий* [129].

В любом полиэтничном обществе задача гармонизации межнациональных отношений и обеспечения межнационального согласия никогда не потеряет своей актуальности. Исходя из динамичного характера межнациональных отношений подчеркивается, что «актуальность изучения характера взаимодействия людей разных национальностей определяется значимостью обеспечения их безопасности, благоприятного социально-психологического самочувствия и условий жизни, при которых каждому человеку гарантируется соблюдение равенства прав независимо от национальности, расы, религии и языка. Для государства же важно знать состояние согласия в пространстве социальной и этнической фрагментации для понимания целостности и степени интегрированности общества» [21, с. 8].

Оценки населением состояния межнациональных отношений очень востребованы, поскольку позволяют выявить не только реальное положение дел в этой сфере, но и дать прогнозные характеристики взаимодействиям между представителями разных народов, а также судить о степени эффективности предпринимаемых обществом и государством мер по их улучшению и предотвращению угроз. Другими словами, исследования межнациональных отношений и выявление мнений населения об их состоянии в конкретный период времени становятся важным инструментом реализации эффективной нацио-

нальной политики как по стране в целом, так и в ее отдельных регионах.

Республика Бурятия – субъект Российской Федерации, который с ноября 2018 г. входит в состав Дальневосточного федерального округа. Административно-хозяйственный и культурный центр республики – г. Улан-Удэ. Бурятия расположена в южной части Восточной Сибири, южнее и восточнее оз. Байкал. На юге граничит с Монголией, на юго-западе – с Республикой Тыва, на северо-западе – с Иркутской областью, на востоке – с Забайкальским краем. На ее территории расположены 21 муниципальный район, 2 городских округа, 263 городских и сельских поселения. Численность постоянного населения на 1 января 2021 г. составила 986132 чел., средняя плотность населения – 3,0 чел. на 1 кв км. Национальный состав республики, по данным переписи 2010 г., следующий: русские – 66,1 %, буряты – 30, украинцы – 0,6, другие национальности – 3,3 %. Также проживают представители коренных малочисленных народов – эвенки и сойоты, которые составляют 0,7 % общей численности населения [34].

Таким образом, в этнической конфигурации населения Бурятии наблюдается значительное преобладание русских и бурят. Соответственно, взаимодействие данных народов, особенности их социального положения и самочувствия определяют основные характеристики этносоциальных и этнополитических процессов в республике. Эвенки (0,3 %) и сойоты (0,4 %), будучи представителями коренных народов, несмотря на свою малочисленность, также оказывают влияние на этносоциальные процессы, особенно на территориях их проживания.

Интенсифицирующиеся этномиграционные процессы на первый взгляд не столь характерны для Бурятии. Республика не является зоной массового притока мигрантов из других стран. Тем не менее данный фактор обладает некоторым дестабилизирующим потенциалом. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного авторским коллективом в 2018 г. по заказу Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия. Цель исследования состояла в выявлении степени готовности местного населения к притоку мигрантов как из других регионов Российской Федерации, так и зарубежных стран. В результате был сделан вывод, «что обобщенный образ мигранта представляется опрошенными как вероятный нарушитель спокойствия с другой культурой и религией,

не знакомой простым жителям Бурятии. В то же время малочисленность мигрантского сообщества в республике и, соответственно, отсутствие постоянных контактов в разных сферах общественной жизни не позволили респондентам четко выразить свое отношение к ним» [144, с. 296]. То есть результаты социологического исследования показали неоднозначность восприятия мигрантов населением республики.

Бурятия никогда не относилась к регионам с напряженными и конфликтными межнациональными отношениями. Даже в условиях 1990-х гг., когда на фоне распада Советского Союза в разных регионах страны наблюдалось развитие этнического ренессанса, выражавшегося в росте национального самосознания народов и проявлении центробежных тенденций, в Бурятии удалось сохранить позитивный фон межнациональных отношений, «под которыми следует понимать весь комплекс устойчивых контактов и взаимодействия между этносами в едином социальном пространстве, в структуре экономических, социальных, политических, культурно-духовных процессов, конституирующих социальную организацию общества» [148, с. 83]. Возможно, такое развитие было вызвано тем, что, если в некоторых республиках страны рост национального самосознания чаще был характерен для титульного этноса и закладывались основы для конфронтации с другими народами, в первую очередь с русским, то в Бурятии создавались условия по возрождению всех этносов, проживающих на ее территории [83]. По мнению М. Н. Балдано, процессы национально-культурного возрождения бурятского народа шли, опираясь на интеллектуальные традиции конца XIX – начала XX в., в первую очередь идеи панмонголизма. В целом подчеркивая синусоидный характер данных процессов, она отмечает, что «в настоящее время наблюдается спад, но это вовсе не значит, что они исчезли совсем. При новых обстоятельствах они могут актуализироваться. Тем не менее объединительный проект конструирования общемонгольской этнополитической системы на сегодняшний день иллюзорен, так как не имеет массовой поддержки» [84, с. 56].

Возвращаясь к состоянию российского общества в 1990-х гг., отметим, что, по мнению некоторых исследователей, население регионов перестало «осязать» Россию как нечто конкретное и существенное, а символы национального единства превратились в символы «центра». В. Б. Пастухов писал, что «русское общество видится чем-то цельным и организованным только в потенции. При любых попыт-

ках рассмотреть его повнимательнее, оно рассыпается на огромное количество фрагментов и предстает перед нами, в частности, как конгломерат регионов. Именно в этом кроются причины явления, которое … условно можно назвать “губернизацией страны”» [132, с. 9]. В этих условиях усилились позиции региональных элит, порой активно использовавших «национальную карту» в своих политических действиях. В то же время необходимо отметить, что серьезным фактором, ограничивающим возможности властных элит в регионах, являлся дотационный характер экономики большинства субъектов Российской Федерации, в том числе и Бурятии.

Итак, в республике практика борьбы за доминирование в межнациональных отношениях не получила развития. Нежизнеспособность подобных этнополитических практик являлась следствием разных факторов, в первую очередь особенностей исторического и культурного взаимодействия между русским и бурятским народами, которое характеризовалось преобладанием положительного опыта. В итоге этносоциальные и этнополитические процессы в Бурятии, несмотря на актуализацию этничности в первые годы постсоветского развития, протекали в русле позитивных межнациональных отношений.

В 2016–2017 гг. социологической группой ИМБТ СО РАН (авторами монографии) были проведены опросы экспертов в республике с целью выявления оценок межнациональных отношений, которые показали доминирование позитивных оценок с допущением возможных латентных угроз [111, с. 32]. Однако экспертами было подмечено, что «накопленный в советское время потенциал “толерантных отношений” начинает исчерпывать себя. В качестве основных причин возможной конфликтогенности в межнациональном взаимодействии в республике были выделены: институциональное переустройство экономики, конкурентность социальных групп, национальное разделение в сфере занятости, невысокий уровень социально-экономического развития республики, недостаточная аккультурация сельских жителей в городской среде» [100, с. 149].

Результаты нашего исследования по гранту РФФИ (2018–2019 гг.) во многом коррелируют с данными экспертного опроса и демонстрируют сохранение позитивных тенденций во взаимодействиях между народами. Опираясь на методологические наработки ИС ФНИСЦ РАН, респондентам было предложено дать оценку межнациональных

отношений в России и Бурятии исходя из выбора между значениями шкалы: *«доброжелательные и спокойные», «внешне спокойные, но внутренне напряженные», «напряженные»* и *«на грани открытых столкновений»* (табл. 12) [123].

Таблица 12

Оценка населением состояния межнациональных отношений в России и Бурятии, % опрошенных

Вариант ответа	В России			В Бурятии		
	город	село	все население	город	село	все население
Доброжелательные и спокойные	40,4	45,8	42,8	60,8	69,3	64,5
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	42,0	35,0	38,9	30,2	19,5	25,4
Напряженные	9,0	10,5	9,7	3,2	3,0	3,1
На грани открытых столкновений	1,0	1,5	1,2	0,8	0,5	0,7
Затрудняюсь ответить	7,6	7,2	7,4	5,0	7,7	6,3
Всего	100	100	100	100	100	100

Как видим из таблицы 12, респонденты (все население республики) считают, что и в России, и Бурятии практически нет угроз для возникновения напряженности и конфликтов в сфере межнациональных отношений, так как варианты ответов с отрицательными значениями *«напряженные»* и *«на грани открытых столкновений»* были выбраны минимальным количеством опрошенных. Также межэтническая ситуация в Бурятии оценивается позитивнее, чем в России, и доля выбравших положительные значения *«доброжелательные и спокойные»* составила 64,5 и 42,8 % соответственно. Полученные данные демонстрируют отсутствие единства в оценках, так как достаточно высока доля выбравших срединное значение – *«внешне спокойные, но внутренне напряженные»*, которое несет в себе некоторый отрица-

тельный заряд, возможность вероятного ухудшения состояния межнациональных отношений (25,4 и 38,9 % соответственно).

Наши результаты подтверждают общероссийскую тенденцию снижения актуальности межнациональных отношений в восприятии населения. По мнению авторов монографии «Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты», это может быть связано с переключением внимания СМИ на внешнего врага, накоплением опыта общения с инокультурными мигрантами [123, с. 23–25].

Исследование показало некоторую зависимость оценок межнациональных отношений от территориальной принадлежности респондентов (городские/сельские). Хотя следует сразу отметить, что при оценке состояния межнациональных отношений в России ответы городских и сельских жителей не отличались значительной разницей и были близки к ответам по всей выборке. Расхождения наблюдались при оценке ситуации в Бурятии, когда сельские респонденты чаще выбирали положительные значения. Так, вариант *«доброжелательные и спокойные»* отметили 69,3 % опрошенных сельчан и 60,8 % горожан. При выборе отрицательных значений доли городских и сельских респондентов практически совпали. Наибольшая разница оказалась при выборе значения *«внешне спокойные, но внутренне напряженные»* – доля горожан здесь превысила долю сельчан на 10,7 % (30,2 и 19,5 % соответственно).

По нашему мнению, на подобный расклад ответов оказало влияние 2 фактора. Во-первых, для городского населения в постсоветский период стало характерно увеличение численности за счет миграционного притока из сельских районов республики. Среди сельских мигрантов высокой является доля бурят, так как среди русских распространено другое миграционное поведение – выбытие в регионы РФ. Так, в период между Всероссийскими переписями населения 2002 и 2010 гг. число бурятского населения Улан-Удэ (столица и самый крупный город республики) увеличилось со 115585 до 128968 чел., в то время как русского уменьшилась с 255549 до 251071 чел. И эта тенденция продолжается и в настоящее время [18]. Таким образом, внутрирегиональная миграция из сельской местности в городскую, наряду с миграцией бурят из Усть-Ордынского и Агинского бурятских округов, изменила этнический состав населения г. Улан-Удэ.

Во-вторых, мигранты, прибывающие в республику, также предпочитают оседать в городе. Причина предпочтительности города как для внутренних, так и для внешних мигрантов одна – ухудшение социально-экономического положения сельских территорий республики. В итоге эти факторы способствуют тому, что город становится зоной усиления межэтнических контактов, которые сопровождаются не только положительными, но и отрицательными проявлениями. Тем не менее отметим, что, несмотря на некоторый критицизм, большинство горожан положительно оценили межнациональные отношения.

Мнение городских респондентов, чаще контактирующих с представителями других народов, особенно важно. Заметим, что специфика территориальных образований (численность населения, степень развитости социальной инфраструктуры, уровень экономического развития и т. д.) оказывает большое влияние на социальное самочувствие населения, оценки окружающей действительности и происходящих процессов. Опрос городских респондентов в нашем исследовании был организован в трех городах – Улан-Удэ, Северобайкальск, Кяхта. По состоянию на 2018 г. наиболее крупным по численности являлся Улан-Удэ (404426 чел.), далее по нисходящей Северобайкальск (24929 чел.) и Кяхта (20024 чел.) [18].

Жители двух малых городов Северобайкальска и Кяхты, по сравнению с Улан-Удэ, склонны отмечать наличие внутренней напряженности при внешнем спокойствии. Особенно это характерно для респондентов из Кяхты. 52,9 % опрошенных в этом городе выбрали значение *«внешне спокойные, но внутренне напряженные»* при оценке межнациональных отношений в России и 34,3 % при оценке межнациональных отношений в Бурятии. Скорее всего, наличие некоторой разницы в ответах жителей разных городов связано с тем, что в первую очередь влияние оказал именно уровень экономического развития муниципального образования, неблагоприятно отразившийся на социальном самочувствии населения (табл. 13).

Улан-Удэ, являясь столицей Бурятии, фактически сосредоточил в себе все социальные, экономические, политические и культурные ресурсы республики. На сегодняшний день он является основным пунктом миграционных потоков из сельской местности, а также местом скопления мигрантов из других регионов России и зарубежных стран. Здесь более интенсивно, по сравнению с другими городами, протекают процессы межэтнического взаимодействия.

Таблица 13

Оценка межнациональных отношений в России и Бурятии в зависимости от места проживания, % опрошенных

Вариант ответа	Улан-Удэ		Северобайкальск		Кяхта	
	в России	в Бурятии	в России	в Бурятии	в России	в Бурятии
Доброжелательные и спокойные	42,3	61,3	38,5	57,2	31,4	60,0
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	40,3	29,4	41,4	31,4	52,9	34,3
Напряженные	9,5	3,4	8,6	4,3	5,7	1,4
На грани открытых столкновений	0,6	1,1	2,9	-	1,4	-
Затрудняюсь ответить	7,3	4,8	8,6	7,1	8,6	4,3
Всего	100	100	100	100	100	100

Северобайкальск – сравнительно молодой город, возникший на карте Бурятии в период строительства Байкало-Амурской магистрали. Жителями города стали в основном приезжие из разных регионов Советского Союза. В период сложной социально-экономической ситуации 1990-х гг. там наблюдался значительный отток населения. Вместе с тем жители города, несмотря на резко ухудшившееся, по сравнению с советским периодом, социально-экономическое положение, продолжают пользоваться так называемыми северными льготами, большая часть населения сосредоточена на работе в системе железнодорожного транспорта, которая считается привлекательным местом в материальном плане. Город изначально был интернациональным, в нем трудилось много бригад из разных союзных республик бывшего СССР.

Кяхта – старинный город, развивавшийся как купеческий и центр крупной приграничной торговли. В советский период статус Кяхты значительно понизился, она стала фактически обычным районным центром, где условия жизнедеятельности населения оказались приближенными к сельским. В современную эпоху одним из знаковых

характеристик данного города является его приграничное положение с Монголией. Но никаких больших преференций от своего приграничного положения Кяхта не имеет, а уровень жизни населения гораздо ниже, по сравнению с Улан-Удэ и Северобайкальском.

Этническая принадлежность респондентов не оказала серьезного влияния на оценки межнациональных отношений в России и Бурятии. Отмечаются незначительные расхождения, которые выражаются в более критических оценках бурятами ситуации в России, а русскими – ситуации в Бурятии (табл. 14).

Причиной отсутствия значительных расхождений в оценках бурят и русских, на наш взгляд, является то, что в республике не наблюдается чрезмерная дифференциация в социально-экономическом положении данных народов. И хотя имеются факторы, оказывающие негативное воздействие на состояние межнациональных отношений [144], но они не столь сильны по своему воздействию. Косвенным подтверждением отсутствия напряженности в этой сфере могут послужить ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам испытывать неприязнь из-за своей национальности?» Значительная часть опрошенных (84,0 %) ответила на него отрицательно. Также большинство респондентов дали утвердительные ответы на вопрос о том, является ли многонациональность России положительным фактором. 65,1 % согласились, что многонациональность нашего государства приносит пользу, из них 22,8 % выбрали вариант *«безусловно, больше пользы»* и 42,3 % – *«скорее больше пользы»*. Еще одним консолидирующим фактором становится отсутствие религиозного антагонизма в регионе, несмотря на то что здесь представлены разные конфессии, среди которых наиболее многочисленными являются последователи православия, древлеправославия, буддизма и бурятского шаманизма. На вопрос: *«*Испытываете ли Вы недоверие к представителям других религий?» 71,4 % опрошенных ответили нет – *«скорее не испытываю»* (22,2 %) и *«не испытываю»* (49,2 %).

Анализ оценок респондентами межнациональных отношений в России в зависимости от возраста показал, что не отмечается значительного разброса мнений в разных возрастных группах. Наиболее позитивные оценки давали респонденты в возрасте 60 лет и старше, где половина опрошенных (50,1 %) выбрали положительные значения – *«доброжелательные и спокойные»*. Примерно одинаковое количество респондентов выбрало этот вариант в группах 18–29 лет (46,7 %) и 30–39 (41,3 %). Реже выбор сделали в группах 40–49 лет (36,8 %) и 50–59 (36,7 %).

Таблица 14

Оценка состояния межнациональных отношений в России и Бурятии
в зависимости от национальности, % опрошенных

Вариант ответа	В России				В Бурятии			
	русские	буряты	другие нац-ти	все население	русские	буряты	другие нац-ти	все население
Доброжелательные и спокойные	44,4	38,0	44,2	42,8	63,2	69,0	62,8	64,5
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	36,8	43,8	41,9	38,9	24,6	27,0	27,9	25,4
Напряженные	9,5	11,1	4,6	9,7	3,9	0,9	2,3	3,1
На грани открытых столкновений	1,3	0,9	2,3	1,2	0,8	-	2,3	0,7
Затрудняюсь ответить	8,0	6,2	7,0	7,4	7,5	3,1	4,7	6,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Необходимо отметить, что в группе 50–59 лет процент выбравших наиболее отрицательные значения «*напряженные»* и *«на грани открытых столкновений»* немного выше, чем в остальных группах – 14,5 %. Возможно, это объясняется их ухудшившимся социальным самочувствием, так как на сегодняшний день, находясь в предпенсионном возрасте, именно эта группа может быть отнесена к наиболее социально уязвимой.

Серединное значение *«внешне спокойные, но внутренне напряженные»* отношения чаще выбирали респонденты в возрастной группе 30–39 лет (47,4 %). Как показали наши наблюдения в ходе анкетирования, представители этого возраста, будучи достаточно молодыми, но уже вступившими в пору социальной зрелости, являются активными пользователями сети Интернет, где интересуются не только развлекательными контентами, но и социально-политической информацией, в том числе и в сфере межнациональных отношений. Как известно, именно Интернет является той средой, где сосредоточены разного рода данные, как положительного, так и негативного содержания.

В целом во всех возрастных группах состояние межнациональных отношений в Бурятии оценивается лучше, чем в России (табл. 15).

Таблица 15

Оценка состояния межнациональных отношений в Бурятии в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Доброжелательные и спокойные	61,8	62,9	62,5	64,5	73,1	64,5
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	25,1	29,9	24,3	25,3	22,4	25,4
Напряженные	5,0	1,2	6,0	2,4	-	3,1
На грани открытых столкновений	1,5	0,6	-	0,6	-	0,7
Затрудняюсь с ответом	6,6	5,4	7,2	7,2	4,5	6,3
Всего	100	100	100	100	100	100

Как видим из таблицы 15, положительные значения составили большинство во всех возрастных группах, но наиболее частый выбор делала самая возрастная группа (60 лет и старше), у которой при этом вообще не оказалось негативных оценок.

В исследовании мы пытались не только зафиксировать оценку состояния межнациональных отношений, но и выявить, насколько проблема межнациональных отношений беспокоит респондентов. Так как этот вопрос раскрывает личное отношение респондента к данной сфере (табл. 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений?», % опрошенных

Вариант ответа	В России	В Бурятии
Да, очень беспокоит	17,6	13,2
Беспокоит отчасти	36,2	33,3
Нет, не беспокоит	38,1	49,6
Затрудняюсь ответить	8,1	3,9
Всего	100	100

Как видно из таблицы 16, проблема межнациональных отношений в России вызывает несколько большее беспокойство, чем в Бурятии. На наш взгляд, это вызвано, скорее всего, тем, что в республике не было открытых конфликтных отношений и на сегодняшний день отсутствуют явные предпосылки для их развертывания, практически не было случаев явной напряженности на межнациональной почве. В чем же заключаются причины некоторой критичности оценок межнациональных отношений? Как показали наблюдения за респондентами в ходе опроса и глубинных интервью, на критичность высказываний респондентов влияет преимущественно социальное самочувствие.

Социально-экономический кризис, повлекший за собой снижение уровня жизни, непопулярные меры правительства (например повышение пенсионного возраста) способствовали тому, что респонденты экстраполировали свое недовольство ситуацией в целом на область межэтнических отношений. Межэтническая напряженность является, таким образом, проявлением напряженности социальной. «Подобная взаимосвязь двух понятий сложилась исторически: социальная напряженность оказалась в центре внимания социальных исследований в 90-е годы, когда российское общество находилось в состоянии глубо-

кого социально-политического и экономического кризиса. Напряжения и конфликты, вызванные им, охватывали всю социальную сферу, включая межэтнические отношения» [37, с. 122]. Репрезентативные социологические опросы, проведенные Институтом социологии РАН в 2014–2016 гг., показали, что «почти каждый третий россиянин ощущает, что за последние 15 лет межнациональные отношения ухудшились. Выявленные закономерности заставляют предусмотреть, что в случае углубления экономического кризиса можно ожидать усиления межэтнической напряженности» [123, с. 352]. В случае усиления конфликтных отношений между народами основным ресурсом для радикальных националистов могут стать представители молодого поколения. Поэтому важно включение образовательных институтов в развитие и поддержание доброжелательных межнациональных отношений в обществе. Об этом пишет Е. В. Петрова в своей статье, где делает вывод об определяющем влиянии всех ступеней образования на формирование патриотических ценностей и культивирование опыта межнационального согласия [52].

Межнациональные отношения тесно связаны с политической сферой общественной жизни. Одним из факторов негативного влияния становится политизация этничности, под которой J. Rothschild подразумевал процесс ее превращения «в собственно политическую силу в целях изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [172, p. 2]. В Бурятии встречаются проявления клановости, назначения на высокие посты в органах государственной власти с учетом этнической принадлежности соискателя. Данный фактор был отмечен в ходе опросов экспертов (2016, 2017, 2019 гг.) и населения (2018 г.), проведенных социологической группой ИМБТ СО РАН (авторами монографии) в Бурятии. Более половины опрошенных экспертов и населения подтвердили влияние национальности на возможность занять высокий пост в органах власти в республике [124; 142].

Большое влияние на социальные и политические установки и представления населения оказывают СМИ республики, Интернет. Новости криминального характера с использованием «языка вражды» (например, когда подчеркивается этническая принадлежность фигурантов) способствуют выработке негативных оценок. При оценке межнациональных отношений многие респонденты также исходят из ситуации с мигрантами в мире и России, нередко основываясь на рас-

пространенные в обществе стереотипы о мигрантах как о людях, несущих угрозу. В целом позитивно оценивая отношения между двумя самыми крупными этносами – русскими и бурятами, респонденты свои негативные оценки зачастую склонны были объяснять именно появлением мигрантов и своими опасениями, связанными с ними.

Получая из СМИ и Интернета информацию о происходящих в стране событиях, обычный гражданин не всегда ориентируется, что соответствует действительности, а что нет. Сложно понять, где используется манипуляция и происходит преувеличение страхов или их нагнетание, а где фиксируются реальные события. Поэтому, возможно, в своих оценках межнациональных отношений в Бурятии респонденты акцентировали внимание на негативных моментах, исходя из совокупности информации, сформированной из внешних источников.

Таким образом, результаты социологических исследований показывают, что региональная специфика оказывает влияние на тенденции развития межнациональных отношений. На наш взгляд, основными составляющими данной специфики являются: уровень социально-экономического развития региона, национальный состав, плотность и длительность межэтнических контактов, особенности исторического и этнокультурного взаимодействия этнических групп.

В настоящее время Бурятия демонстрирует наличие благоприятных условий для обеспечения межнационального согласия как со стороны населения, так и органов государственной власти и институтов гражданского общества.

В жизнедеятельности социальных систем важна не только констатация существующих порядков, но и оценка вероятного развития, как в ближайшем будущем, так и более отдаленной перспективе. Социальное самочувствие как показатель состояния населения и отдельных групп во многом определяется ожиданием и конструированием образа будущего. Поэтому в ходе анализа респондентам было предложено оценить, каким образом будут развиваться межнациональные отношения в ближайшие годы (табл. 17).

Оказалось, что в оценках респондентов перспективы развития межнациональных отношений в России и Бурятии различаются. Так, опрошенные уверены, что ситуация в республике имеет более благоприятные тенденции, по сравнению со страной в целом. Если в России ухудшение, как значительное, так и незначительное, рассматривали как вариант развития 17,7 % опрошенных, то в республике всего

8,9 %. Учитывая то, что при выявлении современного состояния межнациональных отношений как в России, так и республике преобладали позитивные оценки, поэтому и перспективы развития взаимодействий в межэтнической сфере в ближайшие 2–3 года также выглядят достаточно хорошими.

Таблица 17

Оценка перспектив развития межнациональных отношений в России и Бурятии в ближайшие 2–3 года, % опрошенных

Вариант ответа	В России	В Бурятии
Улучшатся значительно	8,6	9,3
Улучшатся незначительно	16,2	15,3
Останутся на прежнем уровне	40,0	54,2
Ухудшатся незначительно	11,7	6,1
Ухудшатся значительно	6,0	2,8
Затрудняюсь ответить	17,5	12,3
Всего	100	100

Попытка понять то, как оценивают будущее, важно не столько для прогнозирования. Значимость скорее заключается в выявлении особенностей социального настроения в частности и жизненного мира в целом. Жизненный мир, согласно Ж. Т. Тощенко, представляет собой не только мир рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок и отражает всю гамму субъективной характеристики переживаемых общественных процессов и природных явлений [163].

Субъективное видение людьми вероятного развития межнациональных отношений становится важным элементом в процессе обеспечения межнационального согласия. Исходя из результатов нашего исследования, мы считаем, что позитивно окрашенные социальные ожидания способствуют упорядочению системы социальных связей и повышают адаптационный потенциал к изменяющимся социальным условиям. Для органов государственной власти и общества задача обеспечения межнационального согласия в Республике Бурятия решается в благоприятных условиях. Наличие же негативных оценок означает не только существование реальных угроз стабильности межнациональных отношений, но и ожидание их населением, а значит, способствует выработке готовности к вероятным дестабилизирующим факторам и готовности действовать в иных условиях.

Согласны с выводом Л. М. Дробижевой и Т. А. Титовой, что в многонациональном, полиэтническом обществе противоречия не избежны. Однако главным является использование исторически накопленного ресурса «жить вместе» и умения власти регулировать противоречия [107, с. 10].

В Бурятии существует опыт позитивного межнационального взаимодействия, который наряду с грамотной национальной политикой, проводимой органами государственного управления и различными общественными организациями, национально-культурными центрами, продуцирует отношения солидарности между всеми народами республики.

Итак, согласно оценкам населения, в республике сохраняются стабильные межнациональные отношения, которые способствуют гармоничному развитию этнических процессов и тем самым становятся условием для обеспечения межнационального согласия, способствующего консолидации всех этнических групп.

2.2. Доверие как индикатор межнационального согласия

В исследовании ставилась задача выяснить у населения, что понимается под межнациональным согласием, в каких сферах оно присутствует, а в каких нет. В чем соглашаются люди, принадлежащие к разным этническим группам, и каковы могут быть последствия разной степени межнационального согласия. Межнациональное (межэтническое) согласие рассматривали как «благоприятные, доброжелательные межэтнические отношения на личностном и институциональном уровне, как готовность взаимодействовать с людьми иной культуры в деловой и неформальной сферах общения» [123, с. 503].

Нами были выявлены мнения жителей Бурятии о межнациональном согласии, которое содержательно выделяется как безусловная установка личности, проявляющаяся в уважении к любому человеку, и как позиция законопослушных граждан, в обоих случаях независимо от национальной принадлежности.

Для более половины опрошенных (56,9 %) межнациональное согласие означало «*уважение людей независимо от их национальности*» (городские жители – 59,2, сельские – 54,0 %). Почти треть респондентов (28,0 %) выбрала вариант «*признание права людей других нацио-*

нальностей на свой образ жизни, если этот образ жизни не нарушает законов нашей страны» (26,0 % городских жителей, 30,5 % – сельских). *«Готовность решать спорные вопросы между национальностями мирным, переговорным путем*» отметили лишь 13,4 % жителей Бурятии, из них 12,6 % горожан и 14,5 % сельчан (табл. 18).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас лично значит межнациональное согласие?», % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Другие нац-ти	Все население
Уважение людей независимо от их национальности	54,76	61,95	60,47	56,89
Признание права людей других национальностей на свой образ жизни, если этот образ жизни не нарушает законов нашей страны	30,16	25,66	9,30	28,0
Готовность решать спорные вопросы между национальностями мирным, переговорным путем	13,17	11,5	27,91	13,44
Нет ответа	1,91	0,89	2,32	1,67
Всего	100	100	100	100

Понимание межнационального согласия через призму этнических различий опрошенных свидетельствует о том, что у бурят (61,95 %) более популярен, чем у русских (54,76 %), вариант «*уважение людей независимо от их национальности*». В то время как среди русских (30,16 %) чаще отмечали ответ «*право людей других национальностей на свой образ жизни, если этот образ жизни не нарушает законов нашей страны*», чем среди бурят (25,66 %). Для представителей других национальностей (27,91 %) важнее, чем для русских (13,17 %) и бурят (11,5 %), *«готовность решать спорные вопросы между национальностями переговорным путем»*.

Межнациональное согласие в оценках лиц различного уровня образования демонстрирует близкие значения по выбору «*уважение*

людей независимо от их национальности»: среднее общее – 57,2 %, среднее специальное – 58,3, высшее – 54,3 %. В то время как вариант *«признание права людей других национальностей на свой образ жизни, если он не нарушает законов нашей страны»* чаще выбирали респонденты с высшим образованием (34,08 %), по сравнению со средним/основным (25,42 %) и среднепрофессиональным (26,65 %). Готовы «*решать спорные вопросы между национальностями переговорным путем»* большей частью респонденты со средним образованием (15,08 %), чем с профессиональным (13,48 %) и высшим (10,76 %).

Распределение оснований согласия по возрастным группам фиксирует несколько бóльшую выраженность безусловной установки межнационального согласия («*уважение людей независимо от их национальности»*) 40-летних жителей (62,5 %), чем других поколений – 50-летних (58,43 %), пожилых (56,41 %), молодежи (54,83 %), 30-летних (53,89 %). В свою очередь 30-летние респонденты (32,3 %) чаще выбирали вариант *«признание права людей других национальностей на свой образ жизни, если он не нарушает законов нашей страны»*, по сравнению с молодыми людьми 18–29 лет (29,73 %), 50-летними (26,51 %), пожилыми (26,28 %), 40-летними (23,68 %). И наконец, «*решать спорные вопросы между национальностями переговорным путем»* готовы чаще пожилые (16,03 %), чем 30-летние (11,9 8%).

Большинство респондентов, считающих себя верующими (56,6 %), а также неверующими (61,4 %), выбрали вариант «у*важение к людям независимо от национальности*», в то время как выбор *«признание права людей других национальностей на свой образ жизни, если он не нарушает законов нашей страны»* набрал меньше голосов (соответственно 28,21 и 22,05 %) так же, как и *«готовность к переговорному процессу»* (13,63 и 14,17 %).

Таким образом, установки межнационального согласия, выражаемые каждым вторым жителем республики на межличностном уровне, равносильны универсальной константе взаимоуважительных человеческих отношений, свидетельствуют о широком круге социальной интеграции в регионе. И наоборот, невысокий уровень нормативного и институционального межнационального согласия жителей Бурятии демонстрирует еще недостаточное присутствие культуры переговоров между этническими группами, которое, скорее всего, связано с традиционно стабильными межнациональными отношениями в респуб-

лике и уже сложившимися социальными связями, не требующими активного обращения к переговорному процессу.

В качестве одного из индикаторов межнационального согласия в исследовании было использовано понятие «доверие», которое может трактоваться как форма межличностных отношений или поведения, психологическая установка. Необходимо было определить, на чем базируется доверие, т. е. какие качества человека или какое поведение вызывает доверие, а какое нет, и в чем причины этого доверия/недоверия. В региональном аспекте интерес вызывает уровень доверия двух наиболее крупных этносов, проживающих на территории Бурятии – бурят и русских, а также представителей других этнических сообществ, которые по переписи населения 2010 г. составили 6,0 % общего числа населения региона, в то время как русские – 64,0, буряты – 30,0 %.

Поскольку доверие проявляется в различных формах, имеет разные уровни и типологию, проанализируем генерализованное или обобщенное доверие в целом, причины этого доверия, а также межличностное доверие, основанное на отношении к ближнему социальному кругу.

Инструментарий исследования базируется на методике ИС ФНИСЦ РАН с применением 4-балльной шкалы доверия/недоверия по индикаторам: *«большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей нельзя доверять»* [151, с. 72]. Данная шкала позволяет выделить крайние категории доверяющих и недоверяющих, а также определить тех, кто доверяет ситуационно.

Доверие в межэтническом взаимодействии может трактоваться как «динамичный, противоречивый, культурно обусловленный феномен», на формирование которого влияют накопление социального капитала этнических групп в исторической динамике, напряженность отношений и контекст государственной национальной политики [160].

Мы рассмотрели несколько уровней доверия населения – обобщенное и межличностное, в том числе среди отдельных этнических групп – русских, бурят и представителей других национальностей.

Как утверждают В. И. Мукомель, С. В. Рыжова, уровень обобщенного доверия не имеет особенностей в зависимости от места проживания и количества национальностей на данной территории. Обоб-

щенное доверие может выступать, в основном, как показатель социального благополучия, индикатор процессов развития институтов гражданского общества и соответствующих ему установок массового сознания [40, с. 39], что и подтвердили результаты нашего исследования.

Если между людьми нет доброжелательных отношений и готовности к взаимодействию, то и доверия не может быть. В свою очередь высокий уровень доверия, общие ценности и цели создают почву для интеграции. Также известна прямая зависимость между уровнем экономического благосостояния страны и уровнем доверия, сложившегося в обществе: чем выше показатели развития, тем чаще люди склонны доверять друг другу. В то же время культура доверия формируется как результат признания большинством норм ответственности, добропорядочности, честности, а тормозом для ее формирования будет являться дефицит правового порядка, неуважение закона [36, с. 40].

Показатели межэтнического согласия по группам доверяющих и недоверяющих выглядят следующим образом. Оказалось, что обобщенное недоверие респондентов (44,7 %) несколько выше, чем обобщенное доверие (42,6 %), что соответствует результатам общероссийских исследований [36; 66]. То есть позиции жителей Бурятии разделились практически поровну на тех, кто доверяет большинству людей, и на тех, кто не доверяет. Это может свидетельствовать, скорее всего, о неполной интеграции общества, среднем уровне институциональной культуры и опоре на межличностные горизонтальные связи, сформированные в процессе повседневного взаимодействия.

Если рассмотреть обобщенный уровень доверия в гендерном разрезе, то необходимо отметить, что мужчины и женщины отвечали примерно одинаково, лишь с незначительной разницей между собой и со средними значениями по выборке. Мужчины склонны не доверять большинству людей чуть больше, чем женщины, – у них положительные позиции выбрали 42,48 % и 45,83 % отрицательные. Женщины почти в равной степени и доверяют, и не доверяют людям, но все же положительных выборов было чуть меньше (42,62 %), чем отрицательных (43,66 %).

Уровень обобщенного доверия в зависимости от возраста представлен в таблице 19, из которой видна разница в ответах возрастных групп (в таблице по строкам идут суммы положительных и отрицательных вариантов доверия). Среди всех возрастных групп наиболее

недоверчивыми оказались молодые люди 18–29 лет, в каждой последующей группе уровень доверия повышается: чем старше группа, тем выше доверие. И наоборот, чем старше возрастная группа, тем ниже уровень недоверия. В то же время оказалось, что внутри каждой из трех более молодых возрастных групп (18–29; 30–39; 40–49) большее число лиц не доверяет людям, чем доверяет. А в старших возрастных группах (50–59, 60 и старше), наоборот, большее число респондентов доверяет, чем не доверяет.

Таблица 19

Суммарное распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и старше	
Большинству людей точно и скорее можно доверять	36,29	37,72	41,45	49,4	51,92	42,56
Большинству людей нельзя и скорее нельзя доверять	52,51	46,7	47,37	38,56	33,34	44,66
Затрудняюсь ответить	11,2	15,58	11,18	12,04	14,74	12,78
Всего	100	100	100	100	100	100

В таблице 20 представлен уровень доверия среди респондентов в зависимости от уровня образования. Наиболее высокий уровень доверия у тех, кто имеет высшее образование (46,64 %), в то время как уровень их недоверия – 40,8 %. У тех, кто получил только школьное образование, уровень доверия составляет 43,3 %, недоверия – 45,54 %, и самый невысокий уровень доверия у тех, кто получил среднее специальное образование –38,87 %, недоверия – 46,39 %. То есть респонденты со школьным и средним профессиональным образованием преимущественно не доверяют, чем доверяют большинству людей, в отличие от респондентов с высшим образованием.

Также большой интерес представлял для нас уровень обобщенного доверия в зависимости от национальности респондентов (табл. 21).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» в зависимости от образования, % опрошенных

Вариант ответа	Основное/ среднее общее	Начальное проф./ ср. специальное	Высш. (бакалавр., магистр., специал-т)	Все население
Большинству людей точно можно доверять	8,38	9,72	8,97	9
Большинству людей скорее можно доверять	34,92	29,15	37,67	33,56
Большинству людей скорее нельзя доверять	22,63	24,45	27,35	24,44
Большинству людей нельзя доверять	22,91	21,94	13,45	20,22
Нет ответа	11,16	14,74	12,56	12,78
Всего	100	100	100	100

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» в зависимости от национальности, % опрошенных

Вариант ответа	Буряты	Русские	Другая нац-ть	Все население
Большинству людей точно можно доверять	8,41	9,29	16,28	9
Большинству людей скорее можно доверять	31,75	38,35	34,88	33,56
Большинству людей скорее нельзя доверять	25,24	23,01	18,6	24,44
Большинству людей нельзя доверять	21,59	15,93	23,26	20,22
Нет ответа	13,01	13,42	6,98	12,78
Всего	100	100	100	100

Полученные данные демонстрируют высокий уровень доверия у представителей других национальностей, проживающих на территории Бурятии. Положительные варианты ответов у них в сумме показали 51,16 %, отрицательные – 41,86 %. Уровень доверия у предста-

вителей бурятской национальности несколько ниже, но также достаточно высокий, и сумма положительных вариантов составила 47,64 %, сумма отрицательных – 38,94 %. У русских оказался уровень доверия ниже, при этом процент недоверия (46,83 %) у них был выше, чем доверия (40,16 %).

Низкий уровень доверия среди русских, возможно, связан с тем, что на территории республики уже несколько веков живут потомки старообрядческого населения, сейчас по большей части обмирщенного, которые исторически вынуждены были меньше доверять другим людям, быть достаточно закрытыми и консервативными, что было продиктовано конфессиональными особенностями, которые затем перешли в традиционную и повседневную культуру. Кроме того, согласно последним переписям населения (1989, 2002, 2010 гг.), среди русских большинство составляют лица со средним и среднепрофессиональным образованием, а лиц с высшим образованием в 2 раза меньше, чем среди бурят (табл. 22). А мы помним, что меньший уровень доверия был как раз у населения со средним профессиональным и школьным образованием.

Если проанализировать установки доверия респондентов к конкретным социальным группам, самой доверяемой группой ожидаемо являются члены семьи (96,5 %). Друзьям и родственникам максимально доверяют в одинаковой мере (90,0 %), что подтверждает близость дружеских контактов жителей Бурятии. В то время как соседям (57,4 %), представителям своей национальности (57,6 %) и коллегам (66,2 %) доверяют меньше (табл. 23).

Как видим из таблицы 23, внутриэтническое доверие в республике согласно полученным данным, характеризует каждого второго жителя (57,6 %), тем самым отражает уровень консолидации этносов, однако этнический фактор стоит на предпоследнем месте в представленной шкале и равен по своей значимости отношению к соседям (57,4 %). Среди бурят и представителей других национальностей большинство доверяет людям своей национальности (по 67,0 %), в то время как среди русских таких только 53,5 %.

Для детализации понятия «доверие» и выявления его оснований респондентам предлагалось назвать 3 главных причины, которые определяют их доверие или недоверие к другим людям [66, с. 32].

Таблица 22

Образовательный уровень населения Бурятии в расчете на 1 тыс. чел.
в возрасте 10 лет и старше

Показатель	Высшее образование			Среднее профессиональное			Среднее		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
В среднем по республике	105	135	194	167	233	278	254	170	186
Русские	84	106	159	172	250	307	245	158	180
Буряты	160	208	283	141	187	223	266	199	196

Сост. по: [122–124].

Таблица 23

Уровень межличностного доверия в Бурятии, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	Затрудняюсь ответить
Коллегам	16,6	49,6	15,7	5,0	13,1
Членам семьи	81,4	15,1	0,2	0,7	2,6
Друзьям	44,0	46,4	4,1	1,3	4,2
Соседям	10,0	47,4	24,7	7,0	10,9
Родственникам	45,7	44,3	5,0	1,3	3,7
Людям своей национальности	9,0	48,6	11,4	4,0	27,0

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Была выявлена иерархия предпочтений респондентов, которые доверяют другим [68, с. 33]. Как видим из ранжированного ряда 2, наиболее востребованными личностными качествами у другого человека, которые могут вызывать доверие, оказались индивидуальные характеристики *«честность»*, *«ответственность и умение держать свое слово»*, *«совесть»*. Далее идут варианты, связанные с субъективным опытом, – *«поддержка в трудную минуту»*, который более важен для женщин (44,3 %), чем мужчин (33,7 %), и вариант *«никогда не предавал»*. Для почти трети респондентов имеет значение базовое доверие *«просто надеюсь, что не подведут».*

На самых низких позициях в рейтинге ответов респондентов стоят показатели нормативно-правовой культуры общества: *«соблюдают принятые в обществе правила»*, *«дорожат своей репутацией»*, *«уважают закон»*, которые в определенной степени отражают ситуацию, характеризующую регион наряду с Иркутской областью и Забайкальским краем, как один из лидеров по числу преступлений в СФО. С ноября 2018 г. Бурятия входит в состав Дальневосточного федерального округа и находится на 1-м месте по числу совершенных преступлений (на 100 тыс. чел.) среди всех субъектов округа [58, с. 487].

Разница в ответах на вопрос о причинах доверия другим людям городских и сельских жителей не существенна, кроме двух вариантов – для сельчан более значимыми характеристиками человека является наличие у него совести и то, что этот человек никогда не предавал.

Ранжированный ряд 2

Основания для доверия населения Республики Бурятия, % опрошенных

Назовите 3 причины, по которым Вы доверяете тем людям, которым Вы доверяете	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Город	Село	Все население
Честные	53,17	56,19	53,49	53,8	54,3	54
Ответственные, держат слово	53,97	48,67	46,51	53,4	51,0	52,3
Имеют совесть	43,49	43,81	53,49	42,2	46,5	44,1
Поддерживали меня в трудную минуту	39,21	40,71	34,88	39	39,8	39,3
Никогда не предавали	34,13	29,65	30,23	29,6	36,8	32,8
Просто надеюсь, что они меня не подведут	25	32,33	16,3	26,6	29,5	27,9
Соблюдают принятые в обществе правила	9,37	10,18	11,63	10,8	8,3	9,7
Дорожат своей репутацией	9,4	12	0	9,8	9,3	9,6
Уважают закон	10,32	8,41	11,63	9,4	10,5	9,9

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

На степень доверия или недоверия человеку по разным основаниям также влияет возраст респондентов. Если рассмотреть основания доверия у населения в зависимости от возраста, то видно, что молодежь в возрасте 18–29 лет больше доверяет *«честным»* (60,23 %) так же, как и представители старшего поколения (50–59 лет – 52,41; 60 лет и старше – 52,56 %), чем среднее поколение 40–49 лет (46,71 %).

«*Поддержка в трудную минуту*» более значима для поколений 30–39 лет (47,31 %) и 40–49 лет (42,76 %), в отличие от самых молодых (18–29 лет – 37,84 %), 50–59 лет – 33,13 и 60 лет и старше – 36,54 %).

Также для молодых 18–29 лет более значим вариант *«никогда не предавали»* (42,08 %), чем для поколения 60 лет и старше – 25,0 %. Но почти совсем не имеет значения основание *«уважают закон»* (5,02 %), по сравнению с другими возрастными группами, включая 60 лет и старше (16,03 %).

Базовое доверие (*«просто надеюсь, что они меня не подведут»)* чаще выбирали респонденты 50–59 лет (35,54 %), 40–49 лет (32,24 %), 60 и старше (31,41 %), чем молодежь 18–29 лет (20,46 %).

«Ответственность и умение держать слово» несколько более важны для возрастов 30–39 и 40–49 лет (55,0 %), чем для молодых и старших (50,0 %).

Обнаруживаются некоторые различия оснований доверия в зависимости от этнической принадлежности. Так, вариант *«ответственные, которые держат слово»* более значим для русских (54,0 %), чем бурят (48,7 %); *«имеющие совесть»* для представителей другой национальности (53,5 %), в отличие от бурят (43,8 %) и русских (43,5 %); базовое доверие (*«просто надеюсь, что они меня не подведут»)* чаще выбирали буряты (32,33 %), чем русские (25,0 %) и представители других национальностей (16,13 %); основание «*дорожат свой репутацией*» более популярно у бурят (12,0 %) и русских (9,4 %), чем у представителей других национальностей (0 %).

Среди качеств, которые не вызывают доверие у жителей республики к другим людям, лидировали «*нечестность*» (59,15 %), которая несколько более значима для старшего поколения 50–59 лет (63,9 %), чем для молодых 18–29 лет (59,4 %); «*безответственность*» (56,9 %), которая менее значима для категории 50–59 лет (52,94 %); вариант «*отсутствие совести*» (42,8 %) меньше выбирало поколение 60 и старше (40,38 %); базовое недоверие *«просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут»* (33,1 %) больше выбирали молодые (35,5 %), чем поколение 60 лет и старше (29,5 %) (ранжированный ряд 3).

Анализ оснований недоверия в зависимости от возраста позволяет сделать вывод, что для старшего поколения (60 лет и старше) существенным качеством в оценке своего недоверия к другим людям является «*неуважение закона*» (27,0 %), в отличие от молодых 18–29 лет (15,06 %), «*несоблюдение принятых в обществе правил*» (18,6 %), в отличие от респондентов 30–39 лет (12,6 %).

Что касается причин недоверия опрошенных в зависимости от этнической принадлежности, то они соответствуют данным, полученным

на вопрос о доверии. Вариант *«не имеют совесть»* чаще выбирали буряты (56,2 %), чем русские (44,4 %) и представители других национальностей (35,0 %); основание «*не поддерживали меня в трудную минуту*» более значим для представителей другой национальности (25,6 %), чем для русских (24,13 %) и бурят (19,03 %); вариант «*просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут*» примерно в равной степени актуален как для русских (34,4 %), так и бурят (32,7 %), в отличие от представителей других национальностей (21,0 %). Но представители других национальностей чаще не доверяют тем, кто нарушает закон (32,6 %), в отличие от русских (18,6 %) и бурят (16,4 %), и в то же время для них не столь важно, если человек «*не дорожит своей репутацией*» (7,0 %), по сравнению с русскими и бурятами (12,2 и 12,8 % соответственно).

Ранжированный ряд 3

Основания для недоверия населения Республики Бурятия, % опрошенных

Назовите 3 причины, по которым Вы не доверяете тем людям, которым Вы не доверяете	Город	Село	Все население
Не отличаются честностью	62,2	59,8	61,1
Безответственные, не держат слово	60,2	59	59,7
Не имеют совесть	44,4	50,3	47
Просто думаю, что они меня, скорее всего, подведут	32,2	34,8	33,3
Не соблюдают принятые в обществе правила	19,8	13,5	17
Не поддержали меня в трудную минуту	19,4	27,3	22,9
Не уважают закон	17	20,8	18,7
Не дорожат своей репутацией	10,8	13,8	12,1
Не соблюдают принятые в обществе правила	19,8	13,5	17

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что доверие в полиэтническом регионе является важнейшим фактором сохранения межнационального согласия. Были обнаружены несущественные различия в обобщенном доверии и недоверии населения республики, однако недоверяющих оказалось все же больше, чем тех, кто доверяет. Доверие в межличностных контактах среди родственников и друзей

находится на высоком уровне, что свидетельствует о потребности в социальном сплочении и опоре на ближние связи в период социальной нестабильности. В меньшей степени доверяют коллегам, соседям и представителям своей национальности.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что население республики разделено практически поровну, т. е. уровень обобщенного доверия примерно равен уровню недоверия и всего лишь на 2,1 % ниже. Однако есть некоторые особенности: чем старше возрастная группа, тем выше уровень доверия, и, наоборот; уровень доверия у представителей русской национальности ниже, чем у представителей бурятской и других национальностей; у тех, кто имеет высшее образование, уровень доверия выше, чем у тех, кто окончил школу или техникум. Все вышеперечисленные особенности носят характер нюансов, поскольку уровень доверия в некоторых случаях колеблется незначительно.

Что касается оснований доверия и недоверия населения республики, то оказалось, что в своем отношении к человеку респонденты руководствуются, прежде всего, индивидуальными характеристиками этого человека *(«честность/нечестность», «имеют совесть/не имеют совесть», «ответственные, держат слово/безответственные, не держат слово»)*. На 2-м месте, определяющем доверять или не доверять людям, для опрошенных стоят предшествующий опыт и практики *(«поддерживали или не поддерживали в трудную минуту», «никогда не предавали»*) и лишь на последнем месте стоят нормативно-правовые показатели *(«уважение/неуважение закона», «соблюдение/несоблюдение принятых в обществе правил», «дорожат/не дорожат своей репутацией»*), что свидетельствует о невысоком уровне нормативно-правовой культуры населения и приоритетах в этой сфере. Причины недоверия опрошенных строятся в той же последовательности.

Несущественные различия в обобщенном доверии и недоверии, а также основаниях доверия/недоверия у различных этносоциальных групп в республике дают возможность говорить о значительном ресурсе межнационального согласия и его воспроизводстве в ближайшее время.

Выявленное разделение доверительного и недоверительного взаимодействия жителей Бурятии, а также ориентация на расширение радиуса доверия и закрепление институциональных форм консолидации

зависят не только от исторически сложившихся коммуникаций в республике, но и текущего экономического положения в стране и регионе, актуализации политических и социальных факторов. Поэтому важнейшим направлением развития полиэтнического региона является не просто регулирование межнациональных отношений и выработка концептуальных подходов, способствующих сохранению межнационального согласия и росту доверительных отношений, но и повышение уровня жизни населения, уменьшение социального неравенства, безработицы, решение проблем экологического характера, обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного, технологического и социального развития республики, снижение уровня преступности и повышение правовой культуры населения.

2.3. Идентификационные общности и интеграционные установки

Поскольку в настоящее время разработаны специальные социологические и социально-психологические методы исследования идентичности, мы включили в анкету вопрос: «Как часто Вы можете сказать о том, что “Это – мы” о представителях указанных ниже групп? (люди Вашего поколения; люди той же профессии; все граждане России; жители Бурятии; те, кто живет в Вашем городе, селе; люди Вашей национальности; люди того же достатка, что и Вы; люди, близкие по политическим взглядам; люди моей веры; люди таких же взглядов на жизнь)», однако изученные нами идентификационные характеристики социальных групп Бурятии имеют самую общую картину, требующую корреляции со специальным комплексным изучением идентичности.

В рамках социологического исследования изучались группы, фиксирующие типы самоидентификации жителей Бурятии. С опорой на методику Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН нами произведен количественный замер параметров идентификации по признакам: поколение, профессия, гражданство (Россия), регион (республика), тип поселения (город/село), национальность, уровень доходов, политические взгляды, вероисповедание, жизненные установки [105].

Выбор респондентами идентичностей позволяет определить степень актуальной солидарности, меру конфликтного потенциала и уровень разобщенности.

Базовыми критериями идентичностей для населения республики являются установки: «*мы – граждане России*» и «*мы – жители Бурятии*». В массовом сознании гражданская солидарность («*мы – граждане России*») респондентов близка с общероссийскими показателями и находится на уровне 78,89 %, что свидетельствует об устойчивости интеграционных настроений, доминировании ценностей патриотизма, прочности диспозиций «*мы – россияне*» [102, с. 122].

Фиксированную позитивную российскую идентичность («*часто*») ощущают 43,11 % респондентов, более трети опрошенных (35,78 %) испытывают чувство единства «*иногда*», отрицают важность гражданской солидарности 6,11 % ответивших по всей выборке, затруднились с ответом – 12,56 и не дали ответа – 3,56 %. Ядро общероссийской гражданской идентичности жителей Бурятии включает ассоциацию и эмоциональную связь с государством Российская Федерация, опирается на патриотические чувства и интегрирует все слои населения. Гражданская идентичность наиболее устойчива и подразумевает социокультурные ценности, религиозные и политические паттерны, закрепленные в российском обществе исторически.

Если рассматривать в национальном срезе, то мы обнаруживаем, что почти половина русских (43,81 %) «*часто*» идентифицирует себя с гражданами России, треть (34,13 %) «*иногда*» (рис. 1). Буряты равномерно определяли гражданскую идентичность «*часто*» и «*иногда*» – по 41,59 %. Представители других национальностей – 39,53 и 30,23 % соответственно.

У русских суммарные позитивные интеграционные установки (77,94 %) сопоставимы с результатами по всей выборке (78,9 %), у бурят они несколько выше (83,18 %), в отличие от русских и представителей других национальностей (69,76 %).

Негативную общегражданскую идентичность («*никогда*») транслирует меньшинство населения, представленное всеми этническими группами республики (от 4,0 до 7,0 %). Отсюда следует, что конфликтный потенциал по отношению к государственно-гражданским ценностям минимален. Несмотря на формирующийся характер российской гражданской нации, как видим, ее параметры по всей выборке не вступают в противоречие с региональной идентичностью, в отличие, например, от полиэтничных регионов Северного Кавказа [79, с. 34].

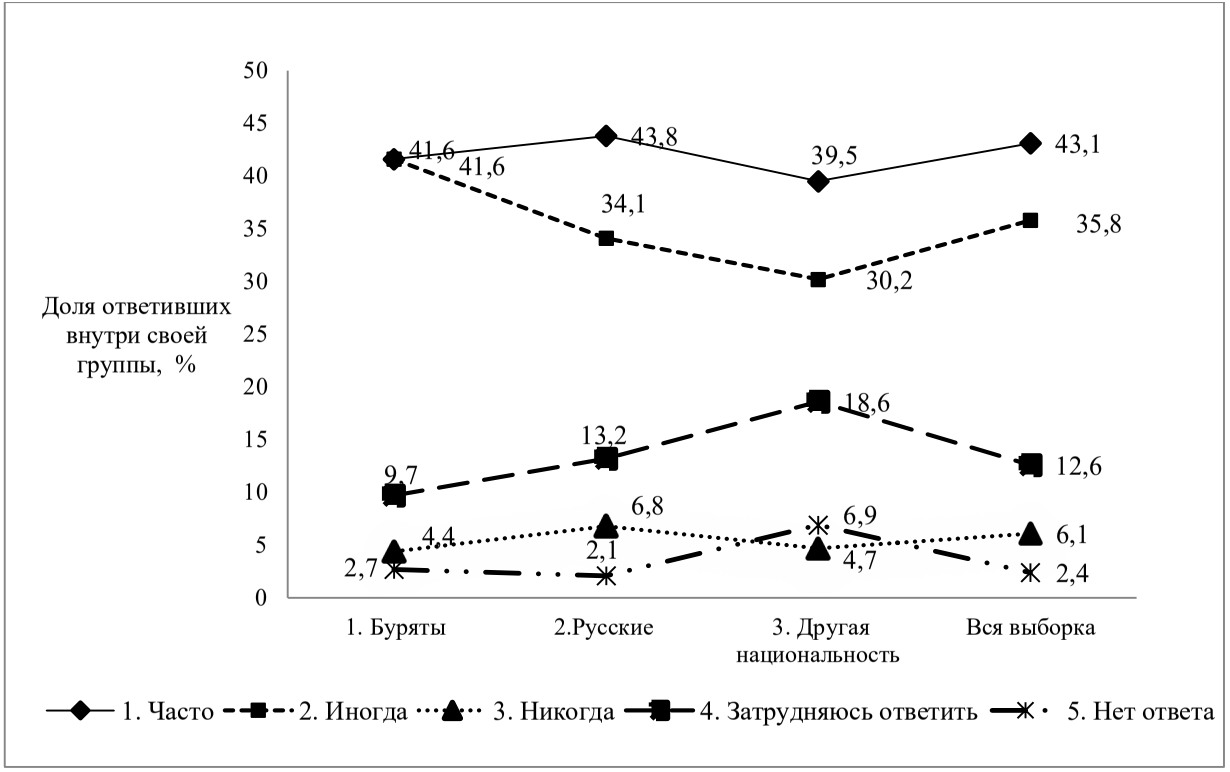

Рис. 1. Общероссийская идентичность жителей Республики Бурятия, % ответивших

Этнокультурное многообразие Бурятии является залогом гражданского единства и подавляющая часть населения имеет позитивную общероссийскую идентичность (см. рис. 1).

Региональная идентичность в рамках данного исследовательского проекта трактуется как принадлежность к территориальному сообществу, географическая и политико-символьная ассоциация – с пространством региона, чувство единства – с людьми, разделяющими ценности, культуру, традиции народов Республики Бурятия. Особенность региональной идентичности жителей Бурятии проявляется в уникальном жизненном стиле, связи с малой Родиной и повседневных практиках, основанных на богатейшем культурном наследии бурят, русских и представителей других многочисленных национальностей.

Наблюдается своеобразный парадокс: региональная идентичность опрошенных имеет позитивный вектор, несмотря на то что население республики не получает в полной мере от региона реализации достойного уровня жизненных притязаний в сравнении с большинством субъектов РФ. Предполагаем, что в структуре региональной идентичности по полученным данным содержится в большей мере ценностно-эмоциональный компонент, чем рациональный. Иначе бы не наблюдался регулярный отток молодежи из региона, маятниковая миграция трудовых сил, снижение качества человеческого капитала.

На рисунке 2 видим, что распределение переменных демонстрирует основания республиканской солидарности этнических групп в регионе. Так, среди бурят «*часто*» актуализировали устойчивую региональную идентичность половина респондентов (49,56 %), «*иногда*» определяли себя жителями Бурятии 37,17 % бурят. Среди русских «*часто*» выражали республиканскую идентичность 39,37 %, что несколько меньше, чем среди бурят.

Менее всего (по сравнению с русскими и бурятами) идентифицируют себя с республикой представители других национальностей, хотя суммарно число положительных выборов у них составило 69,8 %, в то время как у русских – 77,0, бурят – 86,8 %.

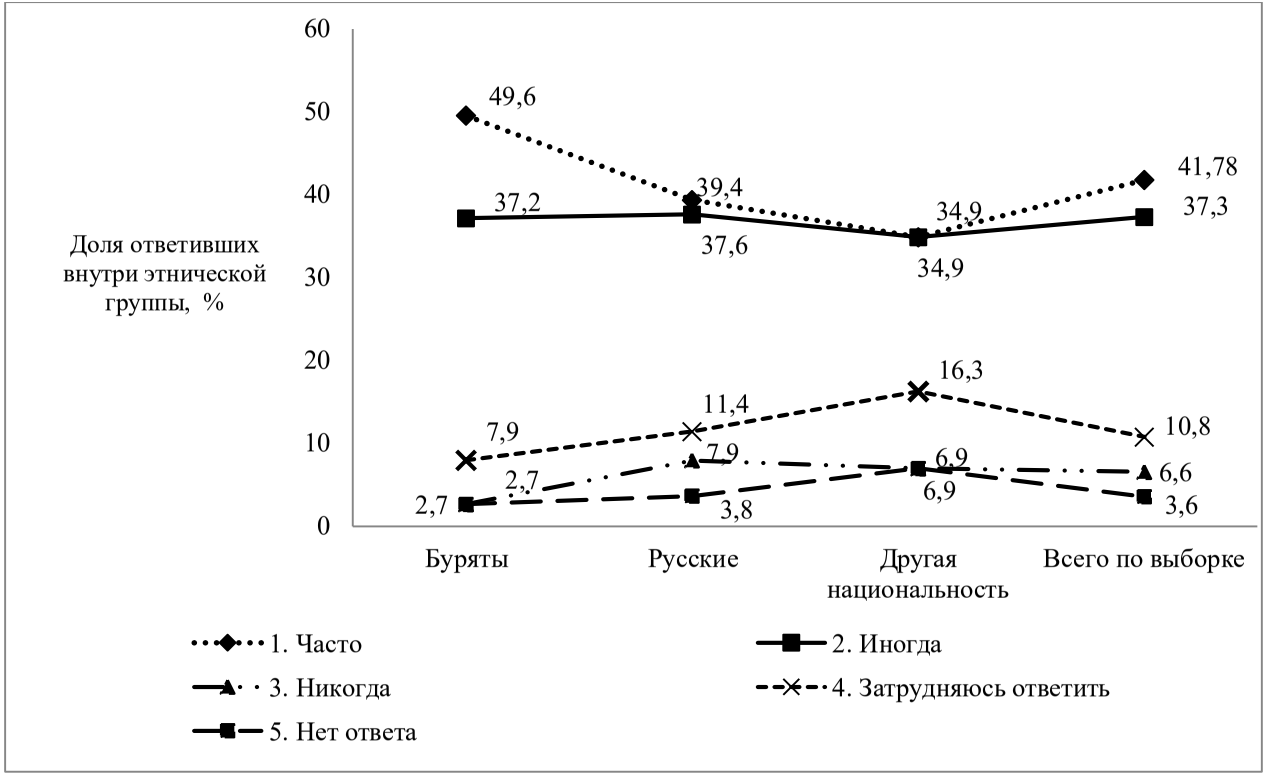

Рис. 2. Региональная идентичность в разрезе «Национальность», % ответивших

Не случайно председатель Ассоциации народов Бурятии подчеркнула в глубинном интервью уникальность нашего региона, заключающегося в симбиозе культур: «*очень много смешанных браков, ассимиляция очень сильная, у нас многие – полукультурки (о татарах). Надо бы двумя корнями питаться».* Эксперт утверждает, что нужно *«использовать ресурсный потенциал национально-культурных центров*» для повышения уровня региональной идентичности: *«Мы гордимся Бурятией, а делаем очень мало. Надо расширять линейку брендов, региональные, локальные, географические, гастрономические. Ни один другому мешать не будет».*

Анализируя данное интервью, можно определить, что макроидентичности населения региона, включающего 160 национальностей, имея сформировавшийся историко-культурный фон, также переживают фазу становления для продвижения этнокультурного многообразия в качестве положительного имиджа и бренда республики. В этом смысле государственная национальная политика опирается на различные форматы становления институтов гражданского общества этнонациональной направленности (НКЦ, Ассамблея народов РБ, Дом дружбы народов РБ и др.). Таким образом, макроидентичности населения Бурятии демонстрируют достаточно высокий критерий сплоченности на гражданском и региональном уровнях.

Одной из разновидностей локальной идентичности является территориальная (город/село), которая в нашем исследовании заняла 4-е место в рангах актуализированных идентичностей населения Бурятии. В опросе участвовали жители городов (Улан-Удэ, Северобайкальск, Кяхта), а также сельской местности из шести муниципальных сельских районов республики.

Исследование показало, что ощущение принадлежности к городской и сельской общности у респондентов достаточно высокое. Постоянно («*часто*») ощущают городскую идентификацию чуть больше трети горожан (36,6 %). Сходная корреляция ответов у сельских жителей – 37,55 %. Ситуационно («*иногда*») определяют свою сопричастность с городским пространством 39,2 % опрошенных городских жителей, с сельским – 38,25 % сельчан. Как видим, установки городских и сельских жителей распределены равномерны. Вместе с тем четверть населения индифферентно выражает понимание своей сопричастности к малой Родине, месту постоянного проживания, что является показателем групповой разобщенности. Чувство отчуждения от локуса города у горожан выше в 1,5 раза, чем у сельских респон-

дентов. Идентификационный локальный механизм положительной категоризации по этническому признаку у бурят, живущих в городской и сельской среде, выражен чуть сильнее, чем у русских и представителей других национальностей (41,15; 35,87; 32,56 % соответственно) (рис. 3).

Рассмотрим более подробно формирование этнической идентичности. В целом по выборке фиксация этнической принадлежности имеет средневыраженную частоту (6-е место в диспозициях идентичностей). Наиболее позитивно и «*часто*» соотносят себя с людьми своей национальности всего 27,11 % опрошенных, т. е. это группа тех, кто четко акцентирует этничность. «*Иногда*» отдают предпочтения этнической группе более трети респондентов (38,67 %). Данный показатель можно считать умеренным по значимости этнической сплоченности. 16,78 % респондентов безразлично выражают важность этнических признаков. 13,89 % опрошенных затруднились с ответом и 3,56 % не дали ответа.

Более трети участников опроса – 34,23 % (суммарно ответы «*никогда*», «*затрудняюсь ответить*», «*нет ответа*») не придают смысла внутригрупповой этнической солидарности, что подтверждает стабильный уровень межэтнического согласия в республике. Полученные результаты выбора этничности как фактора идентичности жителями республики демонстрируют замещение этнического фактора другими основаниями социальной солидарности.

Внутри своей группы треть бурят (34,96 %) определяет свою этническую принадлежность постоянно («*часто*»). Почти половина опрошенных бурят (45,58 %) фиксирует умеренные оценки, выражая этничность в определенных случаях («*иногда*»). Данный показатель интересен тем, что титульный этнос Бурятии демонстрирует позитивные установки на значимость этнического статуса, но ситуационно. Выраженный ситуационный характер бурятской идентичности, в частности, проявляется в период общественных слушаний и Интернет-дискуссий по поводу установки памятников, театральных постановок, материалов СМИ, вызывающих широкий резонанс, т. е. событий, связанных с этнокультурными проектами, оценкой исторического наследия или в ситуации политической конъюнктуры.

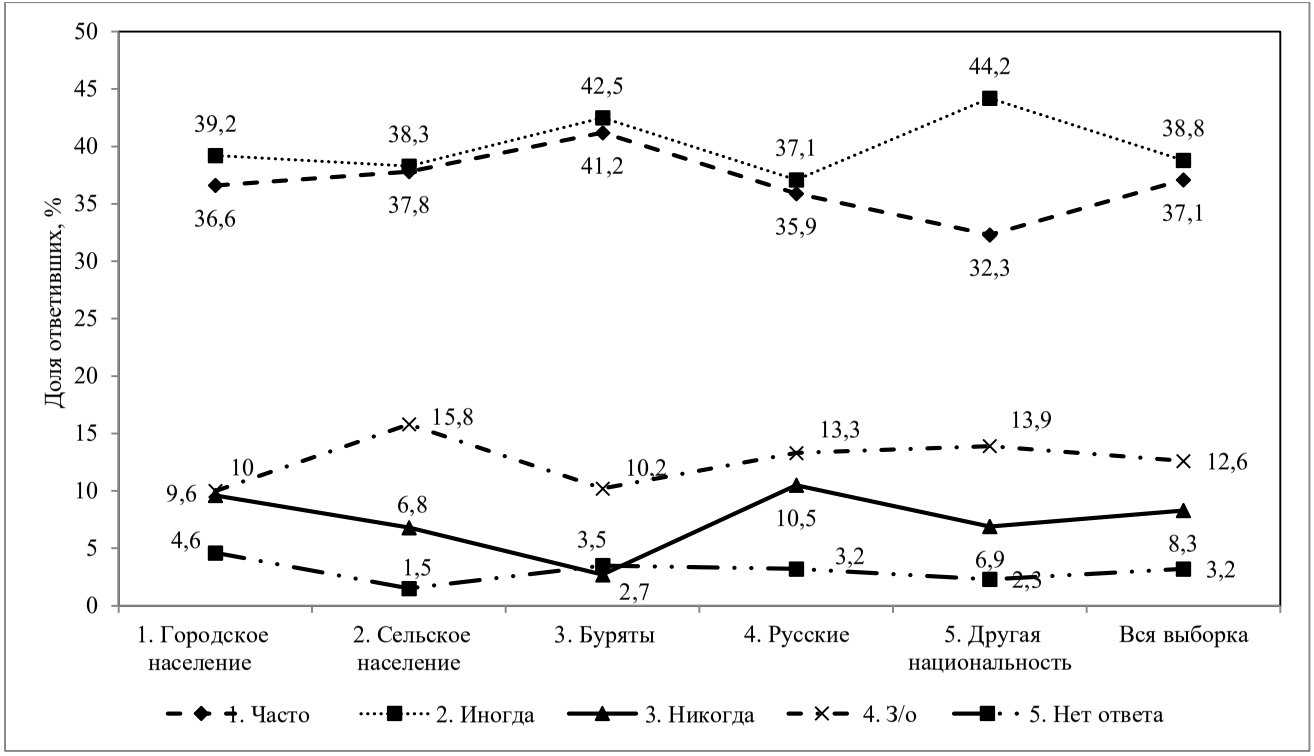

Рис. 3. Территориальная идентичность (город/село) жителей Республики Бурятия, % ответивших

Обратимся к мнению эксперта: «*Этничность – это, в первую очередь, эмоциональное чувство принадлежности к группе. И только во вторую – это знание о культуре, историческая память, их может вообще не быть, ни знаний этих особых, особенно у горожан. И тем не менее вот главенствующее – это чувство принадлежности к группе. И чувство это мобилизуется, мне не нравится слово "политизация", потому что политика – это борьба за власть, тут не о том идет речь. Мобилизуется каждый раз, когда какой-то паритет, какой-то статус-кво нарушается. И в 90-е годы, простите, с конца 80-х, конечно, у нас была ситуация вот этого нарушения некоего баланса, нарушение стабильности, статус-кво*» (д. и. н., в. н. с. ИМБТ СО РАН).

Четверть опрошенных русских (24,29 %) «*часто*» соотносят себя с представителями своей национальности и более трети (36,03 %) признают важность своего этнического статуса «*иногда*» внутри своей группы.

Для представителей других национальностей, живущих в Бурятии, акцентирование своей этнической принадлежности актуально для четверти опрошенных (25,58 %). Ситуационно этническая идентичность проявляется у 41,86 % представителей других национальностей. Экспертами отмечается, что в последние годы в республике с изменением национального состава населения отмечаются нюансы самопозиционирования и самоидентификации других национальностей, выделяемые в том числе и от возраста: «*На мой взгляд, очень интересная сейчас такая ситуация, мы привыкли, что межэтнический конфликт мы воспринимаем в плоскости русских и бурят во многом, но сегодня во многих учебных заведениях, в школах появляется многочисленный слой других национальностей. Внутри, в отдельном классе, в отдельной студенческой группе проблем может не быть, но когда, например, выходит это ребенок из своего класса, своей группы, уже он встречается с негативными проявлениями в отношении себя. На юридическом факультете (БГУ) было очень много выходцев с Кавказа. Они рассказывали, что в группе все нормально, в университете тоже более-менее, но стоит только куда-то выйти, куда-нибудь или куда-то приехать, допустим, на Олимпиаду, мы всегда встречаемся с тем, что мы – другой национальности, ощущаем себя чужими, и мы не ощущаем себя дома. Поэтому, во-первых, наверное,*

необходимо развести вектор, в каком мы смотрим на эти противоречия: русские и буряты или это другие национальности, межэтническая нестабильность. И второе. Наверное, от возраста зависит, опять же» (к. полит. н., зав. кафедрой БГУ).

Действительно, данные массового опроса обнаруживают, что среди тех, кто делал положительные выборы («*часто*» и «*иногда*») в отношении этнической идентичности, чаще встречаются более молодые поколения респондентов. Однако, если посмотреть внутри возрастных групп и сравнить суммарные положительные выборы между группами, то обнаруживается не слишком значительная разница. Так, если у 18–29-летних сумма положительных выборов составила 72,2 %, 30–39-летних – 64,0, 40–49-летних – 63,8, 50–59-летних – 60,24, 60-летних и старше – 64,74 % (табл. 25).

Одним из оснований идентичности жителей региона является чувство единства с людьми своего поколения. В ходе социологического исследования выделены и проанализированы поколенческие группы:

1) 60 лет и старше – довоенное и послевоенное поколение, 1930–1958 г. р.;

2) 50–59 лет – родившиеся в период 1959–1968-х гг.;

3) 40–49 лет – родившиеся и выросшие в советское время, но начавшие свою трудовую деятельность в постсоветский период, 1969–1978 г. р.;

4) 30–39 лет – постсоветское поколение, 1979–1988 г. р.;

5) 18–29 лет – пореформенное поколение, 1989–2000 г. р.

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы можете сказать: “Это – мы” о людях Вашей национальности?» в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 лет и старше	
Часто	30,12	21,56	24,34	27,11	30,77	27,11
Иногда	42,08	42,51	39,47	33,13	33,97	38,67
Никогда	13,9	17,96	17,11	18,07	18,59	16,78
Затрудняюсь ответить	11,97	16,17	15,13	15,06	12,18	13,89
Нет ответа	1,93	1,8	3,95	6,63	4,49	3,55
Всего	100	100	100	100	100	100

Согласно полученным данным, идентификационные процессы между поколениями разнородны в настоящее время (вопрос: «Как часто Вы можете сказать: “Это – мы” о людях Вашего поколения?) (рис. 4).

Молодые люди 18–29 лет продемонстрировали достаточно высокий уровень возрастной идентификации (81,46 %) («*часто*» и «*иногда*»), ассоциировали себя с людьми своего поколения, которых в целом по выборке 77,78 % (табл. 26).

Таблица 26

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы можете сказать о том, что “Это – мы” о людях Вашего поколения?» в зависимости от возраста, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Часто	39,38	31,14	30,92	46,99	55,13	40,56
Иногда	42,08	40,12	42,11	33,13	25,64	37,22
Никогда	4,25	10,78	7,24	5,42	5,13	6,33
Затрудняюсь ответить	11,97	15,57	17,11	10,24	10,9	13,0
Нет ответа	2,32	2,39	2,62	4,22	3,2	2,89
Всего	100	100	100	100	100	100

Постсоветское поколение, т. е. те, кому 30–39 лет, застало в детстве советский период, но становление их личности пришлось на период реформ, социально-экономического кризиса 1990-х гг. и социальное расслоение в обществе в начале 2000-х гг. Глубокие изменения, происходившие в общественном сознании, приоритет личностного развития, высокая конкуренция во всех сферах, изменение стандартов потребления повлияли на ценностную картину постсоветского поколения и меньшую степень актуализации солидарности. Ввиду данного фактора чувство единства внутри поколения охватывает весомую долю опрошенных 30-летних – 71,26 % (суммарно ответы «*часто*» и «*иногда*»).

Интерес представляет разбивка ответов поколения 40-летних. Данная группа разнообразна, так как получила опыт первичной социализации в советское время, одновременно вхождение в трудовую деятельность совпало с распадом СССР и становлением рыночных отношений, что потребовало у части 40-летних построения предпринимательской модели поведения, у других – система ожиданий была встроена в прежний социальный проект социальных гарантий.

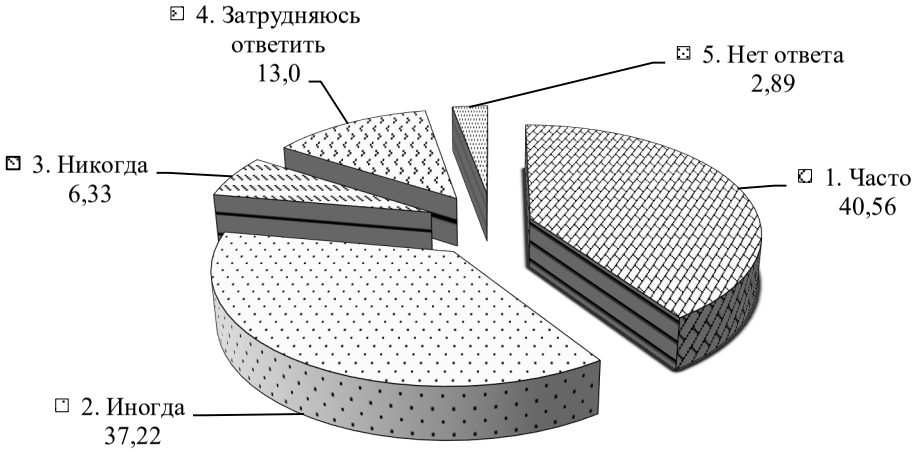

Рис. 4. Поколенческая идентичность жителей Республики Бурятия, % ответивших

Внутри 40-летней возрастной когорты положительные выборы («*часто*» и «*иногда*») сделали 73,03 % опрошенных, индифферентно соотносят себя с представителями своего поколения почти треть респондентов (28,74 %, суммарные ответы «*никогда*», «*затрудняюсь ответить*» и «*нет ответа*»).

Установки поколения, первичная и вторичная социализация которого состоялась в советское время, имеют высокий уровень возрастной положительной идентификации. Плановая экономика, коллективистские практики, социальное равенство, мощная идеологическая составляющая в 1970–1980-е гг. предопределили сходные ценностные ориентиры возрастной когорты 50-летних. Внутрипоколенная фиксированная идентичность характеризует почти половину опрошенных данной группы – 46,99 % (ответы «*часто*»), умеренная внутриэтническая идентичность свойственна трети (33,13 %). И пятая часть 50-летних имеет индифферентную поколенческую идентичность – 19,88 % (суммарно ответы «*никогда*», «*затрудняюсь ответить*» и «*нет ответа*»).

Поколение 60 лет и старше также сохраняет крепкие основания общности, особенно в своей когорте – 80,77 % (суммарные ответы «ч*асто*» и «*иногда*»). Данная группа транслирует сцементированные советские паттерны, которые, без сомнения, накладываются на процесс ревитализации советской идентичности. Результаты исследования общественного мнения россиян подтверждают данный тезис. Так, фонд «Общественное мнение» в 2014 г. зафиксировал половину россиян, сожалевших и четверть не испытывавших сожаление о распаде СССР [47].

Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в марте 2016 г., более половины россиян (64,0 %) утвердительно ответили бы на вопрос о сохранении СССР, если бы состоялся референдум спустя 25 лет [71].

Данные социологического исследования, проведенного в 2018 г. аналитическим центром «Левада-центр», подтверждают возрастание ностальгических настроений о распаде СССР, подстегнутых пенсионной реформой среди 66,0 % россиян (до 76,0 % среди представителей старшей возрастной группы). Представленный показатель является максимальным за десятилетие [46].

Безусловно, произошедшие социально-экономические и политические трансформации в советский и постсоветский периоды коснулись ценностных установок всех без исключения возрастных групп. Пери-

од формирования моделей поведения приходился на важные вехи в истории второй половины XX – начала XXI в.: статус СССР как сверхдержавы, освоение космического пространства, Олимпиада-80, война в Афганистане, перестройка, распад СССР, реформы, появление Интернета. Данные ключевые исторические явления повлияли на социальный опыт представленных поколений, а значит, и чувство сплоченности в контексте переживаемых событий.

Специфика массовых представлений старшего поколения (60 лет и старше) вызвана бытованием ряда советских социальных практик и политической культуры, инкорпорированных в российскую действительность, имманентностью социальной памяти, незавершенностью реформаторского социально-экономического проекта 1990-х гг. На основе поколенческих срезов обнаружено, что, чем сильнее генерационные различия и старше поколение респондентов, тем благожелательнее являются оценки людей, живших в советский период российской истории. Результаты анализа подтверждают мысль о том, что каждое поколение опирается на собственные культурные паттерны ввиду ускоренного характера общественного развития и почти не связано с предыдущим поколением своим образом жизни и социальными характеристиками (рис. 5).

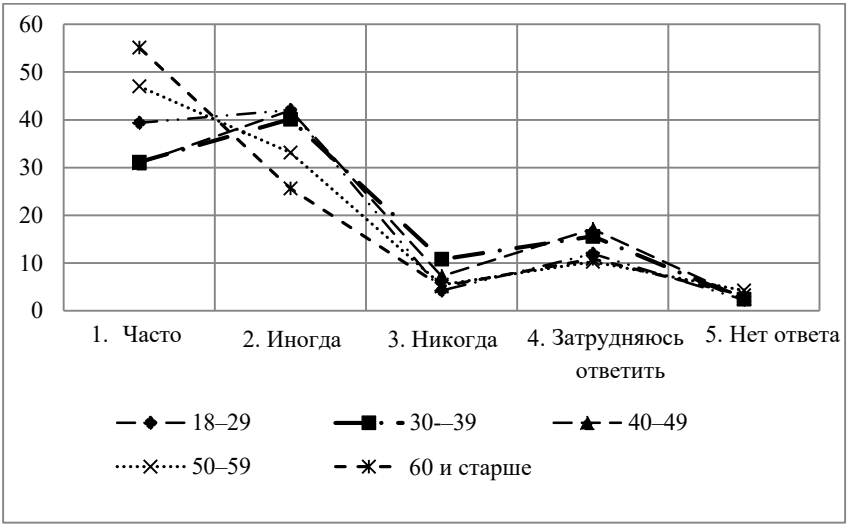

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы можете сказать о том, что “Это – мы” о людях Вашего поколения внутри каждой возрастной группы», % ответивших

Итак, символический капитал возрастных когорт имеет четкую дифференциацию как между поколениями, так и внутри поколений. Система ценностей в каждой группировке, предопределенная социальными изменениями, резким формационным переходом, сменой парадигм и поведенческих стереотипов, формирует уровень сплоченности групп. Согласно полученным данным, наиболее солидарными представляются поколения 20- и 60-летних.

Для понимания жизненных установок изучаемых поколений интересно пронаблюдать сферы трудовой деятельности респондентов. Больше всего предпринимателей представлено молодыми и далее по нисходящей в других возрастных группах, т. е., чем старше когорта, тем меньше занятых в сфере бизнеса.

Имеющей сильное влияние на формирование общественного мнения и отражающей специфику медиапространства региона является сфера СМИ. В ней работает, главным образом, поколение 30–39 лет, а также молодежь и 40-летние. Действительно, в республике на конец 2019 г., по данным Управления Роскомнадзора по Республике Бурятия, насчитывалось 91 СМИ, в том числе печатные СМИ – республиканские, районные газеты, журналы, бюллетени; электронные СМИ – теле-, радиопрограммы, электронные периодические издания, а также информационные агентства [51].

Набирают активность на медийном рынке социальные сети, мессенджеры и телеграмм-каналы, группы, боты, размещающие альтернативную подачу новостной информации. Предполагается, что из-за узости рынка труда в республике нишу новых профессий: медийные журналисты, SMM-специалисты, контент-аналитики и т. д., заполняют лица среднего возраста и молодые люди в возрастной категории 18–29 лет. Данная же возрастная группа представительна в сфере спорта и туризма. В 2017 г. создано профильное Министерство туризма Республики Бурятия, усилия которого направлены на использование потенциала территории для привлечения туристического потока в Бурятию и развитие экономики региона.

Любопытно, что среди молодежи 6,95 % работает в общественных некоммерческих организациях, что позволяет сделать вывод, что молодые люди, скорее всего, имеют параллельные виды занятости, так как доход в таких объединениях нестабилен либо работа ведется в качестве волонтеров. Исходя из структурных компонентов экономического развития Бурятии, можно сказать, что наиболее «несущими»

стенами являются такие отрасли экономики, как промышленность, транспорт, энергетика, связь и основную нагрузку в них осуществляет поколение 30-летних.

В условиях институциональных изменений, взрывного роста информационных технологий, цифровизации общества кардинально, на глазах модифицируется социальная структура общества. Указанная тенденция является общемировой и отражается на социально-стратификационных процессах в российских регионах. Результаты социологического исследования показывают, что преобладающая часть населения Бурятии (66,56 %) имеет положительную профессиональную идентичность, высоко оценивая свой профессиональный статус. В то же время усиливающаяся социальная дифференциация населения, разрыв между высоко- и низкодоходными группами, ускоренность технологических процессов вызывают сложности профессиональной самореализации.

В течение последних 50 лет массовый рост числа лиц с высшим образованием повлиял на специфику рынка труда, трудности в поиске работы по специальности и в соответствии с имеющейся квалификацией. Действительно, по нашим данным, чем выше уровень образования, тем меньше становится доля лиц, которые отождествляют себя с профессией. Неудовлетворение своим профессиональным статусом возникает в силу величины заработной платы, увеличивающимися требованиями работодателей к наемным работникам, несоразмерности потраченных лет на получение специального высшего образования и имеющимися или отсутствующими предложениями на рынке труда.

Ценностные ориентации лиц, занятых низкоквалифицированным трудом, не соотносятся с установкой «Это – мы» с людьми той же профессии, т. е., чем ниже уровень образования, тем больше людей, не идентифицирующих себя с профессией, и, наоборот, чем выше образование, тем меньше был сделан выбор ответа «*никогда*».

Среди тех респондентов, которые выбрали вариант «*никогда*», половину лиц (48,72 %) составили имеющие основное и среднее общее образование. Среди тех, кто выбрал вариант «*затрудняюсь ответить*», 57,33 % составили также респонденты с невысоким образовательным статусом (рис. 6).

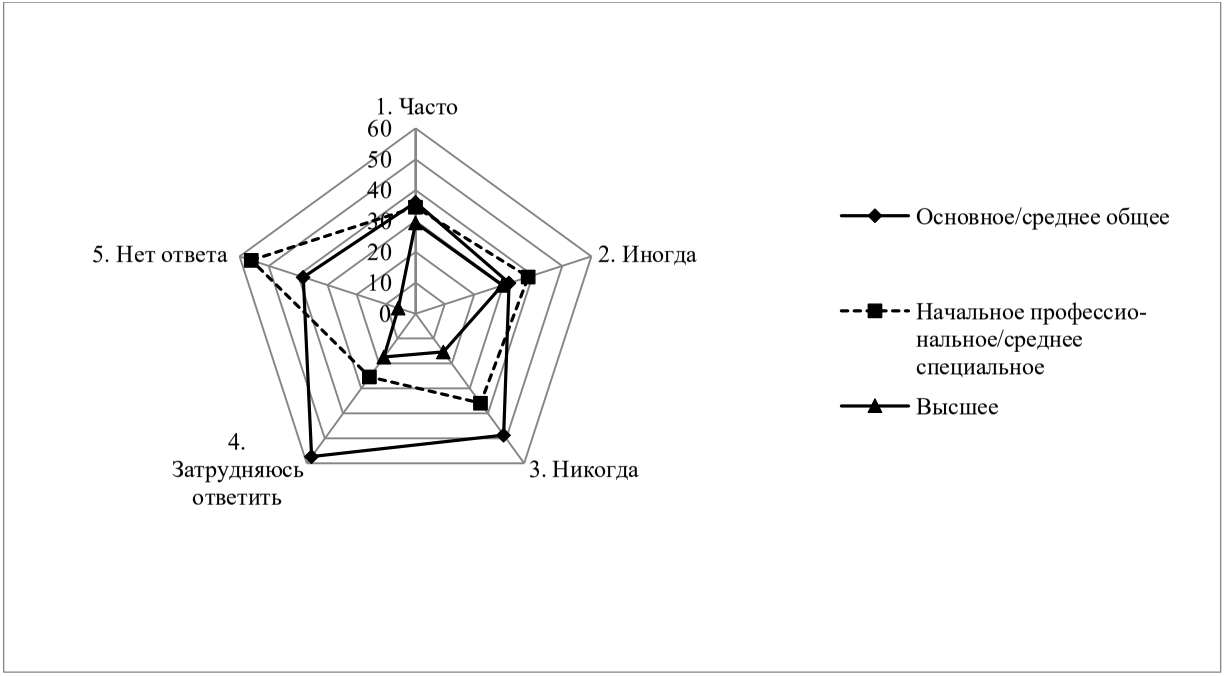

Рис. 6. Профессиональная идентичность образовательных групп, % ответивших

Структурирование поведенческих профессиональных паттернов характерно и в разрезе этничности. Существуют некоторые различия в профессиональной самоидентификации бурят, русских и представителей других национальностей республики. Среди бурят несколько выше уровень положительной профессиональной идентичности – 71,24 % (ответы «*часто*» и «*иногда*» суммарно – 28,76+42,48 %), чем среди русских (65,08 %) и представителей и других национальностей (62,79 %) (рис. 7).

По мнению экспертов, в Бурятии, как и во многих национальных регионах, сложилась этническая экономика, которая закрепляет конкретные ниши на рынке труда, занятые этническими группами, и мобилизует внутригрупповую солидарность: «*…у нас в республике сложилось национальное разделение труда. Скажем, буряты, если говорить о физическом труде, это только сельское хозяйство. Буряты значительно преобладают в органах власти, образовании, науке, здравоохранении, банковском, страховом деле. В то время как русские больше, опять же, занимаются сельским хозяйством, заняты в промышленности, транспорте, энергетике. И экономические изменения, которые произошли в России, они тут сыграли довольно серьезную роль. То есть, с одной стороны, многие предприятия закрылись. В результате русские потеряли работу. С другой стороны, это привело к тому, что в транспорте и энергетике, скажем, заработные платы резко возросли. И резко возросли заработные платы руководителей предприятий, которые остались. Это, опять же, русские. Мигранты заняли свою нишу. В мелкой розничной торговле и в значительной мере в строительстве, которое изменилось, по сравнению с советскими временами. Чем чревато вот такое разделение? В нем ничего плохого нет, в общем-то, на самом деле. Но при малейших экономических трудностях это сразу отражается и возникает такое недовольство, взаимное подозрение и так далее…*» (к. г.-м. н., зав. лабораторией ГИН СО РАН).

Таким образом, восприятие этническими группами значимости трудоустройства, профессиональной самореализации, саморазвития, карьеры основано на формировании социального капитала трудовых отношений, включающих в том числе занятость в традиционных областях этнической экономики.

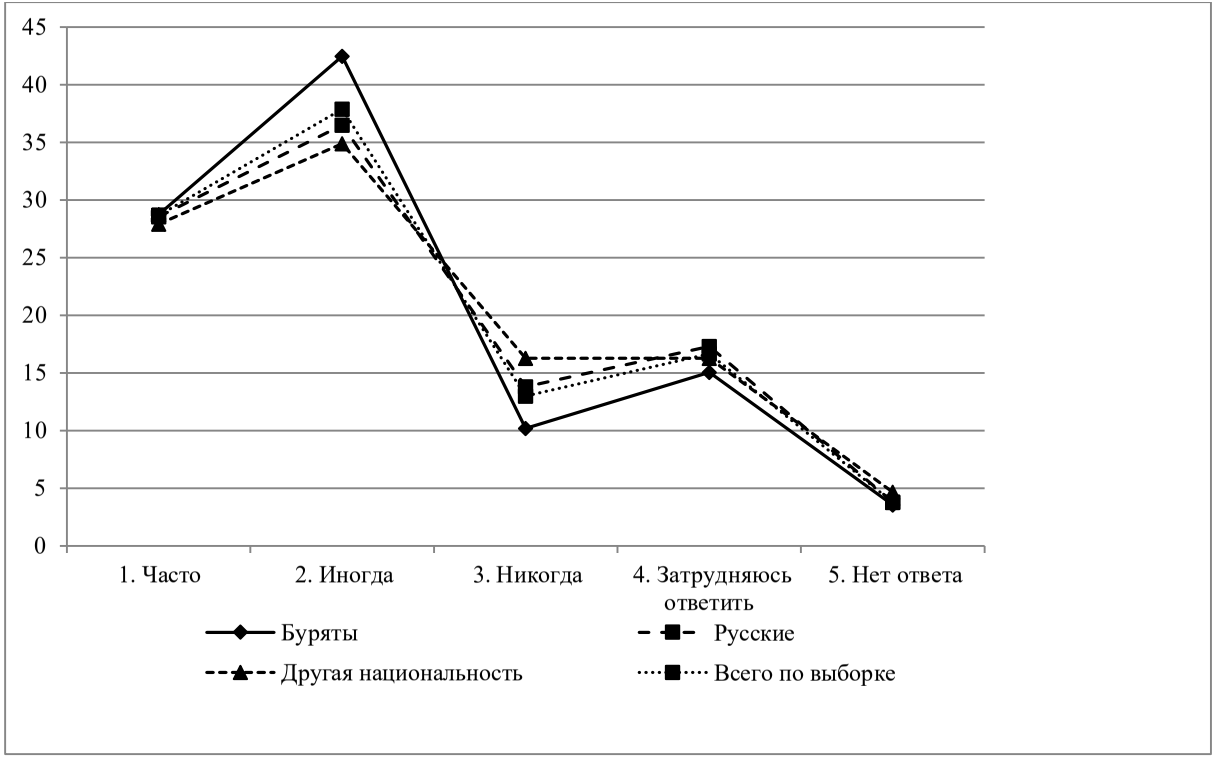

Рис. 7. Профессиональная идентичность этнических групп, % ответивших

Исследование предполагало выяснение характера религиозной идентичности жителей Бурятии. 48,67 % отнесли себя к православным, 3,56 – к старообрядчеству (древлеправославие), 21,11 – исповедовали буддизм, 1,78 – ислам, 11,56 – верили в высшие силы, 3,78 % – в шаманизм. Данные опроса позволяют судить о том, что соотнесение себя с религиозной группой в сравнении с другими идентичностями у респондентов стоит на последних ранговых позициях. В среднем по выборке фиксированную религиозную идентичность («*часто*») проявила пятая часть населения – 19,33 %. Умеренно соотносили себя с людьми той же веры («*иногда*») почти треть опрошенных – 28,44 %. Остальные респонденты не чувствовали связи с религиозными адептами, т. е. либо для них предмет веры является глубоко персонифицированным, либо они не имеют религиозных чувств.

Из тех, кто выбирал вариант «*часто*», православные составили 44,29 %, буддисты – 31,03 %; «*иногда*»: православные – 50,39 %, буддисты – 25,78 % (рис. 8).

По этническому признаку верующие выражали свою религиозную идентичность следующим образом: среди русских представлена наиболее многочисленная категория православных (65,24 %), среди бурят – буддистов (74,78 %), из числа представителей другой национальности более трети (37,21 %) причисляют себя к православным и треть – к приверженцам ислама (32,56 %). Согласно полученным данным, наблюдается плотная связь между религиозностью и этнической принадлежностью. В то же время религиозное пространство неоднозначно, почти каждый десятый житель республики колеблется в отношении к каким-либо религиозным течениям или не определился в вопросах веры (9,11 %). Ответы респондентов являются номинальными, так как солидарность с референтной группой предполагает не только индивидуальные мировоззренческие установки и уровень религиозности, но и образцы поведения, включенность в религиозную организацию, конкретные религиозные практики, следование догматам. Поэтому конфессиональная идентичность жителей республики несколько размыта, позиционируется через этнокультурные установки и символический капитал группы.

В анкете был предложен вопрос: «Как часто Вы можете сказать: “Это – мы” о людях, близких по политическим взглядам?» Полученные ответы респондентов позволяют судить о среднем уровне солидарности по политическим интересам, т. е. политическая идентичность жителей республики не является целостной.

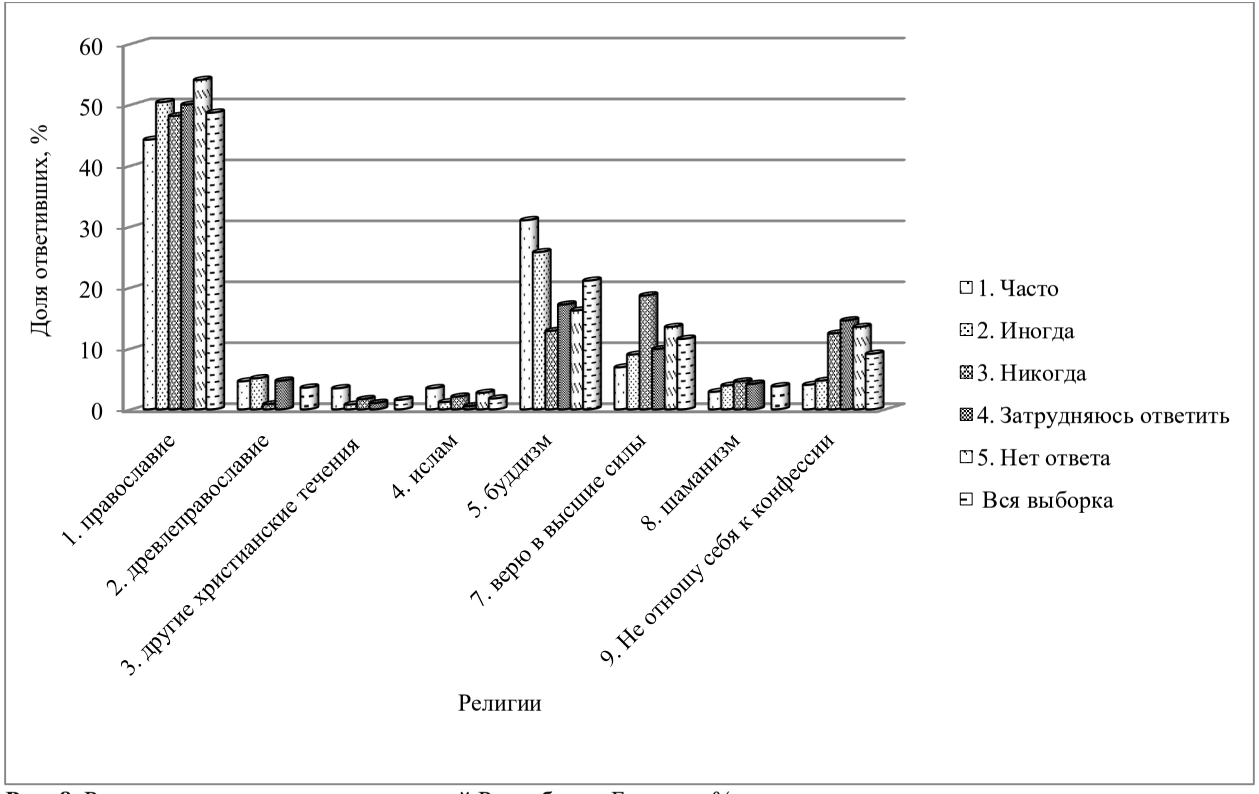

Рис. 8. Религиозная идентичность жителей Республики Бурятия, % ответивших

В целом по выборке лишь десятая часть общества (12,0 %) регулярно солидаризируется на основе близости политических ценностей, для четверти (25,89 %) опрошенных имеет значение спорадическое чувство общности политических интересов, а для основной части населения интерес к политике, будучи нечетким, находится на периферии (суммарно варианты «*никогда*», «*затрудняюсь ответить*» и «*нет ответа*» – 62,12 %). По этническому признаку политическая идентичность выражена у 43,36 % бурят (суммарно варианты «*часто*» и *иногда*»), у 36,03 % русских и 34,88 % представителей иноэтнических групп. Разность в восприятии и оценках советского и российского прошлого, мировоззренческий разрыв поколений, слабость гражданской вовлеченности, рост бедности населения предопределяют уровень разобщенности и безразличия к политике большинства населения.

Итак, на основе анализа спектра идентичностей жителей Бурятии выяснены актуальные социальные аффилиации, главными из которых – это региональная и российская идентичности. Высокий уровень государственно-гражданской солидарности позволяет судить о вовлеченности в российские интеграционные проекты и потенциале формирующегося концепта «российская нация». Мощный маркер и возможный ресурс развития территории – это республиканская идентичность населения. В качестве близкой общности для социальных групп республики являются поколенческие, территориальные (город/село), профессиональные образования, которые характеризуют прочность традиционных и локальных связей в регионе, обеспечивающих потребности в общении и самореализации, но в то же время свидетельствуют о неустойчивости групповых интересов по основаниям: «религиозность», «достаток», «политические интересы». Этническая идентичность, занимающая срединное место в диспозициях идентичностей, является индикатором общероссийских интеграционных процессов и устойчивой базисной солидарностью жителей Бурятии.

2.4. Социальная дистанция этнических групп

В этнически сложном обществе практически всегда сохраняется возможность конфликтных ситуаций на национальной почве. Поэтому поддержание межэтнического согласия – одна из первостепенных задач современного российского общества, которая требуют постоянного внимания и регулярных исследований.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации отмечается, что «в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, вызванные глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. Сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма…» На развитие межнациональных отношений оказывают свое влияние негативные факторы и среди них «высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества; распространенность негативных стереотипов в отношении некоторых народов» [2; 3, с. 6].

По мнению С. Д. Гуриевой, межнациональные отношения могут меняться от взаимной дружбы, уважения и взаимопонимания до противопоставления, интолерантности, этнической напряженности, дискриминации, непринятия. Многие отечественные авторы говорят о двойственности межэтнических отношений. С одной стороны, глобализация, интеграция, центростремительные этнотенденции, которые выражаются в становлении единого целостного мира, интернационализации различных сторон общественной жизни, с другой – фрагментация, дезинтеграция, центробежные тенденции [96, с. 283].

Л. М. Дробижева и другие исследователи выделяют основные факторы, определяющие характер межэтнических отношений: историческое прошлое, социально-политическая обстановка в стране, экономические и культурно-бытовые условия жизни людей, конкретная ситуация взаимодействия людей [103]; политика – политическая стабильность, общая ситуация в стране, легитимность и устойчивость центральной власти; история – наследие контактирующих народов; экономика – особенности экономического развития, природно-экономические условия; культура – сходство культур в установках, ценностях, убеждениях, языке, образовании, уровне грамотности населения, традициях; религия – доминирующая религия, преобладающие религиозные течения [96].

Важная роль в межнациональных отношениях отводится межличностным взаимодействиям. Отмечается двухуровневый характер межэтнических отношений – личностный и групповой. Состояние межэтнических отношений на личностном уровне проявляется в установках, ориентациях, этнических стереотипах, которые формируются в процессе социализации личности, в семье, учебных заведениях, коллективах, в ходе соседского и дружеского общения [96].

Понятие «установка» в отдельных областях знания (психология, социальная психология и социология) имело разные интерпретации – от бессознательной реакции организма до готовности к определенному действию, поведению [164]. Большой вклад в разработку термина внесли западные ученые (У. Томас, Ф. Знанецкий, Г. Олпорт, Э. Богардус), советские и российские психологи (А. Н. Леонтьев, И. Н. Мясищев, И. С. Кон, П. Н. Шихирев, Г. М. Андреева), а также социологи (В. А. Ядов, Л. М. Дробижева, Г. У. Солдатова), которые рассматривали этнические и межэтнические установки. Так, если этнические установки характерны для индивидов, включенных в этническую группу, то межэтнические направлены на взаимодействие с другими этническими общностями – от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития и еще шире – иных цивилизационных форм [81].

По мнению Е. Ю. Щегольковой, межэтнические установки имеют трехкомпонентную структуру, состоящую из когнитивного, аффективного и конативного компонентов. Когнитивный компонент представляет собой знание об объекте установки. Аффективный – это эмоциональное отношение к объекту, положительное или отрицательное, оценка объекта. Конативный компонент отвечает за готовность индивида к действию по отношению к объекту, т. е. это поведенческий компонент. Концепция объединения именно этих трех компонентов в качестве составляющих социальной установки получила широкое признание. Применяя этот подход к межэтническим отношениям, можно сказать, что межэтнические установки складываются из когниций, т. е. представлений о том, какими бывают представители других национальностей, эмоций, т. е. чувств, испытываемых к представителям других национальностей, и поведенческого компонента, т. е. готовности совершать какие-либо поступки в отношении лиц иной национальности. Вопрос о том, является ли какой-

либо из компонентов доминирующим по отношению к остальным, остается открытым. Аффективный компонент чаще проявляется при непосредственном взаимодействии с отдельными индивидами. Поведенческий компонент межэтнической установки формируется у человека в соответствии с испытываемыми им чувствами к представителям других национальностей и с опорой на имеющиеся знания, сведения о них [77].

Этнические установки проявляются тогда, когда человек осознает и оценивает себя как личность внутри этнической группы. В то время как межэтнические установки направлены на взаимодействие с другими этническими общностями, причем данное взаимодействие может носить как отрицательный, так и положительный характер. Этнические и межэтнические установки вбирают в себя прежний жизненный опыт, как свой собственный, так и ближайшего окружения, и закрепляются в навыках, без которых строить отношения между разными этническими группами было бы сложно.

Республика Бурятия считается регионом со стабильной межнациональной ситуацией, и результаты нашего исследования не противоречат сложившемуся образу республики. Однако говорить о полной благополучия картине было бы неверно, поскольку скрытые тенденции имеют место в любом полиэтничном социуме. Для определения социальной дистанции в ходе исследования мы использовали шкалу Э. Богардуса, позволяющую измерять готовность опрашиваемых к сближению или отторжению других этнических групп, взаимодействию с представителями любых других национальностей.

Сам Э. Богардус определял социальную дистанцию как степень симпатии между личностями, личностью и социальными группами и между социальными группами. Он исходил из понимания социальной дистанции как степени принятия людьми друг друга, точнее, установки на желаемую степень близости с представителями какого-либо народа. Максимальная социальная дистанция означает отчужденность, отстраненность, обособленность членов одной группы от другой, нежелание людей контактировать с представителями иной группы, установление жестких границ между ними. Минимальная социальная дистанция способствует установлению близкого контакта с иной группой, лучшему знакомству с ее представителями [73]. Также Э. Богардус отмечал, что демократическое общество стремится к уменьшению социальной дистанции, хотя определенная социальная

дистанция всегда есть между людьми. Отсутствие или наличие дистанцированности позволяет нам говорить об определенном уровне толерантности/интолерантности [77].

В нашем исследовании шкала Э. Богардуса имела 11 позиций, с помощью которых была определена межэтническая социальная дистанция. Ответы на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» представлены в ранжированном ряду 4.

Ранжированный ряд 4

Вариант ответа	%	Ранг
Гражданина России	52,1	1
Гражданина Бурятии	33,2	4
Туриста Бурятии	42,4	2
Жителя своего города, села	36,9	3
Своего начальника	15,1	9
Коллеги, партнера по работе	27,7	5
Соседа по дому	26,9	7
Близкого друга	27,4	6
Мужа дочери или жены сына	15,7	8
Супруга/супруги	14,7	10
Ни в каком качестве	4,0	12
Затрудняюсь ответить	12,7	11

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Как видим из ранжированного ряда 4, в целом по выборке больше всего респонденты согласны принять представителей других национальностей в качестве «*гражданина России*» (52,1 %), «*туриста Бурятии*» (42,4 %), «*жителя своего города, села*» (36,9 %), «*гражданина Бурятии*» (33,2 %). Это первая группа вариантов и в ней больше всего выборов респондентов.

В то время как во второй группе вариантов приблизить к себе до «*коллеги, партнера по работе*» (27,7 %), «*соседа по дому*» (26,9 %), «*близкого друга*» (27,4 %) согласны менее трети опрошенных. И меньше всего готовы пустить в свой ближайший круг представителей других национальностей в качестве «*мужа дочери или жены сына*» (15,7 %), «*супруга/супруги*» (14,7 %), «*своего начальника*» (15,1 %).

Для республики характерно не только спокойное взаимодействие между основными этническими группами (русскими и бурятами), но

и их отношение к другим национальностям. Эта ситуация постоянно фиксировалась нами в разных социологических исследованиях (2016–2020 гг.). Респонденты (эксперты и население) в своих высказываниях во время проведения фокус-групповых дискуссий и интервью говорили о том, что межнациональные разногласия чаще всего случаются в бытовой сфере [124].

Очевидно, что в повседневной жизни большинству людей комфортней общаться с представителями своей национальности, особенно в кругу семьи. На иных уровнях, где нет необходимости постоянного близкого межличностного (семейного) общения, респонденты готовы принять людей иной национальности. Так, например, в качестве «*гражданина России*» представитель иной национальности ощутимо предпочтительнее, чем в качестве «*гражданина Бурятии*», потому что понятие «*гражданин России*» абстрактное и далекое, в то время как понятие «*гражданин Бурятии*» более близкое и не все готовы принять представителей других национальностей рядом с собой.

Несмотря на то что Бурятия не является привлекательным регионом для мигрантов, эксперты в ходе интервью, понимая, что социально-экономическая ситуация в регионе не способствует большому наплыву мигрантов, выражали свои опасения по поводу их возможного притока и увеличения численности. И в ходе исследования обнаружилась определенная разница между ответами на данный вопрос представителей разных возрастных групп (табл. 27).

Все 5 возрастных групп единодушны в отношении первых четырех вариантов и даже сохраняется общая последовательность выбора, когда у большинства респондентов во всех возрастных группах представители иных национальностей могут быть приняты сначала в качестве «*гражданина России*», затем «*туриста в Бурятии*», далее «*жителя своего города и села*» и только потом «*гражданина Бурятии*». Молодое поколение также готово «охранять границы своего пространства» от наплыва мигрантов. Тем не менее молодые респонденты в возрасте от 18 до 29 лет гораздо больше остальных демонстрируют открытость и готовность взаимодействовать практически на всех уровнях. Однако ближний семейный круг молодого поколения также в основном закрыт для иных национальностей, в большей степени для жены сына и мужа дочери, в меньшей – для супруга/супруги.

Таблица 27

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по возрастным группам, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18-29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Гражданина России	53,7	53,9	48,7	49,4	53,8	52,1
Гражданина Бурятии	40,1	32,9	33,5	25,3	30,1	33,2
Туриста Бурятии	50,2	39,5	45,4	39,2	33,3	42,4
Жителя своего города, села	43,6	35,9	40,8	30,1	30,1	36,9
Своего начальника	21,6	14,9	16,4	13,2	5,1	15,1
Коллеги, партнера по работе	34,7	32,9	28,3	23,5	14,1	27,7
Соседа по дому	30,5	27,5	29,6	22,9	21,8	26,9
Близкого друга	33,6	23,9	34,2	25,9	16,0	27,4
Мужа дочери или жены сына	15,8	16,8	17,1	12,6	16,0	15,7
Супруга/супруги	17,8	13,2	15,1	13,2	12,2	14,7
Ни в каком качестве	3,1	4,8	3,9	5,4	3,2	4,0
Затрудняюсь ответить	14,3	12,6	12,5	13,2	9,6	12,7

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Для возрастной группы 60 лет и старше характерен традиционализм в вопросах межэтнического взаимодействия. Вариант, который пожилые респонденты выбирали чаще, чем все другие, чуть уступив возрастной группе от 50 до 59 лет, – «*гражданин России*». В остальном пожилые респонденты меньше других возрастных групп согласны принимать лиц иной национальности. И большинство пожилых не хотело бы видеть иные национальности в качестве своих потенциальных начальников, возможно, это связано с тем, что многие из них уже не работают, а находятся на пенсии.

Результаты того, насколько готовы респонденты из разных этнических групп взаимодействовать с представителями иных национальностей, представлены в таблице 28.

Таблица 28

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по национальностям, % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Гражданина России	53,9	48,2	46,1	52,1
Гражданина Бурятии	33,0	34,9	25,6	33,2
Туриста Бурятии	42,2	44,7	34,9	42,4
Жителя своего города, села	37,1	38,9	23,26	36,9
Своего начальника	15,2	14,6	16,3	15,1
Коллеги, партнера по работе	27,3	27,9	32,6	27,7
Соседа по дому	27,6	24,3	30,2	26,9
Близкого друга	27,8	26,9	25,6	27,4
Мужа дочери или жены сына	14,4	18,1	20,9	15,7
Супруга/супруги	13,9	14,6	25,6	14,7
Ни в каком качестве	3,6	5,7	-	4,0
Затрудняюсь ответить	12,5	11,0	23,3	12,7

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

В республике проживают представители более 160 национальностей, но основные исторически сложившиеся межэтнические взаимодействия происходят между двумя наиболее многочисленными группами – русскими (66,1 %) и бурятами (30,0 %). Процент иных национальностей незначителен и составляет 3,9 % [12].

Необходимо отметить, что существенных расхождений в ответах на вопрос у представителей основных этнических групп Бурятии почти нет. Некоторые различия обнаруживаются в готовности принять представителя другой национальности в качестве «*мужа дочери или жены сына*» и «*соседа по дому*», когда русские несколько меньше, чем буряты, готовы на это. Представители иных национальностей готовы допустить в свой семейный круг инонациональных больше, по сравнению с русскими и бурятами, тем самым демонстрируя большую открытость почти во всех вариантах.

Наше исследование показало, что при оценке населением республики состояния межнациональных отношений в России (вопрос: «Как

бы Вы оценили межнациональные отношения в России в целом?») ответы и горожан, и сельчан не отличались значительно и были близки к ответам по всей выборке. Расхождения наблюдались при оценке ситуации в Бурятии (вопрос: «Как бы Вы оценили межнациональные отношения в Бурятии?»), когда сельские респонденты чаще выбирали положительные значения [112].

Иная картина предстает в межэтнических установках городских и сельских жителей Бурятии. Выявлена разница между установкой на объект, которая является положительной, т. е. сельчане позитивно оценивали межнациональные отношения в целом. Однако конкретный вариант взаимодействия с представителями иной национальности, т. е. установка на ситуацию, получает со стороны сельских жителей республики крайне низкий положительный отклик (табл. 29).

Таблица 29

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по месту жительства, % опрошенных

Вариант ответа	Город	Село	Все население
Гражданина России	59,4	43,0	52,1
Гражданина Бурятии	45,4	18,0	33,2
Туриста Бурятии	57,2	24,0	42,4
Жителя своего города, села	47,6	23,5	36,9
Своего начальника	22,6	5,7	15,1
Коллеги, партнера по работе	39,4	13,0	27,7
Соседа по дому	39,4	11,2	26,9
Близкого друга	37,8	14,5	27,4
Мужа дочери или жены сына	22,6	7,0	15,7
Супруга/супруги	21,4	6,2	14,7
Ни в каком качестве	3,6	4,5	4,0
Затрудняюсь ответить	10,4	15,5	12,7

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Представленные цифры показательны (см. табл. 29), кроме варианта «*гражданин России*», все остальные варианты жители села выбирают в 2 и более раз меньше, чем жители города. Возможно, такая существенная разница в установках связана с особенностями жизни в городе и сельской местности. Так, в городской среде интенсивность общения с представителями разных национальностей в различных

сферах деятельности так же, как и ритм жизни, гораздо высокий, чем в селе. А смешанное население, отсутствие явных национальных анклавов, присутствие хоть и небольших миграционных потоков из ближнего и дальнего зарубежья, наконец, высокий уровень жизни, культуры, образования, более широкий информационный поток расширяют кругозор городского жителя, делая его более восприимчивым к иной культуре, иной религии.

Сельское смешанное по национальному составу население встречается в основном в муниципальных центрах, в отдаленных селах население чаще всего бывает однородным по национальному составу (преимущественно русское или бурятское), причем сельчане отличаются большей сплоченностью, которая не дает проникнуть чужаку в их сообщество, а также уровень жизни основной массы сельского населения серьезно отстает от городского. Возможно, эти особенности оказывают влияние на разницу установок городского и сельского населения в восприятии представителей других национальностей и социальную дистанцию с ними.

В исследовании было установлено, что уровень образования является одним из важных факторов формирования благоприятных межэтнических установок (табл. 30).

Как видим из таблицы 30, респонденты с высшим образованием проявили несколько большую лояльность и толерантность по отношению к другим национальностям (по некоторым позициям даже выше средних по выборке показателей), чем имеющие начальное, среднее и специальное образование, которые менее всего желали иметь представителей иной национальности в ближнем круге, т. е. в качестве мужа дочери, жены сына, супруга, супруги или начальника.

Рассмотрим, как меняется социальная дистанция респондентов к представителям других национальностей в зависимости от степени удовлетворенности жизнью (вопрос: «В целом Вы удовлетворены своей жизнью?»).

Из таблицы 31 видим, что суммарные ответы групп «*вполне удовлетворен*» и «*скорее удовлетворен*» по всем позициям на порядок выше, чем такие же ответы групп «*скорее не удовлетворен*» и «*совершенно не удовлетворен*». Редкое единодушие наблюдается только в отношении позиции «*турист Бурятии*», когда и в той, и в другой группе наблюдается 87,1 и 86,6% гостеприимных респондентов.

Таблица 30

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по уровню образования, % опрошенных

Вариант ответа	Основное /среднее общее	Начальное проф./среднее спец.	Высшее	Все население
Гражданина России	50,5	51,7	55,1	52,1
Гражданина Бурятии	29,9	31,7	40,8	33,2
Туриста Бурятии	38,0	43,3	48,4	42,4
Жителя своего города, села	32,9	34,8	46,2	36,9
Своего начальника	11,4	14,1	22,4	15,1
Коллеги, партнера по работе	22,3	25,4	39,5	27,7
Соседа по дому	22,9	26,0	34,5	26,9
Близкого друга	22,6	28,8	33,9	27,4
Мужа дочери или жены сына	11,4	17,9	19,3	15,7
Супруга/супруги	13,1	14,7	17,0	14,7
Ни в каком качестве	5,0	4,4	1,8	4,0
Затрудняюсь ответить	15,9	10,7	10,3	12,7

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

Бóльшая удовлетворенность разными аспектами своей жизни позволяет человеку с высокой степенью доверия относиться к иным этническим или социальным группам, и в целом с оптимизмом воспринимать окружающую действительность. Известно, что вопросы об удовлетворенности измеряют уровень субъективного благополучия. Безусловно, что более обеспеченные демонстрируют и самый высокий уровень удовлетворенности.

В таблице 32 представлены результаты нашего исследования, из которой видно, что в целом по выборке больше всего респондентов, которые «*скорее удовлетворены*» своей жизнью (44,8 %), чем тех, кто «*скорее не удовлетворены*» (24,2 %). Крайние позиции существенно отличаются по количеству: «*вполне удовлетворенных*» (18,1 %) более чем в 2 раза больше, чем «*совершенно не удовлетворенных*» (7,7 %). Для республики, находящейся на 71-м месте в рейтинге социально-экономического положения регионов по результатам 2019 г. и зани-

мающей 81-е место в рейтинге по качеству жизни [64], довольно высок процент удовлетворенных своей жизнью респондентов.

Таблица 31

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по степени удовлетворенности своей жизнью, % опрошенных

Вариант ответа	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совершенно не удовлетворен	Все население
Гражданина России	56,4	55,1	48,6	33,3	52,1
Гражданина Бурятии	41,1	32,5	31,6	23,2	33,2
Туриста Бурятии	44,2	42,9	43,1	43,5	42,4
Жителя своего города, села	38,7	38,7	38,0	27,5	36,9
Своего начальника	21,5	14,6	13,7	8,7	15,1
Коллеги, партнера по работе	29,4	30,3	27,0	20,3	27,7
Соседа по дому	32,5	28,8	23,8	18,8	26,9
Близкого друга	27,6	31,3	25,2	18,8	27,4
Мужа дочери или жены сына	20,9	14,4	16,0	14,5	15,7
Супруга/ супруги	17,8	14,1	16,5	11,6	14,7
Ни в каком качестве	0,6	3,7	5,9	4,3	4,0
Затрудняюсь ответить	13,5	10,4	12,4	17,4	12,7

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

В таблице 33 представлены группы по доходам, которые исходя из результатов нашего исследования мы условно разделили на низкодоходную (31,7 %), самую многочисленную среднедоходную (63,5 %) и самую малочисленную – высокодоходную (4,8 %). Эти группы интересуют нас в связи с тем, какие межэтнические установки характерны

для них, т. е. насколько материальное положение оказывает влияние на те или иные виды межэтнических установок.

Таблица 32

Распределение ответов на вопрос: «В целом Вы удовлетворены своей жизнью?», % опрошенных

Вариант ответа	%
Вполне удовлетворен	18,1
Скорее удовлетворен	44,8
Скорее не удовлетворен	24,2
Совершенно не удовлетворен	7,7
Затрудняюсь ответить	5,2
Всего	100

Таблица 33

Распределение ответов на вопрос: «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы отнести свою семью?», % опрошенных

Вариант ответа	%	Тип группы, %
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание	5,0	Низкодоходная
Денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения	26,7	31,7
Доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит	49,8	Среднедоходная
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей	13,7	63,5
Мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости	3,4	Высокодоходная
Ни в чем себе не отказываем	1,4	4,8

Как видим из таблицы 34, высокодоходные группы, представленные в нашей выборочной совокупности, в основном демонстрируют меньший уровень доверия к иным национальностям практически по всем позициям, чем группы со средними доходами и во многом совпадают по установкам с низкодоходными группами. Причин может быть несколько. Высокодоходные группы немногочисленны, особенно в Бурятии, чаще всего предпочитают общение в узком кругу подобных себе, малодоступны для других групп, поэтому недоверие и осторожность, тщательность в выборе своего окружения не способ-

ствуют доверию не только в межэтническом, но и межгрупповом плане, а также на личностном уровне.

Можно предположить, что данная группа в целом держит большую дистанцию, не допуская в ближний круг не только представителей иных национальностей, но и просто иных. Установки низкодоходной группы сходны, как уже отмечено, с высокодоходной, однако можно предположить, что причины здесь несколько другие, скорее депривационные настроения – общее недовольство, патернализм, склонность винить в своих неудачах государство, олигархов, соседей и представителей других национальностей в том числе. Наиболее дружелюбной выглядит на фоне предыдущих групп самая многочисленная среднедоходная группа наших респондентов.

Подытоживая полученные результаты по данному вопросу, можно сделать вывод, что население в целом демонстрирует приемлемую социальную дистанцию и готово принимать представителей других национальностей «*в качестве гражданина России*», «*в качестве гражданина Бурятии*», «*в качестве туриста Бурятии*», «*в качестве жителя своего города или села*», эти позиции лидируют во всех группах. Однако принимать других в ближайший круг «*в качестве мужа дочери или жены сына*», «*в качестве супруга/супруги*» готовы не все. Выбор уровней взаимодействия имеет определенную зависимость от возраста, национальности, места жительства, уровня образования, доходности и удовлетворенности жизненными обстоятельствами.

Выяснилось, что респондентам проще принять другого в качестве российского гражданина, в меньшей степени – гражданина Бурятии. Далее, по мере сужения круга общения пропорционально увеличивалась социальная дистанция и уменьшалась готовность к непосредственному общения, особенно в кругу семьи.

Наиболее благоприятные установки наблюдались у молодых респондентов, жителей города, респондентов с высшим образованием независимо от национальной принадлежности, тех, кто удовлетворен или скорее удовлетворен своей жизнью в целом, а также у тех, кто имел средний материальный достаток.

Таким образом, в самом общем виде образ человека с благоприятными межэтническими установками, проживающий на территории Республики Бурятия, таков: это городской житель в возрасте от 18 до 29 лет, любой национальности, имеющий высшее образование, в целом удовлетворенный своей жизнью и имеющий средние доходы. Очень обнадеживает тот факт, что благоприятное будущее межнациональных отношений в Бурятии в руках молодых жителей республики.

Таблица 34

Распределение ответов на вопрос: «В качестве кого Вы могли бы принять человека другой национальности?» по уровню доходов, % опрошенных

Вариант ответов	Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание	Денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения	Доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит	Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей	Мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости	Ни в чем себе не отказываем	Все население
1	2	3	4	5	6	7	8
Гражданина России	42,2	50,4	52,7	60,1	45,1	45,4	52,1
Гражданина Бурятии	22,2	28,7	36,6	36,6	29,0	18,2	33,2
Туриста Бурятии	37,8	42,1	43,9	42,3	35,5	27,2	42,4
Жителя своего города, села	24,4	30,8	41,5	39,0	35,5	18,2	36,9
Своего начальника	11,1	12,5	16,3	19,5	9,7	9,1	15,1

Окончание табл. 34

1	2	3	4	5	6	7	8
Коллеги, партнера по работе	17,8	25,8	27,7	34,1	29,0	27,2	27,7
Соседа по дому	15,5	25,8	28,3	30,9	22,6	9,1	26,9
Близкого друга	20,0	25,4	29,0	30,9	25,8	9,1	27,4
Мужа дочери или жены сына	20,0	15,0	14,9	17,0	16,1	27,2	15,7
Супруга/ супруги	15,5	12,5	14,7	17,0	19,3	18,2	14,7
Ни в каком качестве	2,2	5,4	4,0	2,4	3,2	0	4,0

Примечание: можно было выбрать любое число ответов, поэтому сумма не равна 100 %.

2.5. Этническая идентичность граждан

В исследовании мы ставили задачу определить влияние этнической идентичности на уровень межнационального согласия и межнациональные отношения в Республике Бурятия. По мнению исследователей, этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории, при этом она может способствовать дезинтеграционным процессам, но также может быть ресурсом интеграции. Осознание собственной этничности и чувствительность к культурному многообразию являются первым и необходимым этапом становления межэтнической толерантности как эффективной социальной установки [150].

Уровень российской идентичности граждан зависит от места РФ в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Под национально-гражданской идентичностью понимается осознание причастности к сообществу граждан того или иного государства, лояльность населения государству, эмоциональная привязанность к стране [94].

Вслед за этносоциологами ИС ФНИСЦ РАН мы задали респондентам вопрос, выявляющий уровень актуализированной этнической идентичности. Была применена методика «идеологемы» С. В. Рыжовой, когда респондент должен выбрать суждения, с которыми он согласен – *«я никогда не забываю о том, кто я по национальности», «я помню о своей национальности в определенных ситуациях»* или *«для меня не имеет значение моя национальность»* [94; 169].

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что «*никогда не забывают о своей национальности»* 42,6 % респондентов, для 35,4 % «*не имеет значение национальность»* и вспоминают о своей национальности в определенных ситуациях 16,2 %. В зависимости от выбранных вариантов мы получили 3 группы опрошенных – с более выраженным уровнем этнической идентичности, невыраженным уровнем и пограничную группу (кто вспоминает о своей этничности время от времени).

Группа с выраженным уровнем этничности	Группа с невыраженным уровнем этничности	Пограничная группа
42,6 %	35,4 %	16,2 %

«Актуализированная этническая идентичность характеризуется тем, что человек солидаризируется с людьми своей национальности, испытывает потребность в принадлежности к своему народу, никогда не забывает о своей национальной принадлежности. Человек с такой этнической идентичностью готов воспринимать этнонациональную идеологию, призывающую к защите прав и интересов от лица той или иной этнической группы и апеллирующую к культурным и/или религиозным ценностям и мифам» [169, с. 7].

Ведущие российские исследователи ставили вопрос о том, существуют ли противоречия между этнической и гражданской идентичностями. Так, по мнению Л. М. Дробижевой, они не противоречат друг другу, В. А. Тишков считает, что человек может иметь согласованные этническую и гражданско-политическую идентичности. Также обсуждается вопрос о том, как влияет субъективно значимая этническая идентичность на формирование установок межэтнического взаимодействия – создавая преимущественно негативные или позитивные установки.

Президент России Владимир Путин 30 марта 2021 г. провел заседание Совета по межнациональным отношениям, где основной темой стал вопрос об укреплении общероссийской гражданской идентичности: «Для успешного решения задач, которые стоят сегодня перед нашей страной, важны не только эффективная экономика и компетентное управление. Для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием. В практике ряда государств гражданская и этническая идентичности часто воспринимаются как конкуренты. Считаю такой подход – у нас, во всяком случае, – мягко говоря, абсолютно некорректным, а для нашей страны, хочу это подчеркнуть особо, абсолютно неприемлемым. Человек может принадлежать к той или иной этнической группе, но страна у нас всех одна – большая Россия» [28].

Если рассмотреть значимость этнической идентичности для разных этнических групп, то мы видим, что среди бурят «*никогда не забывают о своей национальности»* 57,5 %, *«не имеет значение национальность»* для четверти опрошенных (25,6 %) и 14,2 % вспоминают о своей национальности ситуативно.

Среди русских 36,8 % «*никогда не забывают, кто они по национальности»* и для 39,4 % не имеет значение их национальность. Среди представителей других национальностей в первой группе – 51,2 %, во второй – 27,9 %. Выходит, что для бурят и представителей иных национальностей этническая идентичность более значима, чем для русских (табл. 35).

Таблица 35

Распределение по национальности в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	36,8	57,5	51,2	42,6
Для меня не имеет значения моя национальность	39,4	25,6	27,9	35,4
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	17,1	14,2	13,95	16,2
Затрудняюсь ответить	6,7	2,7	6,95	5,8
Всего	100	100	100	100

Немаловажно и то, каким образом актуализированная идентичность распространена среди респондентов по уровню образования. Практически для всех респондентов: со школьным образованием, средним специальным, высшим имеет довольно высокую значимость этническая идентичность. То есть каждая из этих образовательных групп насчитывала больше 40,0 % опрашиваемых с выраженной этнической идентичностью, причем у респондентов с высшим образованием она встречалась несколько чаще (45,4 %), в то время как невыраженный уровень этничности среди них был меньше – 29,7 % (табл. 36).

Согласимся с выводом исследователей, изучавших этническую идентичность в республиках Татарстан и Саха (Якутия), в том, что респондентам, имеющим более высокий статус (условно наличие высшего образования связано с более высоким статусом), присуще небезразличное отношение к своей этничности и этничности своего окружения. То есть социальный рост не снижает значимости этничности, а порой и увеличивает интерес к своей национальности, желание сохранить свою этничность.

Таблица 36

Распределение по уровню образования в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Основное/ср. общее	Начальное проф./ср. специальное	Высшее (бакалавр., магра, спец-т)	Все население
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	41,6	42,0	45,4	42,6
Для меня не имеет значения моя национальность	35,7	39,2	29,7	35,4
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	16,7	13,5	19,8	16,2
Затрудняюсь ответить	6,0	5,3	5,1	5,8
Всего	100	100	100	100

В возрастных группах наиболее высока субъективная значимость этнической идентичности у молодых респондентов в возрасте 18–29 лет (46,7 %), в то время как наименьшая – в старшей возрастной группе 50–59 лет (37,9 %) (табл. 37). Что же способствует высокой значимости этнической идентичности у молодежи, которая удачно сочетается с положительными установками в отношении других национальностей (о чем писали выше). Возможно, это связано с тем, что выросло новое поколение, у которого наряду с уважением к собственной этничности сформировалось уважение и к другим народам благодаря большей информированности, расширению границ не только географических, но также общего кругозора и сознания.

В общероссийских исследованиях отмечалось, что для сельских жителей, которые во многом являются хранителями или приверженцами традиционности, характерна большая значимость этнической идентичности. В Бурятии для сельских и городских жителей одинаково важна принадлежность к своей национальности (43,5 и 42,0 % соответственно). Однако среди городских жителей чуть большую группу составили респонденты с невыраженной этничностью (36,8 %), чем среди сельских (33,7 %) (табл. 38).

Таблица 37

Распределение по возрастам в группах с разным уровнем этнической идентичности % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	46,72	41,92	44,74	37,95	39,74	42,67
Для меня не имеет значения моя национальность	31,27	32,34	29,61	41,57	44,87	35,44
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	15,44	18,56	19,08	16,87	11,54	16,22
Затрудняюсь ответить	6,57	7,19	6,58	3,61	3,85	5,88
Всего	100	100	100	100	100	100

Анализируя субъективную значимость этнической идентичности у разных категорий респондентов, мы приходим к выводу, что в большей мере она выражена у представителей бурятской национальности, лиц с высшим образованием и молодежи (18–29 лет).

Таблица 38

Распределение по месту жительства в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Город	Село	Все население
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	42	43,5	42,6
Для меня не имеет значения моя национальность	36,8	33,7	35,4
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	16,6	15,8	16,2
Затрудняюсь ответить	4,6	7	5,8
Всего	100	100	100

Общероссийские исследования 1990-х, начала 2000-х гг. отмечали во многих республиках, в частности в Татарстане и Саха (Якутия), рост этнической идентичности связан, прежде всего, с потерей совет-

ских идеологических ориентиров и, соответственно, повышением национального самосознания [120].

Аналогичные процессы происходили и в Бурятии в тот период. Современная ситуация среди населения республики показывает, что выросло новое поколение, для которого высока субъективная значимость этнической идентичности. Причем этот рост, на наш взгляд, связан прежде всего с беспокойством по поводу незнания родного языка и реальной угрозы его возможной утраты. Надеемся, что зафиксированная нами в исследовании актуализированная этническая идентичность не будет способствовать дезинтеграционным процессам в республике, а станет ресурсом интеграции. Тем более что, как уже говорилось, у молодежи были установлены благоприятные межэтнические установки, наблюдалась большая открытость для общения, установления не только рабочих, но и семейных связей с представителями других национальностей.

На наш взгляд, у всего населения Бурятии этническая идентичность не входит в противоречие с другими видами идентичностей (табл. 39). Больше всего опрошенных (36,3 %) ощущают себя в равной мере и гражданином Бурятии, и гражданином России. Тех, кто ощущает себя только гражданином Бурятии (6,0 %), почти в 3 раза меньше, чем тех, кто чувствует себя только гражданином России (16,2 %).

Таблица 39

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» по национальностям, % опрошенных

Вариант ответа	Русские	Буряты	Др. нац-ти	Все население
Только гражданином Бурятии	6	6,3	4,7	6,0
Только гражданином России	17	12,9	20,9	16,2
Тем и другим, но больше гражданином Бурятии	13,3	29,8	7	17,0
Тем и другим, но больше гражданином России	26,6	13,4	27,9	23,3
И тем, и другим в равной мере	35,8	37,6	34,9	36,3
Ни тем, ни другим	1,3	0	4,6	1,2
Всего	100	100	100	100

Среди бурят чуть больше тех, кто ощущает себя *«и тем, и другим в равной мере»* (37,6 %), по сравнению с русскими (35,8 %) и представителями других национальностей (34,9 %). Также буряты в несколько раз чаще выбирали региональную идентичность (29,8 %) (*«тем и другим, но больше гражданином Бурятии»*), в отличие от русских (13,3 %) и представителей других национальностей (7,0 %). В то время как русские (26,6 %) и представители других национальностей (27,9 %) в 2 раза чаще делали выбор в пользу российской идентичности (*«тем и другим, но больше гражданином России»*), чем буряты (13,4 %).

Как видим, у бурят, несмотря на высокий уровень значимости этнической идентичности, в общем и целом хорошо представлена и общероссийская идентичность. Эти идентичности не противоречат, а взаимодополняют друг друга, что свидетельствует об осознании причастности к России.

Ответ на вопрос: «Всегда ли актуализированная, субъективно значимая этническая идентичность сопровождается формированием этнической интолерантности, служит общественной дезинтеграции и, как следствие, препятствует формированию национально-гражданских идентичностей, являющихся основой политической нации?» [150] в нашем исследовании получен. Противоречий между значимостью этнической российской идентичности не наблюдается. Как известно, субъективно значимая (актуализированная) этническая идентичность может порождать не только интолерантные, но и позитивные установки межэтнического взаимодействия [Там же].

Выбор того, каким гражданином больше всего ощущают себя респонденты в зависимости от уровня образования, показывает нам, что все группы достаточно единодушны (табл. 40). Нет особых отклонений от результатов по общей выборке, но в целом российской гражданской идентичности респонденты отдают предпочтение больше, чем региональной.

Если проанализировать ответы на вопрос в зависимости от возраста опрошенных, то мы также не обнаружим особых различий. Правда, молодежь несколько больше, чем другие группы, выбирала исключительно региональную идентичность (7,3 %), а пожилые (60 и старше) исключительно российскую (19,87 %). Однако в целом всем респондентам свойственна преимущественно двойственная идентичность *(«и тем, и другим в равной мере»*) (табл. 41).

Таблица 40

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» по уровню образования, % опрошенных

Вариант ответа	Основное/ср. общее	Начальное проф./среднее спец.	Высш. (бакалавриат, магистратура, специалитет)	Все население
Только гражданином Бурятии	7,4	5,4	4,9	6,0
Только гражданином России	15,9	17,3	14,8	16,2
Тем и другим, но больше гражданином Бурятии	14,9	17,9	19,3	17,0
Тем и другим, но больше гражданином России	21,9	25,5	22,4	23,3
И тем, и другим в равной мере	39,2	32,6	36,8	36,3
Ни тем, ни другим	0,7	1,3	1,8	1,2
Всего	100	100	100	100

Наше исследование показало, что призыв российских ученых-этносоциологов к снижению актуализации этничности и переключению внимания населения с этнической идентичности на осознание государственно-российской был реализован в республике, а результаты проведенного исследования не противоречат общероссийским и во многом совпадают.

К примеру, у населения Республики Бурятия так же, как и у россиян, высокий уровень этнической идентичности соединяется с позитивными межэтническими установками. С. В. Рыжова указывает, что важнейшим индикатором высокой степени межэтнической (межкультурной) интеграции и толерантности является отказ от применения насильственных мер в урегулировании проблем в сфере межэтнических отношений [152].

Все условные группы – с выраженным уровнем этничности, невыраженным и пограничная, в большинстве своем совершенно не согласны с тем, что насилие допустимо, если *«нарушается справедливость в отношении моего народа»* (46,2; 53,4; 49,8 % соответственно). Тем не менее часть респондентов все же допускает возможность

насилия и эта группа не столь малочисленна. Суммарно ответы *«полностью согласен»* и *«согласен частично»* во всех группах (37,4; 36,3; 38,6 % соответственно) не превышают результаты ответа *«совершенно не согласен»,* что свидетельствует о том, что фундамент межнационального согласия в Республике Бурятия достаточно прочен (табл. 43).

Таблица 41

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» по возрасту, % опрошенных

Вариант ответа	Возраст, лет					Все население
	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	
Только гражданином Бурятии	7,3	5,39	4,61	6,02	5,77	6,0
Только гражданином России	15,8	10,78	16,45	18,07	19,87	16,2
Тем и другим, но больше гражданином Бурятии	14,3	15,57	19,08	18,07	19,87	17,0
Тем и другим, но больше гражданином России	23,9	25,15	17,76	23,49	25,0	23,3
И тем, и другим в равной мере	37,1	41,32	42,1	30,72	29,49	36,3
Ни тем, ни другим	1,6	1,79	-	3,63	-	1,2
Всего	100	100	100	100	100	100

Однако иначе ответили респонденты на вопрос о том, все ли средства хороши для защиты интересов своего народа. Здесь картина несколько другая. *«Совершенно не согласных»* с такой постановкой вопроса уже меньше, чем в предыдущем вопросе (38,3; 45,9; 41,4 % соответственно). Суммарно ответы *«полностью согласен»* и *«частично согласен»* (48,2; 43,9; 43,3 %) превышают ответы *«совершенно не согласен»* так же, как и в среднем по выборке (соответственно 45,33 и 40,0 %). Отсутствие слова «насилие» в формулировке вопроса несколько «развязывает» руки респондентам. Даже в группе, где *«не имеет значение моя национальность»*, т. е. с невыраженным уровнем

этнической идентичности, наблюдалось превышение тех, кто согласен, что все средства хороши (табл. 44).

Таблица 42

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» по месту жительства, % опрошенных

Вариант ответа	Город	Село	Все население
Только гражданином Бурятии	4,3	8,4	6,0
Только гражданином России	16,7	15,6	16,2
Тем и другим, но больше гражданином Бурятии	14,8	19,8	17,0
Тем и другим, но больше гражданином России	24,4	21,8	23,3
И тем, и другим в равной мере	38,8	33,1	36,3
Ни тем, ни другим	1,0	1,3	1,2
Всего	100	100	100

Таблица 43

Распределение ответов на вопрос: «О возможности насилия, если допускается несправедливость в отношении моего народа» в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью согласен	Согласен частично	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	14	23,4	46,2	14,6	1,8
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	8,9	27,4	53,4	10,3	-
Для меня не имеет значения моя национальность	12,9	25,7	49,8	9,4	2,2
Затрудняюсь ответить	6,3	20,8	35,4	31,3	6,2
Все население	12,33	24,67	48,22	12,89	1,89

Свидетельствует ли это, о каком бы то ни было потенциале этнической мобилизации? Вслед за другими исследователями мы не хотели бы давать однозначный ответ на данный вопрос.

Таблица 44

Распределение ответов на вопрос: «Все ли средства хороши для защиты интересов моего народа» в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью согласен	Согласен частично	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	13,8	34,4	38,3	11,4	2,1
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	10,3	33,6	45,9	10,2	-
Для меня не имеет значения моя национальность	13,5	29,8	41,4	12,5	2,8
Затрудняюсь ответить	14,6	29,2	22,9	27,1	6,2
Все население	12,33	32,22	40	12,44	3,01

Со следующим утверждением, что насилие в межнациональных спорах недопустимо, полностью согласны большинство во всех трех группах с разным уровнем этнической идентичности (54,9; 58,9; 67,7 % соответственно). Интересно, что суммарный ответ *«согласен частично»* и *«совершенно не согласен»* больше всего в группе с выраженной этнической идентичностью – 31,1 %, меньше всего эта цифра в группе с невыраженной этнической идентичностью – 21,3 % (табл. 45).

Представляют интерес ответы респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы, что государству следует поддерживать культуру и религию большинства – русских?» Суммарные ответы *«полностью согласен»* и *«согласен частично»* во всех трех группах не превышают половины (41,8; 39,7; 36,3 % соответственно). А тех, кто совершенно не согла-

сен с этим утверждением, во всех группах больше (45,6; 50,0; 48,8 %) (табл. 46). При этом суммарные ответы *«полностью согласен»* и *«согласен частично»* среди русских составили 45,56 %, бурят – 21,68, представителей других национальностей – 34,88 %. Выбор *«совершенно не согласен»* сделали 68,58 % бурят, 48,84 % представителей других национальностей и 38,57 % русских.

Таблица 45

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что насилие в межнациональных спорах недопустимо» в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью согласен	Согласен частично	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	54,9	15,7	15,4	11,5	2,5
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	58,9	17,8	13,7	9,6	-
Для меня не имеет значения моя национальность	67,7	14,1	7,2	8,5	2,5
Затрудняюсь ответить	56,3	10,4	8,3	18,8	6,2
Все население	60,22	15,11	11,78	10,56	2,33

Таблица 46

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что государству следует поддерживать культуру и религию большинства – русских» в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью согласен	Согласен частично	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
1	2	3	4	5	6
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	17,9	23,9	45,6	10,8	1,8

Окончание табл. 46

1	2	3	4	5	6
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	13,7	26	50	10,3	-
Для меня не имеет значения моя национальность	12,2	24,1	48,9	12,3	2,5
Затрудняюсь ответить	10,4	25	25	35,4	4,2
Все население	14,78	24,33	46,56	12,44	1,89

На вопрос: «Должно ли государство поддерживать культуры и религии всех народов России?» больше всех выборов *«полностью согласен»* сделали представители группы с невыраженной этнической идентичностью (73,2 %), вариант *«совершенно не согласен»* набрал наименьшее количество выборов. Данные таблицы 47 подытоживают в целом раздел, рассматривающий влияние актуализированной этнической идентичности на межнациональное согласие. Это влияние не имеет негативного характера, причем не только в Бурятии, но и в масштабах России.

Таблица 47

Распределение ответов на вопрос: «Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России» в группах с разным уровнем этнической идентичности, % опрошенных

Вариант ответа	Полностью согласен	Согласен частично	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
1	2	3	4	5	6
Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	68,5	19,5	3,9	5,5	2,6
Я помню о своей национальности в определенных ситуациях	68,5	21,2	3,4	6,2	0,7

Окончание табл. 47

1	2	3	4	5	6
Для меня не имеет значения моя национальность	73,7	14,4	1,9	7,5	2,5
Затрудняюсь ответить	56,3	16,7	2,1	18,8	6,1
Все население	69,78	17,78	3	7,0	2,44

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что для населения республики характерны все черты и особенности, выявленные при изучении идентичностей в других регионах и по России в целом:

– субъективная значимость этнической идентичности высока среди представителей бурятской национальности, у лиц с высшим образованием и младшей возрастной группы от 18 до 29 лет;

– респондентам с высшим образованием присуще небезразличное отношение к своей этничности и этничности своего окружения. Социальный рост увеличивает интерес к своей национальности;

– актуализированная этническая идентичность у молодежи носит позитивный характер, несмотря на беспокойство по поводу незнания родного языка, угрозы его утраты. Большая информированность, широкий кругозор, большая открытость для общения, установления рабочих и семейных связей формируют позитивные установки по отношению к представителям других национальностей у молодежи;

– у бурят так же, как и у русских, несмотря на высокий уровень значимости этнической идентичности, хорошо представлена и общероссийская идентичность. Они не противоречат друг другу, что свидетельствует об осознании причастности к России, лояльности населения республики к государству и эмоциональной привязанности к стране.

2.6. Воспитание патриотизма как фактор сохранения межэтнической стабильности

Сложный постсоветский период развития страны привел к углублению социального неравенства и социальной дифференциации, девальвации духовных ценностей, повлиял на снижение у подрастающего поколения и молодежи позитивных установок к культурам других народов.

В соответствии с содержанием Федерального государственного образовательного стандарта всех ступеней образования, в котором духовно-нравственное развитие и воспитание определены как основные задачи современной образовательной системы, требуется повышение роли патриотического и интернационального воспитания детей и молодежи в современных условиях [5].

Поэтому в настоящее время актуализированы вопросы межэтнического воспитания, культивирования ценностей межнационального согласия и навыков межэтнического общения, формирования у подрастающего поколения высокого уровня гражданской активности и патриотизма.

Результаты проведенного нами анкетирования населения республики свидетельствуют о том, что для большинства патриотизм – это *«любовь к родному дому, городу, стране»* (65,56 %), *«гордость за принадлежность к своей стране»* (62,44 %). Для трети респондентов *«бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения»* (38,22 %), *«уважение к прошлым достижениям своей страны»* (30,78 %), *«верность национальной культуре, традициям, укладу жизни»* (31,89 %)**.** Четверть опрошенных считает, что патриотизм – это **«***стремление трудиться для процветания Родины»* (25,67 %), *«интернационализм, готовность к сотрудничеству с представителями других наций и народов в интересах своей Родины»* (24,0 %), *«уверенность, что своя страна лучше, чем другие страны»* (22,22 %). Наименьший процент ответов набрали варианты *«непримиримость к врагам своей страны»* (16,11 %), **«***патриотизм – это лишь романтический образ, литературная выдумка»* (2,67 %), *«патриотизм сегодня не актуален, не современен»* (4,33 %).

Большинство опрошенных (80,89 %) гордится Россией (*«определенно да»* (37,22 %) + *«скорее да»* (43,67 %). Хотя каждый десятый таких чувств не испытывает (7,67 % *«скорее нет»* + 2,44% *«определенно нет»*). Затруднились с ответом 8,78 %.

Наибольшую гордость вызывают победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (63,56 %), история страны (62,44 %), природные богатства (49,22 %), подвиги защитников Отечества (39,89 %), культурное наследие (37,11 %), большая территория страны (26,78 %). Наименее значимыми являются многонациональность страны

(21,89 %), достижения российской науки (20,56 %), положение России в мировом сообществе (18,78 %), спортивные достижения (18,89 %), принадлежность к своей национальности (15,22 %).

В исследованиях также ставилась цель выяснить консолидирующие идентичности населения республики. Соотношение общероссийской и региональной идентичности выявлялось с помощью вопроса, отвечая на который необходимо было определиться со своей самоидентификацией. Полученные результаты говорят о том, что исключительно региональная идентичность характерна лишь для 6,0 % опрошенных, которые чувствовали себя только гражданами Бурятии. Только гражданами РФ (общероссийская идентичность) ощущали себя 16,11 %. Двойственная идентичность в целом преобладала и была присуща 36,22 %, т. е. респонденты в равной мере считали себя как гражданами России, так и гражданами Бурятии. Тем и другим, но больше гражданами республики чувствовали себя 17,0 % опрошенных. И тем, и другим, но больше гражданами РФ ощущали себя 23,2 % респондентов. Ни тем, ни другим чувствовали себя только 1,1 % опрошенных.

С 1 января 2021 г. реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ», целью которого является воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций [6]. Срок реализации проекта – 4 года и принят он был в 2020 г. Содержание и основные положения этого федерального проекта соответствуют выводам, к которым мы пришли в ходе проведения социологических исследований по изучению межэтнических отношений и патриотического воспитания (2016–2020 гг. [124]), прежде всего в процессе общения с представителями образовательно-воспитательного пространства (детский сад, школа, ссуз, вуз, организации дополнительного образования, Министерство образования и науки РБ), выражавшими обеспокоенность и озабоченность накопившимися серьезными методическими, информационными и кадровыми проблемами в сфере воспитания межнационального согласия и патриотизма. Поэтому, несмотря на то что часть из обозначенных нашими экспертами (воспитатели, учителя, методисты, краеведы, преподаватели вузов – кандидаты и доктора наук, представители Министерства образования и науки Республики Бурятия, Центров

дополнительного образования) проблем будет решена в ходе реализации этого федерального проекта, тем не менее мы все-таки публикуем материал, который был собран в ходе бесед и обсуждений.

Начальник отдела науки и высшей школы Министерства образования и науки Республики Бурятия, кандидат исторических наук Б. С. Гыргенова предоставила статистические и социологические данные о деятельности министерства, направленной на патриотическое воспитание студенческой молодежи Бурятии: *«В настоящее время высшая школа в Республике Бурятия представлена 4 высшими учебными заведениями: ФГБОУ ВО "Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления" (ВСГУТУ), ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова" (БГУ), ФГБОУ ВО "Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова" (Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова), ФГБОУ ВО "Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусств" (ВСГИК). В вузах реализуются программы подготовки кадров по 50 укрупненным группам направлений подготовки бакалавров, 29 программам подготовки магистров и 9 – специалистов.*

Программы высшего образования также реализует Бурятский институт инфокоммуникаций – филиал ФГБОУ ВО "СибГУТИ", осуществляющий обучение по программам подготовки кадров с высшим образованием инженерно-технического профиля.

По данным вузов, общая численность обучающихся студентов по программам высшего образования на 01.01.2021г. составляет 19591 человек[1].

В университетах в 2020/2021 учебном году обучается 483 иностранных студента. Новые реалии, связанные с COVID-19, повлияли на уменьшение численности иностранных студентов (на 7 % по сравнению с 2019/2020 учебным годом).

Студенческая молодежь играет значимую роль по укреплению единства российской нации, сохранению этнокультурных традиций народов России, популяризации культуры межнационального общения среди подрастающего поколения. В соответствии с новым законом "Об образовании" во всех образовательных организациях респуб-

[1] См.: https://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/vysshee-obrazovanie/ (дата обращения: 06.06.2021).

лики ведется работа по обновлению программ воспитания, меняются методы и подходы в работе с детьми и студентами.

Вопросы патриотического воспитания студентов, организации воспитательной и образовательной деятельности высшей школы, цифровизации университетов становились предметом обсуждения в течение 2020–2021 годов на совещании у Главы Республики Бурятия – Председателя Правительства Республики Бурятия А. С. Цыденова, заседании совета ректоров вузов Республики Бурятия, рабочих встречах проректорского корпуса вузов. Кроме этого, в 2021 году на внеочередном заседании Антитеррористической комиссии при Правительстве Республики Бурятия после печально известных событий в Казани был рассмотрен вопрос по недопустимости вовлечения учащейся молодежи в массовые протестные публичные мероприятия, недопустимости распространения деструктивного поведения среди школьников и молодежи.

Министерством образования и науки Республики Бурятия по данному направлению проводится комплекс профилактических мероприятий среди молодежи:

– разработаны методические рекомендации по противодействию распространения идеологии "скулшутинга", буллинга и профилактике суицидального поведения среди детей;

– организовано обучение педагогических работников по выявлению маркеров суицидального и других видов отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних;

– организована работа круглосуточного телефона доверия для детей и подростков, прием звонков ведут квалифицированные психологи;

– Центром диагностики разработано мобильное приложение "Мой психолог";

– в школах разрабатываются программы по профилактике суицидального поведения среди детей и подростков: "Мы выбираем жизнь!", "Выбери жизнь", "Час жизнестойкости", "Я в будущем", "Я все могу!" и пр.

В марте-апреле 2021 года министерством проведено анонимное анкетирование педагогических работников, обучающихся школ с 7 по 11 классы, студентов СПО и вузов на предмет выявления и наличия криминальных субкультур в молодежной среде. В исследовании приняли участие 44214 человек, из них: студенты вузов – 4858 чел., СПО

– 8708 чел., школ – 30648 человек (7-е классы – 8458 чел., 8-е классы – 7317 чел., 9-е классы – 7339 чел., 10-е классы – 3948 чел., 11-е классы – 3586 чел.).

По итогам анкетирования в группу риска по просмотру негативного контента вошли 24,2 % обучающихся. К неформальным организациям обучающиеся относятся преимущественно нейтрально либо отрицательно. 5,9 % обучающихся испытывают неприязнь по отношению к представителям другой национальности. Поддерживают криминальную субкультуру 5,5 % обучающихся. Данные результаты свидетельствуют о необходимости проведения комплексной профилактической работы. В этой связи на региональном уровне утверждена новая Государственная программа по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних до 2030 года (Постановление Правительства РБ № 177 от 16.04.21)[2].

В каждом вузе Республики Бурятия утвержден план воспитательной работы, в соответствии с которым выстраивается комплекс внутривузовской работы. Анализ вузовских планов показал следующее. Большое внимание уделено проведению встреч, круглых столов, семинаров, культурно-просветительских и воспитательных мероприятий, в повестку которых включена антитеррористическая тематика. Ежеквартально студенты, в том числе иностранные студенты, принимают участие в творческих мероприятиях, направленных на межнациональное согласие и пропаганду традиционных российских духовно-нравственных ценностей. С учетом ограничительных мер мероприятия среди студентов в 2020 году проходил в дистанционном формате[3].

Приоритетными направлениями работы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, на мой взгляд, являются:

– участие вузов Республики Бурятия в грантах на получение субсидий по линии Росмолодежи на проведение широкомасштабных мероприятий;

– сохранение преемственности поколений через проведение мероприятий с участием ветеранов войны и тружеников тыла;

---

[2] По материалам текущего архива Министерства образования и науки Республики Бурятия за 2021 г.

[3] По материалам Совета проректоров по воспитательной работе вузов Республики Бурятия за 2020–2021 гг.

– подготовка студентов к военной службе. На базе ФГБОУ ВО ВСГУТУ успешно осуществляет деятельность военный учебный центр, курсанты которого наряду с гражданскими специальностями получают военные специальности;

– привлечение студентов в поисковую и волонтерскую деятельность;

– развитие студенческого спорта».

Далее идут цитаты наших экспертов, обозначенные в ходе интервью об основных проблемах патриотического воспитания и межнационального согласия в республике.

Подходы к пониманию патриотизма и его воспитанию

По мнению экспертов, патриотизм – сложная и многоуровневая для понимания категория, а многозначность трактовки понятия «патриотизм» вызывает в свою очередь проблемы при реализации образовательно-воспитательной работы, требуя четких ответов на такие вопросы, как чему учить, как учить и зачем учить, учитывая при этом, что принятые на уровне государства доктринальные документы являются основным ориентиром для привития ценностей патриотизма молодому поколению.

«Нет консолидированного понимания, что такое патриотизм, и без вот этой базовой категории мы не сможем патриотическое воспитание развивать, если фундаментальной основы нет. На мой взгляд, патриотизм – это, прежде всего, ответственность за судьбу своего государства, его сохранение и развитие. Вот это и есть патриотизм» (к. и. н., председатель Совета научной молодежи БНЦ СО РАН).

«На уровне государственной политики мы имеем не до конца сформулированную концептуальную модель, которая не очень-то хорошо, внятно выражена в целях, которые нужно сформулировать. Если мы говорим о любви к Родине, это же сложно очень привить. Нас всех с детства учили любить что-то, но любовь – это же чувство, а чувствам научить нельзя, как на уроках литературы говорят об этом. А вот если прагматично подходить, то нужно разбить патриотизм на какие-то более рациональные компоненты и не оперировать иррациональными. И вот здесь как раз проблема возникает…» (д. соц. н., доц. кафедры политологии и социологии БГУ).

«Патриотизм – это, конечно, идеология. Ее нельзя построить в отдельно взятом месте, она должна быть вкупе с последними патриотическими веяниями в России… И очень важен научный подход, а не финансирование по остаточному принципу. А так получается чистый энтузиазм педагогов и воспитателей» (зам. директора ГБОУ СПО «Бурятский республиканский индустриальный техникум, активист ОНФ).

«Проблема в непроработанности понятия патриотизма в том, что у детей и педагогов нет возможности, нет каких-либо материалов, на основе которых они могли бы говорить, чем мы можем гордиться. Воспитание патриотизма – это дело добровольное, педагогу нельзя вменить это, это не оплачивается, это идет от души. Провели опрос в школах недавно: кем вы себя видите через 20 лет. Более 40 % сказали, что не видят себя в Бурятии и даже в России. Вот вам и патриотизм. Что я в этой Бургундии делать буду? Это школьники сказали, старшеклассники. Мое предложение, должно быть какое-то единое, объединяющее начало, как, например, пионерская организация» (педагог дополнительного образования МБУ ДО «Дом творчества Октябрьского района г. Улан-Удэ»*).*

«Патриотизм – это, прежде всего, ответственность за судьбу своего государства, его сохранение и развитие, потому что любовь к Родине может привести к революции, если она нацелена на какие-то другие приоритеты. Вот это и есть патриотизм ... на методы работы нужно очень хорошо посмотреть, их идеологическое наполнение. Например, проведение военно-патриотических игр без понимания того, что мы хотим воспитать, может привести к тому, что мы формируем будущих, грубо говоря, наемников с очень хорошей подготовкой. Развитие спорта в качестве механизма развития патриотизма, поддержки патриотизма без идеологической составляющей, без идеологического наполнения тоже может привести к совершенно обратному результату» (к. и. н., председатель Совета научной молодежи БНЦ СО РАН).

«… В советской школе патриотизм и дружба народов не были пустым звуком. Сегодня мы сталкиваемся с последствиями печальных девяностых годов, когда понятие патриотизма потеряло значимость, и в школу приходит дети, родители которых воспитывались именно в девяностые годы. И у них есть проблема с пониманием

патриотизма и его значимости…» (зам. директора по воспитательной работе МАУ «СОШ № 40» г. Улан-Удэ).

«… Как повысить эффективность воспитательной политики и воспитания патриотического? Ну, вот у меня такой ответ: изначально нужно разработать конкретную, измеряемую модель патриотизма для того, чтобы мы имели цель и, соответственно, те результаты, к которым мы должны стремиться, и показатели, которые мы можем измерять. Хотя как измерить чувство к Родине? Это сложно. Значит, нужны другие показатели, и ответственность в этом смысле тоже очень хороший показатель» (д. соц. н., доц. кафедры политологии и социологии БГУ).

«Необходимо самосознание изменять, это проблема самого общества, у нас добро смешалось со злом, у нас положительными считаются отрицательные герои, совершенно произошла подмена ценностей…» (учитель начальных классов МАОУ «СОШ № 25» г. Улан-Удэ).

Эксперты считают, что патриотизм становится реальным в сознании молодежи, когда она непосредственно вовлечена в эту работу, становится не просто объектом воспитательной работы, а ее непосредственным субъектом, несущим ответственность.

«Есть конструктивный пример Израиля. Там, когда дети идут в школу, они высаживают деревья, и на протяжении школьной жизни они следят за этим деревом. Они не могут спилить дерево, отправить в Китай, потому что Китай далеко, а во-вторых, законодательство гораздо жестче. То есть они участвуют в развитии своей страны с малых лет и на протяжении 11 лет они заботятся о посаженном дереве. Вот это та модель патриотизма, которая реально формирует ответственность человека» (к. и. н., председатель Совета научной молодежи БНЦ СО РАН).

Большинство экспертов указывали на то, что работа по патриотическому воспитанию детей ведется несмотря на ряд существенных проблем. Однако для образовательных учреждений республики разного уровня необходимо четко определить понятие «патриотизм» и его содержательное наполнение, разработать количественные и качественные индикаторы эффективности любого проведенного мероприятия. Эксперты выражали обеспокоенность тем, что в настоящее время нет единых сопоставимых показателей, в результате чего невозможно свести воедино отчетность разных организаций, занимающих-

ся воспитанием патриотизма и культивированием ценностей межэтнического согласия.

В ходе обсуждений также была отмечена однобокость патриотического воспитания, отчасти его направленность на милитаризацию.

«Какие есть проблемы? Первое – отсутствие четких индикаторов эффективности любого проведенного мероприятия. Мероприятие проводится для мероприятия. То есть красивая существует картинка проведения футбольного матча, а какой от него эффект в развитии патриотизма, замерить никто не может. Что после этого мероприятия произошло в принципе? Никто и не задавался даже таким вопросом. Если задавался, то четко оценить не было ни инструментов, ни возможности. Второе. Сегодня в государстве в целом идет запрос на идеи милитаризма, то есть патриотизм в первую очередь связан с военной тематикой, с военизированным государством… То есть существует проблема на государственном уровне, что нет, действительно, четкого определения, четкого подхода, что такое патриотизм, в каком направлении развиваться. В целом все мероприятия, которые проходят, они сводятся к воспитанию, каким-то воспитательным мерам. Непонятно, в лапту играли, по параду прошлись, а с какими чувствами, не выяснено. Необходимо все-таки понять, на что мы будем опираться, и разработать хотя бы на региональном уровне индикаторы» (д. соц. н., доц. кафедры политологии и социологии БГУ).

Необходимость взаимодействия образовательных учреждений с семьей

По мнению экспертов, воспитательная работа становится результативной только при взаимодействии учреждений образования с семьей, поскольку среди различных социальных факторов, влияющих на становление личности, одним их важнейших является институт семьи. То, что человек приобретает в семье, он сохраняет в течение всей своей последующей жизни. Для современного общества характерен кризис семьи, который выражается в том, что семья все менее эффективно реализует свою главную функцию – воспитание детей. Хотя известно, что первичная социализация проходит в семье и для многих детей именно она остается основной референтной группой. А отстраненность от воспитания базовых национальных ценностей в

семье нередко ведет к Интернет-социализации молодежи, связанной со множеством рисков и угроз не только для отдельного молодого человека, но и общества, если эта социализация происходит в деструктивном ключе [166].

Именно семья и школа – самые важные институты, формирующие ценностную структуру личности на этапе ее социализации в детско-юношеском возрасте.

«*Есть проблема работы с семьей. Обязательно должна быть работа с семьей, одна из первых»* (старший воспитатель МБДОУ № 35 «Алые паруса» г. Улан-Удэ). *«Опыт работы с семьей важен, культура зарождается именно в семье, должна быть работа с семьей, с родителями, у нас механизмов воздействия на семью не так уж и много…»* (учитель начальных классов МАОУ «СОШ № 25» г. Улан-Удэ). *«Если ты уважаешь своих предков, то уважаешь ту историю, с которой они вошли в твою семью. А семья – это важная составляющая страны и народа. Это касается любой национальности…»* (зам. директора ГБОУ СПО «Бурятский республиканский индустриальный техникум», активист ОНФ).

Проблема взаимодействия учреждений, осуществляющих работу патриотической и интернациональной направленности

Воспитание патриотизма и навыков межэтнического общения является частью образовательного процесса в ссузах, вузах, учреждениях дополнительного образования, дошкольных учреждениях, спортивных клубах и секциях, молодежных объединениях. Существует необходимость их актуализации как субъектов патриотического и интернационального воспитания, поддержки пунктов и программ деятельности в работе с подрастающим поколением, повышение роли всех типов образовательных организаций в воспитательной работе по культивированию ценностей межнационального согласия и формированию патриотических убеждений.

Желательно, чтобы работа строилась на основе кооперации деятельности всех образовательных учреждений независимо от уровня и профиля совместно с общественными организациями и политическими институтами. Поддержка данного направления со стороны государства в лице конкретных органов исполнительной и муниципальной власти может выражаться в создании условий для проведения

мероприятий, методическом обеспечении (выпуск специальной литературы, пособий, проведение научных мероприятий, круглых столов, семинаров), координации деятельности различных институтов и организаций, информационной поддержке, популяризации идей в СМИ и Интернете.

«Проблема есть в том, что нет общих мероприятий для дошкольников с разных садов города. Например, если бы разные национальности показывали свои традиции. Мы за взаимодействие с другими учреждениями культуры, туристическими учреждениями, но, как правило, они работают с более взрослыми детьми и молодежью, не с дошкольными учреждениями. Хотя в основном в дошкольном возрасте все закладывается» (воспитатель детского сада при МАОУ «СОШ № 63» г. Улан-Удэ).

«Вот в отношении технологий я думаю, что, действительно, любая коммуникация возможна только тогда, когда приходят к какому-то консенсусу, когда люди открыты, когда они знают и понимают, с кем встречаются. Вся тема межкультурного образования должна строиться в большей степени на взаимодействиях. Например, у нас есть Дом дружбы. Туда студенты с удовольствием ходят на встречи землячеств, вот мы ходили на татарское землячество, оно самое сильное. И здесь получается обучение равного равному, представители землячеств рассказывают о своей культуре, традициях, угощают едой. После этого студенты выходят заинтересованные. После встречи с татарским сообществом они теперь знают все мусульманские праздники. Мы недавно сходили в православную церковь, были в дацане, а на следующей неделе пойдем в мечеть. Должны были на прошлой неделе пойти, но студенты сказали, там же Ураза началась, уже сами знают праздники…» (к. филос. н., зав. кафедрой ВСГУТУ).

Также следует активнее привлекать частных лиц и некоммерческие организации. В результате совместная деятельность с ними может принимать различные формы, обладающие высокой степенью эффективности при решении задач воспитания подрастающего поколения и молодежи – массовые мероприятия и фестивали, развитие системы грантов, клубные формы, включающие досуговые и праздничные мероприятия, проведение творческих конкурсов, телевизионные передачи о творческих инициативах некоммерческих организаций, организация информационно-ресурсных центров для предостав-

ления консультаций по вопросам истории и культуры народов Бурятии, постоянно действующая площадка для проведения тренингов, выпуск изданий, информационных материалов, баннерная реклама.

По мнению экспертов, проблемой является то, что патриотическое воспитание находится в ведении разных ведомств, что приводит к отсутствию реальных результатов и системности.

«Раньше были психологи, сейчас их нет, еще есть проблема, что у нас в районе много социальных институтов, разных организаций государственных, которые занимаются схожими мероприятиями. Но между ними нет взаимодействия. То есть библиотека, школа искусств, детский сад, дополнительные учреждения, не считая института семьи, и каждый из нас занимается со своей программой, каждый разрабатывает свои мероприятия. Я всегда призываю проводить совместные мероприятия, одно большое мероприятие, которое будет запланировано с начала учебного года. То есть существует проблема сетевого взаимодействия» (старший воспитатель МБДОУ № 35 «Алые паруса» г. Улан-Удэ).

При организации работы по патриотическому воспитанию желательно основываться не только на «героизации» прошлого, поскольку эти мероприятия подчас носят разовый характер и бывают приурочены к конкретным датам и, соответственно, воспитательный эффект получается слабым. Необходимо наполнение данного направления воспитательной работы гордостью за настоящее. К сожалению, социально-экономический кризис способствует росту негативного социального самочувствия у большинства населения, в СМИ и Интернете часто присутствуют отрицательные оценки действительности. Тем не менее достижения современной науки, культуры, спорта, медицины достойны того, чтобы молодежь и подрастающее поколение знали о них и могли гордиться.

В связи с тем что патриотические убеждения формируются на исторической памяти, возможно, следует расширять пространственно-временной и культурный ландшафты в организации воспитательной работы, внедрять понимание того, что патриотизм и межнациональное согласие основываются на знании истории и современности, этнокультурного многообразия Российского государства, Республики Бурятия, малой Родины.

Необходимость разработки методических и информационных материалов

В целом говоря о проблемах в области образовательной и воспитательной работы по культивированию ценностей межэтнического согласия и патриотизма у детей и молодежи, формах и методах их решения, многие эксперты отмечали проблемы методического, информационного, финансового и кадрового характера, слабую координацию деятельности и небольшое количество общих массовых мероприятий, важность методического обоснования и обеспечения воспитательной работы.

«Существует проблема методического оснащения мероприятий, то есть по сути-то мероприятия педагог может провести, вопрос в том, как он проводит? У него должно быть методическое обоснование, то есть методическая программа. Что происходило в "Орленке", в "Океане" в советское время? Со всей страны туда были собраны лучшие умы, у них был мощный методический отдел, но потом это переросло в то, что люди просто брали вот эти творческие наработки молодых педагогов и транслировали, раздавали по всей стране. Другие педагоги, которые хотели работать, допустим, по новым направлениям, брали периодические методические пособия и проводили занятия» (зам. директора ГБОУ СПО «Бурятский республиканский индустриальный техникум», активист ОНФ).

«Методических разработок не хватает именно в системе дополнительного образования. Своими силами все получается на примитивном уровне и некачественно. Получается не массово, другие учреждения не могут этим пользоваться. Согласна, что необходимо что-то единое для всех, но пока мы работаем только через мероприятия, больших глобальных мероприятий у нас в системе дошкольного образования нет, в городе отдельно бывает Масленица, Сагаалган. Можно было бы что-то сделать такое же глобальное для дошкольных учреждений. Народу было бы много, все бы смотрели» (воспитатель детского сада-школы № 63 г. Улан-Удэ).

«У нас в детском саду обычно эта работа ведется в рамках кружка или проекта, и воспитатель сам выбирает себе ее. Воспитатели стараются привить межэтническое согласие и патриотизм, тем не менее есть проблемы информационные, не хватает информационных материалов и методических пособий и большие фи-

нансовые проблемы, также есть кадровые проблемы» (старший воспитатель детского сада-школы № 63 г. Улан-Удэ).

«Существует историко-культурный стандарт, например как у историков, и мы обязательно его учитываем в преподавании истории. В нем все прописано через предмет истории, через формирование межличностных отношений. Это документ на сегодня есть, и он обязателен к исполнению. И здесь хотелось бы именно информационной и методической поддержки» (зам. директора по воспитательной работе МАОУ «СОШ № 40» г. Улан-Удэ).

«…Результаты наших исследований показывают, что в вузах республики ситуация благополучная, в то время как в средних специальных учебных заведениях дети отвечают, что конфликты на межнациональной почве возникают прямо внутри самого учреждения, а не только за его пределами, причем, что нас очень насторожило – даже во взаимоотношениях преподаватель – студент… На сегодняшний день мало методических разработок для педагогов по профилактике межнациональных конфликтов, по формированию толерантности к представителям других национальностей. Уверена, что если грамотно работу эту выстроить на планомерной целенаправленной основе в ссузах, то в этом случае результаты будут совершенно другими… Спустя три года после того как нами были внедрены и распространены методические пособия в вузах, ситуация начала меняться в лучшую сторону, и педагоги стали включаться в разработку этих методик, но вот в средних специальных учебных заведениях пока работа не так хорошо поставлена...» (д. социол. н., преподаватель ВСГИК).

По мнению экспертов, существуют стереотипные представления о бездеятельности молодежи, ее нежелания вникать в суть патриотизма и участвовать в воспитательных мероприятиях. На самом деле апатичное отношение вызвано скорее устаревшими формами мероприятий, нехваткой информированности и тем, что большинство из них проводится ради галочки.

«По вопросу о памятниках, вспоминаем их только когда проходят какие-то празднования, например 9 Мая. А вот в такие обычные дни просто не вспоминаем. Говоря о студентах и школьниках, хочется заметить, что они просто не знают даже фамилии героев, не могут назвать. Больше информирования нужно, необходимо проводить больше экскурсий, показывать специальные фильмы, потому что на

слух плохо все воспринимается» (к. тех. н., председатель института кураторов ВСГИК).

«По патриотическому воспитанию не хватает информированности. Сейчас современного студента трудно заставить идти на какой-нибудь митинг или парад, он просто будет стоять. У нас очень хорошая молодежь, единственное, вот когда мы собираем их на митинги, конечно, тут приходится организовывать, но, когда они стоят, играют в телефон, это уже тоже показатель, что это им не интересно, то есть нужно менять формы. Когда выступающие говорят на президиуме, а внизу стоят и ничего не слышно, значит, надо менять формы проведения на более популярные и современные. Вообще существует пожелание – в школу вести именно краеведческие вещи, в рамках занятий, то есть надо активно ездить по республике хотя бы, у нас очень хорошие турагенты, которые предлагают грамотные туры» (к. социол. н., доц. кафедры социально-культурной деятельности ВСГИК).

Недостаточность специализированных кадров для ведения работы по патриотическому воспитанию

Проблема с методическим оснащением тесно связана в свою очередь с проблемой кадровой. В ходе обсуждения подчеркивалось, что работы по патриотическому воспитанию проводятся благодаря усилиям энтузиастов, как правило, педагогов старшего поколения, которые приобрели свой опыт еще в советское время.

«Этой работой – экскурсионной, туристической, связанной со знакомством с родным краем и республикой, в основном занимаются энтузиасты. Когда нет государственной поддержки, не каждый пойдет, оставив свою семью, в эту работу. Эта работа должна иметь государственную финансовую поддержку. А без нее мы все потеряем» (педагог дополнительного образования МАОУ ДО «Дом творчества Советского района г. Улан-Удэ»).

«У нас в допобразовании мы работаем так, как сами решим. В прошлом году я, как социальный педагог, занималась профилактикой негативных тенденций у детей, в этом году – другим, меня интересует все. У нас не хватает педагогов, которые бы занимались конкретными направлениям. Поэтому мы вынуждены заниматься всем понемногу, хватаемся за все, потому что с нас требуют, чтобы мы

проводили, занимались этим, выполняли работу свою» (старший воспитатель МБДОУ № 35 «Алые паруса» г. Улан-Удэ).

Деструктивное влияние Интернета и социальных сетей на молодежь

Эксперты выражали обеспокоенность деструктивным влиянием Интернета и социальных сетей на молодежь.

«… Такой важный вопрос, как коммуникации в Интернете молодежи. Молодежь не смотрит телевизор, не читает газеты, но она сидит в Интернете. Инстаграм – одна из самых актуальных на сегодняшний день социальных сетей, и там на сегодняшний день, по некоторому анализу, есть очень серьезные предпосылки к тому, что существует некая группа, которая заводит неприятные разговоры и привлекает к этому контексту огромное количество людей, в том числе молодых и не очень молодых, которые высказываются, и контекст этой беседы он неприятный. Последствия будут какие-то не очень хорошие, поэтому этот вопрос, мне кажется, тоже нужно дополнительно проработать…» (к. социол. н., доц. кафедры социально-культурной деятельности ВСГИК).

«…Соц. сети – это вопрос будущего. Мы не можем заставить молодежь не сидеть в них. Но мы можем объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Это колоссальный пласт работы … как они сейчас поймут нас, так мы будем жить и, естественно, многие педагоги процессу воспитания фактически не уделяют внимания, нужно делать акценты на каждом предмете по этому вопросу (к. социол. н., ИМБТ СО РАН).

«… Если думать на перспективу, то могут возникнуть проблемы и подтверждение тому – недавний инцидент в Москве. Все мы знаем, как это может быть, потому что одна видеозапись может взбудоражить общество, может быть детонатором социального взрыва, социальные сети, месседжеры могут способствовать распространению информация очень быстро и этим могут воспользоваться не те силы, недобрые силы и это может как раз стать причиной того, что ситуация в сфере межнациональных отношений может резко ухудшиться. Это может дать трещину, это реальная угроза, потому что любая ситуация может стать причиной такого раскола. Поэтому важно нашим властям, тем, кто отвечает за методику и методологию по данному направлению, продумать балансирующие

меры, которые можно применять в социальных сетях, особенно для молодежи, потому что одно дело то, что слушают дети, но если они целенаправленно что-то ищут в социальных сетях, то это очень важный момент, то есть, когда они желают целенаправленно получать информацию, то это уже совсем другой эффект… поэтому очень важно работать на опережение…» (к. социол. н., преподаватель БГУ).

Язык вражды в СМИ при освещении межэтнических отношений

Была поставлена проблема трансляции журналистами в СМИ языка вражды в освещении тем межэтнических отношений и конфликтов.

«…На нашей кафедре есть специальность "Медиакоммуникации", мы готовим специалистов по рекламе и связям с общественностью, журналистов. У нас все время идет контент-анализ СМИ и как раз разносчиком идей межнациональной розни очень часто выступают, к сожалению, журналисты. Это некорректный язык, так называемый язык вражды, и неумение подавать тему межэтническую. Социальные сети, все-таки, от СМИ отличаются анонимностью и какой-то безответственностью, а вот СМИ и, соответственно, журналисты как профессионалы, они должны нести ответственность, вот в этом отношении Гильдия межэтнической журналистики, которая существует в России, возглавляет ее Маргарита Лянге, они в свое время с Баярмой Дондоковной Раднаевой открыли у нас филиал и выбрали нашу кафедру площадкой Гильдии межэтнической журналистики и у нас есть в учебном плане "Межэтническая журналистика", и там как раз они приглашают всех, объявляя это публично, на открытие занятий каждый год в первом семестре у нас набирается группа. Первые годы у нас учились журналисты, работающие, практикующие приходили, сейчас остались одни только наши студенты… Анализируя тексты СМИ, мы приходим к выводу, причем сами студенты приходят и удивляются, видя такой результат, как так получается, мы на самом деле так не размышляем и так не говорим, но почему в процессе интервью, какого-то репортажа у журналиста может неожиданно выйти какой-то такой вывод и какие-то неожиданные такие конфликтсоздающие ситуации. В этом направлении мы сейчас работаем активно и в прошлом году у нас защитила дипломница работу «Язык вражды», исследование проводилось два

года, контент-анализ СМИ, и мы пришли к выводу о том, что язык все-таки изменился, нет прямого языка вражды между бурятами и русскими, здесь этой проблемы нет, но он активно сейчас присутствует в отношении мигрантов из Средней Азии, даже к выходцам из Закавказья этого меньше. Сами помните, киргизский конфликт, который был с Боевым братством, затем несколько конфликтов небольших, которые не вышли никуда, но они тоже в СМИ освещались, это были конфликты на Элеваторе, я так понимаю, там активно узбекская диаспора присутствует, в количественном плане много проживают, с киргизами еще раз там тоже были какие-то конфликты, и с таджиками. Как раз на этих сконцентрировавшись, студент писала диплом о языке вражды по отношению к мигрантам, выходцам из Средней Азии. И эта проблема действительно очень остро стоит. Мы сами были в шоке, не сталкиваясь с этим, не видим, а оказывается, журналист он реагирует, всегда на любую активность какую-то, он приезжает, он вынужден это освещать и он хочет или не хочет, но он все равно оказывается в ситуации лингвистических ножниц, что он начинает использовать этот язык вражды. То есть в этом отношении у нас эта межнациональная проблема реально активно действительно существует. Ну а в остальном, если говорить о традиционно присутствующих этносах на территории Бурятии, то вот как раз в СМИ это наблюдается и социальные сети мы мониторим, у нас студенты работают, это в будущем будет называться "медиаполиция", когда радиочастотный центр занимается исследованием пока только экстремизма и терроризма по антитеррористической программе. Наши студенты проходят там практику и занимаются мониторингом социальных сетей. На АРД и на каких-то сайтах возникает эта тема, ну это постоянно одни и те же лица, у них уже какие-то свои личные отношения, они постоянно какую-то тему обсуждают и муссируют, а вот так вот, чтобы говорить о том, что у нас тяжелая какая-то внутри традиционно существующих, проживающих на территории Бурятии этносов проблема, этого мы не выявляем. Но в отношении приезжих мигрантов из Средней Азии у нас очень реальная действительно существует проблема. Мы учим не только журналистов, на межэтническую журналистику приводим и пиар-специалистов, потому что все они будут работать в государственных органах власти и пиар-

специалист должен владеть языком, знаниями, нормами, все, что входит в компетентность специалиста массовых коммуникаций. ... Гильдия с позапрошлого года подготовила базу данных, это контент по межэтнической тематике, то есть все тексты, которые пишут гильдийцы, которые входят в Гильдию во всех регионах, они туда их в свободный доступ запускают на этот сайт, и они читают лекции... И это такое хорошее, практически ориентированное и воспитательное, и профессиональное обучение (к. филос. н., зав. кафедрой ВСГУТУ).

Ограниченность финансирования воспитательной работы по культивированию патриотизма и ценностей межнационального согласия

Консолидированное мнение экспертов состояло в том, что мероприятия, которые проводятся в рамках воспитательной работы по культивированию патриотизма и ценностей межнационального согласия, требуют значительных финансовых и материальных ресурсов. А грантовые конкурсы, к которым обращаются педагоги, единовременны и недостаточны, поэтому необходима системная поддержка со стороны органов государственной и муниципальной власти.

«Государственная поддержка сейчас практически полностью отсутствует в таком направлении, как детский туризм…. Если в Советском Союзе это было планово, на уровне государства, то сейчас такая практика отсутствует… Учителя все стараются делать, воспитатели, педагоги допобразования, но без господдержки мы не можем развивать это полноценно» (методист Республиканского детско-юношеского центра патриотического воспитания, туризма и спорта).

Необходимость реализации принципа системности

Несмотря на существующие проблемы, следует признать, что работа по патриотическому и интернациональному воспитанию на всех ступенях образования в Бурятии в целом ведется, однако осуществляется она недостаточно, не комплексно и не системно, без оперативного изучения и учета ее результативности, эффективности и конкретного влияния на детей и молодежь, ограничиваясь проведением отдельных мероприятий. Основные проблемы, которые можно выде-

лить, – недостаток научного, методического, кадрового, информационного, финансового обеспечения этой деятельности, а также отсутствие необходимого взаимодействия учреждений образования друг с другом, учреждениями культуры, туризма, государственными и муниципальными учреждениями, национально-культурными центрами. Целевой аудиторией для работы по патриотическому воспитанию, формированию навыков межэтнического взаимодействия и согласия, а также сохранения исторического и культурного наследия региона являются дети и молодежь.

Отсутствие системности и постоянства ведут к ослаблению патриотического воспитания и акцентированию на отчетных количественных показателях по проведению отдельных мероприятий, приуроченных к памятным датам. Поэтому в настоящее время следует обратить внимание на качество работы по воспитанию патриотизма с пониманием конечной цели воспитания, ориентированной на формирование у подрастающего поколения истинных патриотических убеждений и ценностей.

«Я вот сейчас слушаю, но все говорят в основном о мероприятиях, а мне кажется, необходимо подходить более системно и развивать детское движение. Это движение должно охватывать всю жизнь ребенка через желание самого человека. Но у нас получается, что есть вертикаль власти, нам спускают задание, а мы выполняем, и часто получается, что мы проводим мероприятия для галочки. Отметили – молодцы, какие-то вопросы решили нравственные, образовательные и воспитательные. Надо разделить два понятия: "образование" и "воспитание". Воспитание – это развитие нравственных качеств, образование – обучение знаниям. Что у нас есть в школе? У нас есть факультативные мероприятия. Все-таки должна быть четкая сцепка образовательной и воспитательной работы, потому что это очень хорошо работает не только на уроках истории именно в области патриотизма, межэтнических отношений, но и на уроках физики и химии, например, когда мы говорим о полете в космос или о 9 Мая. Второе – это, конечно же, школьный музей. У нас дети ежегодно реализуют годовые проекты и находят очень много интересных вещей, роются в семейных архивах, родители им помогают, сдают в музей какие-то вещи, это ведь тоже патриотизм. Но это работа не одного дня. Важно коллективное творческое дело, ежемесячное, которое может стать событием для всей школы. И наибо-

лее эффективен деятельностный подход» (учитель начальных классов МАОУ «СОШ № 25г. Улан-Удэ»).

«*Для популяризации этнических культур обществом предоставлено сейчас множество способов. Другой вопрос, пока что эти возможности плохо и мало используются. К сожалению, в этом вопросе нет системы ни со стороны НКЦ, ни со стороны государства. Упоминания о культурах мы встречаем от случая к случаю, в системном блоке находятся преимущественно бурятская и эвенкийская культуры. Если основная масса населения ничего об этом не слышит, не видит, не читает, откуда появится интернационализм? Реальную практику, успешную или нет, не обобщают и не доводят до сведения населения. Может быть, в отчетах что-то и есть, но кто читает эти отчеты, лишь единицы граждан, а надо, чтобы все общество знало об этом. Здесь нужен научный подход на уровне исследования, заключения и рекомендаций. Без этого никакой аккумуляции инициатив общественных организаций и частных лиц в области настоящего развития и популяризации этнических культур не будет* (президент РОО «Центр изучения культуры», заслуженный учитель РФ).

Предложения экспертов

«Вернуть “Зарницу”, и чтобы “Орленок” стал ее продолжением. Порой приходят очень сложные дети, но так раскрываются на “Зарнице”, и все эти акции: Бессмертный полк, Георгиевская ленточка, Красная гвоздика – их придумали умные люди. Порой детей и родителей не узнаешь, душа радуется за них» (зам. директора по воспитательной работе МАОУ «СОШ № 40 г. Улан-Удэ»).

«Наверное, могут программы специальные существовать, чтобы дети знали свой родной край, у нас туризм развивается, но больше думают именно о внешних туристах, а не о собственных, о собственных детях не думают, о них никто не говорит. И еще у нас в городе есть два замечательных театра народных: “Байкал” и “Забава”. Это два шикарных коллектива, и билеты на них стоят дорого, я могу себе позволить купить, и когда прихожу, думаю, вот бы здорово было привести сюда детей. Но дети такую стоимость с родителями не могут потянуть, мы их и так в театр водим, мы стараемся по разным мероприятиям водить» (учитель музыки МАОУ «СОШ № 40 г. Улан-Удэ»).

«*Должна быть общая какая-то идея, общее объединяющее начало, от которого можно было бы оттолкнуться. Все проводим разные мероприятия, но нет какого-то общего, которое охватывало бы разные направления. Дети любят яркость, красочность, такие праздники, как Масленица, Сагаалган, фестиваль "Единство разных", "Венок дружбы". Это все запоминается в процессе праздника. В игре дети больше узнают, чем мы можем давать на уроках. Когда мы говорим, что нужно всех любить и уважать, это совсем не воспринимается. А вот в таких культурных мероприятиях это происходит»* (педагог дополнительного образования МБУ ДО «Дом творчества Октябрьского района г. Улан-Удэ»).

«Игры-путешествия, познавательные игры, но не надо исключать круглые столы, на которых можно позаимствовать опыт других учреждений, друг у друга, то есть старые формы необходимо также умело использовать и необходимо выходить на международный уровень, это также немаловажно» (педагог дополнительного образования МБУ ДО «Дом творчества Октябрьского района г. Улан-Удэ»).

«Я послушала всех своих коллег и думаю, что, действительно, нужна программа единая на государственном уровне. Типовая, воспитательная, очень хорошая идея российского детского движения школьников. У них очень много направлений, куда ребенок захочет идти, в том числе и патриотическое воспитание. Новые детские общественные организации на государственном уровне – очень хорошее дело, надо продолжать взаимодействие с государственными и муниципальными учреждениями» (старший воспитатель МБДОУ № 35 «Алые паруса» г. Улан-Удэ).

«Я в свое время работала в республиканской туристической станции, и была такая экспедиция "Моя Родина – СССР". Почему бы сейчас не делать экспедицию "Моя Родина – Россия". Эта экспедиция имела пять-шесть направлений. Это была летопись Великой Отечественной, родословная, истоки культуры, будни великих строек, дети ходили в туристические походы, и это было объединяющее начало. Дети, сами экскурсоводы ходили в походы именно с краеведческой целью, не просто с туристско-спортивной целью. Ребята собирали разную информацию о ветеранах, о представителях первых строек. Сейчас я спрашиваю, чем вы гордитесь? И дети просто сто-

ят и смотрят. Спрашиваю, у вас есть мечта? Есть. Купить телефон. Что на это скажешь? Раньше они собирали материал, материал сдавали в музей в краеведческий. 42 школа гордится своим музеем, в сельской местности было много музеев, дети гордились этим, своей малой Родиной. Я считаю, что должно быть какое-то объединяющее начало, как например, была пионерская организация» (педагог дополнительного образования МБУ ДО «Дом творчества Октябрьского района г. Улан-Удэ»).

«Я периодически провожу научно-популярные лекции в вузе, иногда в школах… Думаю, что необходимо развивать общие мероприятия сезонные созидательного характера, объединяющие разные этнические группы, например сейчас, в весенний период посадки саженцев осуществить, они же объединяют, в первую очередь молодежь. И если в дальнейшем ухаживать будут и поливать, это все объединяет, то есть создаются общие точки соприкосновения. То же самое с приходом зимы – можно сделать сбор вещей для малоимущих, это объединяет, каждый может свои какие-то вещи принести, такие созидательные практики помогут способствовать сохранению межнационального мира. Нужно изучать литературное наследие – русское, бурятское, среднеазиатское наследие. Есть такое произведение "Зерцало мудрости", там очень много и про межнациональное согласие, что нужно жить в мире и учиться друг у друга. В русской культуре тоже много есть сочинений. Те же пословицы, поговорки, у казахов тоже есть, слова-назидания Кунанбаева, если все это изучать, молодежь будет глубже знать культуру. В таком плане можно проводить мероприятия…» (к. филос. н., н. с. ИМБТ СО РАН).

«… Межнациональное согласие Республики Бурятия – это комплексная составляющая, и мы видим, что на межнациональное согласие влияет доверие и социальное самочувствие, уровень социально-экономического развития региона, те стабильные отношения и историко-культурный контекст, который сформировался в регионе исторически, но также всегда будет актуальной и работа по сохранению ценностей межнационального согласия у подрастающего поколения. У нас была ранее фокус-группа с представителями учреждения дополнительного образования, они тоже делились своими наработками и проблемами, говорили, чего не хватает, что необходимо внедрять, а что насаждается, предлагается, и поэтому некоторые педагоги находятся в растерянности, потому что есть и фе-

деральный запрос, в то же время у нас всегда был богатый краеведческий материал, историко-географический материал, сейчас очень популярными становятся экскурсии и по городу, и республике. Внимание к своей истории никогда не ослабевает и, конечно же, взаимодействие с научным миром, с учеными в виде популярных лекций на ТВ, способствуют в том числе воспитанию, культивированию ценностей, дети могут узнать о нашей республике, какие народы в ней живут, какую культуру они несут. Другое дело, что у конкретного педагога всегда будет очень сложная задача, практически донести до современного поколения, которое имеет уже другие ценности, отличные от предыдущих поколений…» (к. филос. н., н. с. ИМБТ СО РАН).

«Главной проблемой этнокультурного развития является все убыстряющееся сужение пространства живой среды этнической культуры. Абсолютно уменьшается число ее носителей. В обществе действуют объективные законы, работающие на функционирование ассимиляционных процессов. Сохранение культур различных групп все более сосредотачивается в замкнутых локальных пространствах – художественная самодеятельность, работа для туристов, инициативные группы, научные исследования. Беда в том, что даже эти процессы все менее подпитываются традицией живой среды, а иногда уже потеряли связь с ней… Межнационального согласия можно достичь только тогда, когда финансирование всех этногрупп будет являться относительно равномерным. "Перетягивание одеяла" на себя или "всем сестрам по серьгам" в этом сегменте общественной жизни порождает недопонимание и конфликтность… Для сохранения межнационального согласия в республике посредством этнокультурных мероприятий видится два направления мероприятий. Первое направление – это внутренние, то есть силами представителей этногрупп, и они имеют значение в основном для представителей этих групп. Второе направление мероприятий – это совместное проведение с несколькими представителями разных групп или со всеми группами. Для развития толерантности на внутренние мероприятия этногрупп необходимо приглашать гостей из других групп, и в программу проведения вносить задачу развития межнационального согласия, уважения других культур. Гостям почет и уважение. Также необходимо проводить общие конкурсы на знание другой культуры. Через СМИ реклама и пропаганда общих совместных мероприятий и празд-

ников как достояние всего населения республики… Для сохранения межнационального согласия упор надо делать на то, что нас объединяет, а не на то, что отличает, хотя без этого тоже обойтись невозможно. Представителям науки необходимо разрабатывать пошаговую технологию, представляющую систему, обеспечивающую атмосферу согласия. Вообще этому надо учить. За календарный год желательно, чтобы каждый НКЦ сумел провести общее мероприятие, где одной из задач было бы интернациональное воспитание…

Сохранение этнокультурного многообразия и межнационального согласия в республике возможно только при одном условии. Мы сейчас живем в информационном обществе, поэтому информация, которой пользуется все население, должна быть систематизирована, чтобы решать задачу постоянного формирования ситуации межэтнического согласия. Если мы не будем пользоваться этой возможностью, то ее используют другие, таких примеров множество, так происходило и происходит в странах, где победили "цветные революции". Кроме того, необходима научно-обоснованная Концепция межнационального согласия, учитывающая специфику этнического состава населения и его этнокультурные и конфессиональные особенности. Каждое мероприятие должно играть определенную свою стабилизирующую роль. Подавляющее большинство населения республики желает сохранения межнационального согласия…» (президент РОО «Центр изучения культуры», заслуженный учитель РФ).

Заключение

В монографии представлен анализ и дана оценка результатов социологического исследования региональных особенностей межэтнических отношений, позитивные и негативные этнические установки населения региона в изменяющихся социально-экономических условиях.

Исследование было направлено на выявление проблем межэтнического согласия, а также вероятных факторов дестабилизации ситуации в республике, среди которых такие, как политизация этничности, особенно в период предвыборных кампаний, этническая обусловленность шансов на социальное и карьерное продвижение, деструктивное влияние Интернет-пространства, этническая клановость и этническая сегментация в социокультурной и образовательной сфере.

Полученные эмпирические данные показали достаточно благоприятную картину. Большинство респондентов склонно к выбору положительных оценок межнациональных отношений в Бурятии.

Однако различия в территориальной принадлежности респондентов (городские/сельские) оказало влияние на оценки состояния межнациональных отношений в республике – сельские жители чаще выбирали положительные оценки, чем городские; реже характеризовали межнациональные отношения как «внутренне напряженные», по сравнению с городскими; почти в 2 раза менее готовы к взаимодействию с представителями иной национальности, в отличие от городских.

Несмотря на то что Республика Бурятия относится к полиэтничным регионам, основным фоном, определяющим межнациональные отношения, становятся взаимодействия между двумя наиболее многочисленными народами – русскими и бурятами, имеющими долгий исторический опыт позитивного совместного проживания. Хотя следует отметить, что ухудшение социально-экономического положения оказывает негативное влияние в целом на социальное самочувствие населения, восприятие сферы межнациональных отношений в частности.

Доверие в полиэтничном регионе является важнейшим фактором сохранения межнационального согласия. В ходе исследования обнаружены несущественные различия в обобщенном доверии и недоверии населения республики, однако недоверяющих оказалось все же

больше, чем тех, кто доверяет. Выявленное разделение доверительного и недоверительного взаимодействия жителей Бурятии, а также ориентация на расширение радиуса доверия и закрепление институциональных форм консолидации зависят не только от исторически сложившихся коммуникаций в республике, но и текущего экономического положения в стране и регионе, актуализации политических и социальных факторов.

Оценивая межнациональное согласие населения Республики Бурятия можно сделать вывод, что, несмотря на влияние этничности на повседневные практики жителей республики и существующий в их жизни традиционализм, тем не менее активным фактором межнационального согласия выступает высокий уровень межэтнического и межконфессионального доверия. Несущественные расхождения в обобщенном доверии и недоверии, а также основаниях доверия/недоверия у различных этносоциальных групп в республике дают возможность говорить о значительном ресурсе межнационального согласия и его воспроизводстве в ближайшее время.

Важнейшим направлением развития полиэтнического региона является не просто регулирование межнациональных отношений и выработка концептуальных подходов, способствующих сохранению межнационального согласия и росту доверительных отношений, но и повышение уровня жизни населения, уменьшение социального неравенства, безработицы, решение проблем экологического характера, обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного, технологического и социального развития республики.

Результаты эмпирического анализа, изложенные в монографии, могут быть востребованы для работы не только представителями научных и образовательных учреждений республики, но и органами государственного и муниципального управления при долгосрочном планировании и текущей деятельности по сохранению межнационального согласия в регионе.

Источники и литература

Нормативно-правовые документы

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году» // Сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/ (дата обращения: 02.02.2021).

2. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 02.02.2021).

3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года / утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/17165 (дата обращения: 17.09.2020).

4. Стратегия социально-экономического развития республики Бурятия на период до 2035 г. – Улан-Удэ, 2019. – 163 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ulan-ude-eg.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strate-giya-2035/?fileId=9633&hash=b6e2b133298d917438c9663ee0146b91 (дата обращения: 02.02.2021).

5. Федеральный государственный образовательный стандарт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fgos.ru/ (дата обращения: 25.03.2021).

6. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://brpcrb.ru/upload/buryascbrpk_new/files/4c/7d/4c7dc4daec021c31111c1e04d1e8c69b.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

Источники

7. Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Ч. I. – Улан-Удэ, 2004.

8. Национальный состав населения Республики Бурятия: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. № 02-03-18. Ч. 1. – Улан-Удэ, 2012.

9. Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. № 02-03-18. Ч. 2. – Улан-Удэ, 2013.

Электронные ресурсы

10. Бурятия в середине рейтинга регионов по уровню закредитованности населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-daily.ru/news/16/400907/ (дата обращения: 15.11.2020).

11. Бурятия в топе антирейтинга по качеству работы транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-media.ru/news/society/364635/ (дата обращения: 24.03.2020).

12. Бурятия в цифрах, 01-01-13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/bur2020_6-urov_20200622.pdf.

13. Бурятия оказалась на дне рейтинга задолженности по кредитам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-daily.ru/news/15/304020/ (дата обращения: 15.11.2020).

14. Бурятия оказалась на предпоследнем месте рейтинга эффективности управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-media.ru/news/society/371221/ (дата обращения: 15.01.2021).

15. Бурятия остается аутсайдером в рейтинге регионов по качеству жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-daily.ru/news/15/384548/ (дата обращения: 24.03.2020).

16. Бурятию покидают семьями из-за плохой экологии и в поисках лучшей жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ulanude. bezformata.com/listnews/buryatiyu-pokidayut-semyami-iz-za-plohoj/82290034/ (дата обращения: 24.03.2020).

17. В Улан-Удэ отравленный воздух вызвал всплеск заболеваний у детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta-n1.ru/news/71016/ (дата обращения: 15.11.2020).

18. Всероссийская перепись населения 2010 / Итоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 15.01.2019).

19. Дашибалова И. Н. Тренды этносоциальной стабильности в Республике Бурятия (по данным социологического исследования) / И. Н. Дашибалова // Тренды и управление. – 2018. – № 4. – С. 25–32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// e-notabene.ru/ptu/article_28497.html (дата обращения: 18.03.2021).

20. Дробижева Л. М. Межнациональное согласие в политике и восприятии населения / Л. М. Дробижева // Ресурс межнационального согласия в Москве: информ.-аналит. бюл. ИС РАН. – 2014. – № 2: сб. науч. ст. / рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/publ.html?id=3292.

21. Дробижева Л. М. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан [Электронный ресурс] / Л. М. Дробижева, Т. А. Титова // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. Режим доступа: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2019/1/INAB_2019_1_final.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

22. Ежегодный отчет Главы Республики Бурятии о результатах деятельности Правительства Республики Бурятия, в том числе по вопросам, поставленным Народным Хуралом Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2018. – 56 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hural-buryatia.ru/docfiles/file2793_3930.docx (дата обращения: 02.02.2021).

23. Жители Бурятии массово уезжают на юга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-daily.ru/news/15/189781/ (дата обращения: 24.03.2020).

24. Жители Бурятии оказались самыми непритязательными в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://ulanude.bezformata.com/listnews/buryatii-okazalis-samimi/56838858/ (дата обращения: 15.11.2020).

25. Жители Бурятии продолжают бегство на запад России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.infpol.ru/197089-zhiteli-buryatii-prodolzhayut-begstvo-na-zapad-rossii/ (дата обращения: 24.02.2020).

26. Жители Улан-Удэ дышат воздухом, отравленным бензапиреном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta-n1.ru/news/society/81151/ (дата обращения: 24.03.2020).

27. Жители Улан-Удэ и Селенгинска дышат самым грязным воздухом в России // ИА «Regnum» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/society/2707629.html (дата обращения: 17.02.2020).

28. Заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ (30.03.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252.

29. Зарплатные предложения в Бурятии самые низкие среди регионов ДФО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta-n1.ru/news/society/91504/ (дата обращения: 15.11.2020).

30. Зеленый патруль // Экологический рейтинг регионов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://greenpatrol.ru/sites/default/files/press/ekologicheskiy_reyting_-_zima_2018-2019.pdf (дата обращения: 17.02.2020).

31. Индекс рынка труда в регионах России. Итоги 2018 года // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20190909/1558395890.html (дата обращения: 17.02.2020).

32. Индикаторы уровня жизни населения за 2017, 2019 годы / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республ-

лике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/7ca515004ccd7d52b1ebf54fc772e0bb/04-02-04.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

33. Комплексный доклад «Социально-экономическое положение Республики Бурятия» / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/region/docl1181/Main.htm. (дата обращения: 02.02.2021).

34. Краткие сведения о Бурятии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://egov-buryatia.ru/about_republic/short-about-rb/ (дата обращения: 14.02.2020).

35. «Люди храбрятся»: социологи объяснили, почему россияне довольны жизнью, несмотря на падение доходов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.irk.kp.ru/daily/26988/4048194/ (дата обращения: 24.03.2020).

36. Межнациональное согласие в региональном контексте: инфом.-аналит. бюл. ИС РАН. – 2015. – № 2: сб. науч. ст. / рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www.isras.ru/files/File/ INAB/ inab_2015_2_final.pdf.

37. Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования [Электронное издание] / М. Ф. Черныш и др.; отв. ред. М. Ф. Черныш. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 133 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB _1_2017. pdf (дата обращения: 18.03.2021).

38. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии): инфом.-аналит. бюл. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2019/1/ INAB_2019_1_final.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

39. Миграционная ситуация в Республике Бурятия в январе-декабре 2019 // Пресс-выпуск от 17.03.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/press_20200317.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

40. Мукомель В. И. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях / В. И. Мукомель, С. В. Рыжова // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 37–46 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socis.isras.ru/files/File/ 2017/2017_1/Mukomel_Ryzhova.pdf.

41. Названы лучшие по качеству жизни регионы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20200217/1564852684.html (дата обращения: 15.11.2020).

42. Названы регионы России с самым высоким качеством жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20210215/zhizn-1597464812.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1613349793000.

43. Народ валит из Бурятии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blogrb.ru/news/192970 (дата обращения: 24.03.2020).

44. Население покидает Бурятию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.baikal-daily.ru/news/15/363439/ (дата обращения: 11.05.2019).

45. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: мат-лы сессии научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов. – М.: ИЭА РАН, 2018. С. 74–100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Drobizheva_izuchenie_etnichnosty_ mezhnaz_otnosheniya)sociologii_2018.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

46. Ностальгия по СССР // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр». 19 декабря 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// levada.ru (дата обращения: 16.12.2019).

47. О распаде СССР. Что думают сегодняшние россияне о распаде СССР? // Фонд «Общественное мнение». 28 января 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fom.ru/Proshloe/11314 (дата обращения: 16.12.2019).

48. Отток населения из Бурятии вырос почти на 50 процентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta-n1.ru/news/69349/ (дата обращения: 15.11.2020).

49. Официальная статистика. Население. Демография. Численность и состав населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РБ. 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/region/docl1181/Main.htm (дата обращения: 02.02.2021).

50. Очирова В. М. Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) / В. М. Очирова // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 141–161 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tuva.asia/journal/issue_ 30/8679-ochirova. html/ (дата обращения: 08.09.2020).

51. Перечень наименований зарегистрированных СМИ // Сайт Управления Роскомнадзора по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/

52. Петрова Е. В. Образовательно-воспитательное направление как важнейший фактор сохранения межнационального согласия в Республике Бурятия: опыт работы экспертной панели (2016–2017 гг.) / Е. В. Петрова // Вестник развития науки и образования. – 2018. – № 10. – С. 23–31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sced.ru/ru/index.php?option=com_ con-

tent&view=article&id=654:vestnik-razvitiya-nauki-i-obrazovaniya-10-2018& catid=43: uncategorised &Itemid=156 (дата обращения: 18.03.2021).

53. Попков Ю. В. Государственная национальная политика России: проблемы и концептуальные лакуны / Ю. В. Попков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 345–366 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.302.

54. Попков Ю. В. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика / Ю. В. Попков // Новые исследования Тувы. – 2013. – № 1. – С. 11–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tuva.asia/journal/issue_ 17/5964-popkov.html (дата обращения: 18.03.2021).

55. Потребление основных продуктов питания населением Республики Бурятия в 2019 году: пресс-выпуск / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/ ykM0uVJp/ press_20201008.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

56. Пресс-выпуск 02.03.2021. О численности и начисленной заработной плате работников организаций Республики Бурятия за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/storage/ mediabank/5ulscRAB/press_20210302.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

57. Пресс-выпуск. Миграция населения Республики Бурятия / Бурстат. 17.11.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/ press_releases (дата обращения: 15.04.2021).

58. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/storage/mediabank/ Region_Pokaz_2019.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

59. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www.gks.ru (дата обращения: 20.04. 2021).

60. Рейтинг качества жизни городов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fa.ru/Documents/96_LQ_2020_06.pdf (дата обращения: 12. 01.2021).

61. Рейтинг регионов по закредитованности населения-2019 // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riarating.ru/infografika/20191224/630147980.html (дата обращения: 17. 02.2020).

62. Рейтинг регионов по уровню безработицы в ноябре 2018 – январе 2019 г. // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riarating.ru/infografika/20190319/630120082.html (дата обращения: 17.02.2020).

63. Рейтинг российских регионов по качеству жизни // Сетевое издание РИА «Новости». 18 февраля 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https:// riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html (дата обращения: 17. 02.2020).

64. Рейтинг социально-экономического положения регионов-2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riarating.ru/infografika/20200602/ 630170513.html (дата обращения: 31.03.2021).

65. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания (с изм. на 25 октября 2019 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs. cntd.ru/document/420374878 (дата обращения: 15.11.2020).

66. Ресурс межнационального согласия в Москве: информ.-аналит. бюл. ИС РАН. – 2014. – № 2: сб. науч. ст. / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева / М.: Институт социологии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.isras.ru/publ.html?id=3292.

67. Рыжова С. В. Этническая солидарность и доверие в Республике Татарстан / С. В. Рыжова // Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии): информ.-аналит. бюл. ФНИЦ РАН. – 2019. – № 1 / отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. – М.: ФНИСЦ РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isras.ru/ files/File/ INAB/2019/1/INAB_2019_1_final.pdf.

68. Рыжова С. В. Доверие в полиэтничном обществе и риски интолерантности и ксенофобии // Ресурс межнационального согласия в Москве: информ.-аналит. бюл. ИС РАН. – 2014. – № 2: сб. науч. ст. / рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/publ.html?id =3292.

69. Рыжова С. В. Доверие и межнациональное согласие в региональном разнообразии // Межнациональное согласие в региональном контексте: информ.-аналит. бюл. ИС РАН. – 2015. – № 2: сб. науч. ст. / С. В. Рыжова; рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/ files/File/ INAB/ inab_ 2015_2_final.pdf.

70. Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь-март 2019 года. Комплексный доклад № 01-01-01 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_ts/burstat/resources/e768338049365f92a88afe3fbd401489/01-01-01+03.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

71. СССР: сказка о потерянном референдуме. Всероссийский центр общественного мнения. 16 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619 (дата обращения: 16.12.2019).

72. Статистический ежегодник, 2020. Бурятия в цифрах, 01-01-13 https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/xmwqBIuA/ege2020_urov.pdf (дата обращения 20.04.2021)

73. Татарко А. Методы этнической и кросскультурной психологии / А. Татарко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://modernlib.net/books/aleksandr_tatarko/metodi_etnicheskoy_i_krosskultur-noy_psihologii/read_2/ (дата обращения: 31.03.2021).

74. Уровень жизни населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burstat.gks.ru/standard_of_living (дата обращения: 20.04.2021)

75. Численность населения на 1 января / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ ts/burstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.06.2021).

76. Шулунов Д. Кому принадлежит Бурятия: эхириты у власти / Д. Шулунов // Информ-полис. 2017. 22 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infpol.ru/news/society/127226-komu-prinadlezhit-buryatiya-ekhirity-u-vlasti-chast-4/ (дата обращения: 27.06.2020).

77. Щеголькова Е. Ю. Межнациональные (межэтнические) отношения (на примере Республики Саха (Якутия)) / Е. Ю. Щеголькова // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 24–37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www. isras.ru/files/File/INAB/2019/1/INAB_2019_1_final.pdf (дата обращения: 18.03. 2021).

78. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) № 3. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_3_2017.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

Литература

79. Авксентьев В. А. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 31–37.

80. Андреев А. Л. Глобальный мир и этническая революция / А. Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4(40). – С. 23–36.

81. Арутюнян Ю. В. Этносоциология / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. – М.: Аспект-пресс, 1999. – 271 с.

82. Атанов Н. И. Проектный и пространственный подходы к развитию региональной экономики: сравнительные характеристики / Н. И. Атанов, М. В. Бадмаева, М. М. Егоров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 3–10.

83. Базаров Б. В. Бурятия в XX–XXI вв.: от национальной автономии к современной республике / Б. В. Базаров // Республике Бурятия-95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 3–6.

84. Балдано М. Н. Идея создания единого Монгольского государства как проект нациестроительства / М. Н. Балдано // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 276–286.

85. Балдано М. Н. Этнокультурные и этнополитические процессы в Бурятии в 1990-х гг. / М. Н. Балдано // Республике Бурятия-95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 56–58.

86. Белова О. В. Социально-культурное неравенство этнических групп в современной России / О. В. Белова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2014. – № 12. – С. 73–75.

87. Беляева Л. А. Социальные ресурсы населения в России и Европе: сравнительный анализ / О. В. Белова // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 23–36.

88. Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие / И. Б. Бовина // Социологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 5–20.

89. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкерпер; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

90. Вагапова А. Р. Современные социально-политические явления в представлениях разных этнических групп / А. Р. Вагапова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Т. 4, вып. 5(15). – С. 226–231.

91. Вагапова А. Р. Сотношение субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп / А. Р. Вагапова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5, вып. 4(20). – С. 330–334.

92. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М., 1999.

93. Гончарова Н. П. Кризисное состояние общества: состояние и структура / Н. П. Гончарова // Известия АлтГУ. – 2010. – № 1–2. – С. 177–181.

94. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. – М.: Изд-тво Института социологии РАН, 2006. – 327 с.

95. Гунтыпова Э. С. Миграция молодежи Республики Бурятия в оценках молодежи / Э. С. Гунтыпова // Актуальные вопросы развития аграрного сек-

тора Байкальского региона: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. Дню российской науки. ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА имени В. Р. Филиппова, 2019. – С. 196–200.

96. Гуриева С. Д. Установка и формирование системы межэтнических отношений / С. Д. Гуриева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2009. – № 6(1). – С. 282–291.

97. Дагбаев Э. Д. Регионы и новая восточная политика России / Э. Д. Дагбаев // Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 151–157.

98. Дакари Р. А. «Человек этнический»: актуальность полипарадигмального исследования / Р. А. Дакари, В. Л. Лившиц // Философия социальных коммуникаций. – 2011. – № 2(15). – С. 69–81.

99. Данилова З. А. Социальные риски в Байкальской Азии / З. А. Данилова // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 1. – С. 119–128.

100. Дашибалова И. Н. Социокультурные факторы межэтнических отношений в Республике Бурятия / И. Н. Дашибалова // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: мат-лы международ. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 6–11 августа 2018 г.) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 148–150.

101. Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации / Л. М. Дробижева // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 167–180.

102. Дробижева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации / Л. М. Дробижева // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 119–129.

103. Дробижева Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2015. – № 11(379). – С. 80–90.

104. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 26–36.

105. Дробижева Л. М. Российская общегражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении / Л. М. Дробижева // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – Т. 8, № 4(43). – С. 324–336.

106. Дробижева Л. М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии / Л. М. Дробижева // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

107. Дробижева Л. М. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан / Л. М. Дробижева, Т. А. Титова // ИНАБ. – 2019. – № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – С. 7–23.

108. Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики / Л. М. Дробижева // Вестник Института социологии. – 2020. – № 1. – С. 429–442.

109. Дугаржапова Д. Б. Анализ уровня жизни населения Республики Бурятия в разрезе регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов / Д. Б. Дугаржапова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2019а. – № 1(33). – С. 184–191.

110. Дугаржапова Д. Б. Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия / Д. Б. Дугаржапова // ЭКО. – 2019б. – № 3. – С. 83–93.

111. Жалсанова В. Г. Межнациональное согласие и патриотическое воспитание в современной Бурятии (по материалам социологического исследования) / В. Г. Жалсанова, А. С. Бреславский, А. В. Бильтрикова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 8. – С. 30–38.

112. Жалсанова В. Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования). / В. Г. Жалсанова // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 3(145). – С. 18–22.

113. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

114. Климова С. Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» / С. Г. Климова // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 13–22.

115. Ковалева А. И. Разновидности социальной идентичности: подходы и классификации / А. И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 4. – С. 89–103.

116. Корнилова М. В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы): дис…. канд. соц. наук: 22. 00. 04 / М. В. Корнилова. – М., 2012. – 201 с.

117. Корнилова М. В. Социальное самочувствие: понятие и основные показатели / М. В. Корнилова // Евразийское научное объединение. – 2015. – Т. 2, № 3. – С. 135–138.

118. Крыштановская О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М., 2004. – 384 с.

119. Ламажаа Ч. К. Клановость в политической жизни регионов России / Ч. К. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3. – С. 133–147.

120. Макарова Г. И. Динамика российской региональной и этнических идентичностей в Татарстане / Г. И. Макарова // Социологические исследования. – 2011. – № 5(325). – С. 71–77.

121. Мареева С. В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании / С. В. Мареева, Н. Е. Тихонова // Мир России. – 2016. – № 2. – С. 37–67.

122. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

123. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л. М. Дробижева; Институт социологии РАН. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

124. Межнациональные отношения в Республике Бурятия: по материалам мониторинговых исследований 2016–2018 гг. / отв. ред. Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – 130 с.

125. Мозговая А. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) / А. В. Мозговая, Е. В. Шлыкова // Социальная наука и социологическая практика. – 2014. – № 4(8). – С. 25–49.

126. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2021 / под ред. Л. Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2021.

127. Мукомель В. И. Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов / В. И. Мукомель // Федерализм. – 2018. – № 2(20). – С. 141–160.

128. Осадчая Г. И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян / Г. И. Осадчая. – М.: Изд-во РГСУ, 2013. – 512 с.

129. Паин Э. А. Этнические конфликты: столкновение культур или дисфункция политической системы? / Э. А. Паин // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0: сб. ст. Т. XX. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 300–320.

130. Панов П. В. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса / П. В. Панов, Е. Ю. Филиппова // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2015. – № 3– С. 33–50.

131. Пантин В. И. Национально-цивилизационная идентичность: специфика России / В. И. Пантин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 42–51.

132. Пастухов В. Б. Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой / В. Б. Пастухов // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 6–16.

133. Паутова Л. А. Комплексный подход к исследованиям социального представления о стабильности / Л. А. Паутова // Социология 4М. – 2004. – № 19. – С. 32–65.

134. Петрова Е. В. Этносоциальная стратификация в Бурятии (особенности и специфика) / Е. В. Петрова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 93–99.

135. Петрова Е. В. Специфика современного межэтнического взаимодействия в Республике Бурятия / Е. В. Петрова // Вестник Томского университета. – 2008. – № 313. – С. 55–57.

136. Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2009. – 332 с.

137. Петрова Е. В. Межнациональное согласие в Республике Бурятия: оценки и мнения участников экспертной панели / Е. В. Петрова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение». – 2017а. – Т. 21. – С. 118–126.

138. Петрова Е. В. Мониторинг межнациональных отношений в полиэтнических регионах: организация работы экспертной панели в Республике Бурятия / Е. В. Петрова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2017б. – № 2(26). – С. 124–129.

139. Петрова Е. В. Социологический мониторинг межнациональных отношений в Республике Бурятия (2016–2017 гг.) / Е. В. Петрова // Вестник университета. – 2018. – № 10. – С. 155–160.

140. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи / Л. Е. Петрова // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50–55.

141. Петрова Е. В. Социальное самочувствие городского населения Республики Бурятия (на материалах социологического исследования в г. Улан-Удэ) / Е. В. Петрова, И. Д. Ван // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 188–194.

142. Петрова Е. В. Влияние этничности на социальное продвижение в Бурятии / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова // Социологические исследования. – 2020. – № 3 – С. 93–99.

143. Петрова Е. В. Доверие городского населения Республики Бурятия как индикатор межнационального согласия в регионе / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова // Вестник развития науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 9–18.

144. Петрова Е. В., Жалсанова В. Г., Бильтрикова А. В. Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества / Е. В. Петрова, В. Г. Жалсанова, А. В. Бильтрикова // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4, № 3(13). – С. 292–298.

145. Попков Ю. В. Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки / Ю. В. Попков, В. Г. Костюк, Е. А. Тюгашев // Социологические исследования. – 2007.– № 5. – С. 62–70.

146. Попков Ю. В. Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза) / Ю. В. Попков, В. Т. Костюк, В. Н. Тугужекова.– Новосибирск, 2003.

147. Радаев В. В. Социальная стратификация/ В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Аспект пресс, 1996.

148. Рандалов Ю. Б. Современные национальные отношения в Бурятии / Ю. Б. Рандалов // Республике Бурятия – 80 лет. – Улан-Удэ, 2003.

149. Региональные модели государственной национальной политики современной России. В 2 ч. / М. А. Абрамова, В. Г. Костюк, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, Ю. В. Попков; под ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. Ч. I. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 176 с.

150. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности / С. В. Рыжова. – М. : Альфа-М, 2011. – 280 с.

151. Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен / С. В. Рыжова // Социологический журнал. – 2016. – Т. 22. – С. 72–94.

152. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении / С. В. Рыжова // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 3(31). – С. 165–181.

153. Сагитова Л. В. Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра полит. наук / Л. В. Сагитова. – Калининград, 2019. – 38 с.

154. Санглибаев А. А. Этноклановость на постсоветском пространстве / А. А. Санглибаев // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 52–63.

155. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

156. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России (на примере Республики Алтай и Новосибирской области). В 2 ч. / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, В. В. Самсонов; под. ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. Ч. II. – Новосибирск: Омега Принт, 2017. – 155 с.

157. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции. В 2 ч. / М. А. Абрамова, М. Р. Зазулина, В. Г. Костюк; под. ред. Г. С. Солодовой; ИФПР СО РАН. Ч. I. – Новосибирск: Омега Принт, 2017. – 150 с.

158. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / кол. авт.; под. ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 347 с.

159. Сулейманова Ш. С. Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России / Ш. С. Сулейманова, Е. Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – №5(83). – С. 9–14.

160. Сычев А. А. Межэтническое доверие / А. А. Сычев // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 1. – С. 15–23.

161. Тишков В. Этнополитология / В. Тишков. – М., 2011. – 376 с.

162. Тишков В. А. Линии усложнения: введение к коллективному труду «Культурная сложность современных наций» / В. А. Тишков // Вестник Российской нации. – 2016. – № 5(50). – С. 82–91.

163. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 5–17.

164. Фадеев П. В. История изучения социальных и межэтнических установок в отечественной науке / П. В. Фадеев // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 8(110). – С. 45–56.

165. Финансовое поведение населения. Мониторинг. 2020 / под ред. д. э. н., проф. А. В. Ярашевой. – М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020. – 123 с.

166. Хвыля-Олинтер Н. А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // Н. А. Хвыля-Олинтер // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2016. – № 5. – С. 104–109.

167. Штомпка П. Доверие – основа общества / П. Штомпка; пер. с польск. В. Морозовой. – М.: Логос, 2014.

168. Щеголькова Е. Ю. Общее и особенное в межэтнических установках граждан в российских регионах с доминирующим русским населением / Е. Ю. Щеголькова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2008. – № 5 (13). – С. 230–246.

169. Этносоциальные процессы в Сибири / отв. ред. Ю. В. Попков. Вып. 1–6. – Новосибирск, 1997–2007.

170. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю. В. Попков и др.; под. ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 273 с.

171. Pelin A. V. Interetnic Tolerance in the Context of Regulation Etnic Relation in Ukraine / A. V. Pelin, K. Y. Novosad // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. – 2013. – Vol. 18, № 2-1(18). – С. 384-390.

172. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework / J. Rothschild. – N. Y., 1981. – 290 p.

Елена Викторовна Петрова
Аюна Владимировна Бильтрикова
Ирина Николаевна Дашибалова
Валентина Гурожаповна Жалсанова

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом ИМБТ СО РАН

Редактор *Г. В. Кашина*
Макет – *Г. В. Кашина*

Подписано в печать 26.08.2021. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 500. Заказ № 6.

РИО Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.